

(((СОНАР)))

№ 20, 2026 г.

Хайфа, Израиль

Редколлегия журнала (((СОНАР)))

Марина
Симкина

Анжела
Беленко

Ирина
Лир-Лави

Анатолий
Анимица

Ольга
Логош

Леонид
Штернберг

Электронная почта редакции: rougelangue@gmail.com

Номера журнала: <https://sonar.ecoimper.net> <http://geotar.com/sonar>
Сонар медиа (все выпуски): [Сонар аудио и видео](#)

Все права на публикуемые в журнале произведения принадлежат их авторам. Рукописи не возвращаются и не рецензируются. Мнение авторов не обязательно совпадает с мнением редколлегии.

В оформлении номера журнала использованы картины Андрея Софьина.

На 1 странице обложки: Кусты олеандра. Холст, масло. 180x1180, 2013 г.

На 4 странице: обложки: Ханука (танец). Холст, масло. 40x30, 2011 г.
Выпускающие редакторы: Ирина Лир-Лави и Леонид Штернберг.

Оглавление

От редколлегии	4
Ура, нам пять лет!.....	4
Татьяна Андреева	6
Море	6
Невель.....	7
Последний август.....	10
Кругосветка	12
Журавлики.....	14
Сумочка	15
Стремительный почерк.....	16
Коврик	19
После десяти	21
Адель	27
Вениамин Арцис	31
Антагонистическая противоречивость СВОБОДЫ и РАВЕНСТВА, приводящая к насилию, в оценке Н. А. Бердяева.....	31
Эли Бар-Яалом.....	46
Приглашение в ковчег	46
Выжившие	47
Ананке	48
Чувак в фонтане	50
Драконы.....	50
Предупреждение.....	51
Говорит самурай	52
Кольцевая	53
Источник.....	54

Убежище	55
Правда-крявда	56
Ближневосточный романс	57
Анжела Беленко	59
В тени Рауля Валленберга Часть 3.....	59
Арина Браги.....	72
Бабушкина десятка	72
Тыква позабыла, как перестать расти.....	74
Ежи ежевики. Август	75
Константин Вихляев.....	78
Арсению Тарковскому.....	78
Венеция.....	80
Рудольф Нуреев	80
Эдит Пиаф	81
Вена. Бетховенский фриз	82
Времена года	85
Мартовский снег.....	87
Август	91
Сиваш.....	91
Летний сад	92
Солхат	96
Зарисовки в прозе.....	97
Оля Вольпин.....	104
Предисловие редактора Ольги Логош «И пространство ведет себя странно...»	104
Стихотворения	105
Игорь Вульфийус (Гарич).....	109
Здесь правят хищники	109

О себе без лирики.....	181
Близкий-далёкий друг Гарич (от редактора А. Беленко)	183
Семен Златин.....	188
Пейте на здоровье!	188
Светлана Зобнина.....	191
Сломать Систему.....	191
Александр Крамер.....	197
Фрагменты немецкой жизни	197
Борис Левин	213
Еврейские мотивы «Старика Хоттабыча».....	213
Игорь ЛеШ	235
Не говори «не могу»	235
Исанна Лихтенштейн.....	236
Из далекого прошлого в жуткое настоящее.....	236
Гелена Степура.....	239
Голубой вагон	239
Дмитрий Северюхин.....	243
Сновидения Андрея Софьины.....	243
Сведения об авторах	245
Картинная галерея	251

От редколлегии

Ура, нам пять лет!

Дорогие читатели, авторы и друзья журнала!

Редколлегия поздравляет нас всех с первым юбилеем – журналу «Сонар» исполнилось пять лет и сейчас на просторы интернета выпорхнул двадцатый номер! Налицо успех первой пятилетки.

Мы рады, что, начавшись в 2021 году с хайфской инициативы, журнал сразу стал международным, собрав вокруг себя творческих людей – писателей, поэтов, ученых и художников из разных стран.

Не всегда и не все идет гладко в жизни нашего журнала: после второго номера пришлось сменить название поскольку у нас оказался двойник (первые два номера вышли как «Langue Rouge»), бывают творческие и идеологические споры, порой весьма горячие, по разным причинам менялся состав редколлегии. Но очередной номер всегда выходит в срок или почти в срок, и, к радости редакторов, встречает одобрение публики, а авторы возвращаются к нам с другими своими произведениями.

За прошедшие годы Сонар не стал массовым коммерческим изданием, у редколлегии даже нет такой цели. Журнал бесплатный, и мы, редакторы, тоже работаем бесплатно и готовы продолжать, потому что нам нравится эта работа, дорог журнал и важны освещаемые в нем темы. Нам дорог круг наших авторов и читателей, которые ждут следующего номера и заинтересованно обсуждают очередной выпуск. У нас пока не такая большая аудитория как нам бы хотелось, ведь у Сонара не развлекательный, а скорее интеллектуальный и литературно-публицистический формат, но наша публика – это умные, образованные, интересные и неравнодушные люди, которым есть, что сказать. Мы благодарны им за обратную связь и учитываем их мнение.

С содержанием всех номеров читатель может познакомиться на нашем сайте <https://sonar.ecoimper.net/>. Просто кликнуть на картинку обложки нужного номера.

Писать нам можно на фейсбук по адресу [Журнал "Сонар" | Facebook](#).

Ирина Лир-Лави, редактор

Я откликнулась на приглашение Анатолия Анимиды прийти в «Сонар» одним из редакторов в очень тяжёлое для журнала время, когда из жизни ушёл Борис Гордин. Сама идея – работать «просто так», бесплатно, для меня была абсолютно созвучной моему мировосприятию – уже много лет я занимаюсь разными проектами просто за «спасибо» или «пару строчек в газете».

Всё началось ещё с юности, с международного языка эсперанто, когда я видела, как эсперантисты общаются, организуют фестивали, поездки, встречи с единомышленниками из-за рубежа – просто от души, потому что им это очень интересно. Потом был Центр для детей и молодёжи с ограниченными возможностями, где я с детьми снимала мультфильмы. Было много других отдельных проектов, на которые мне не было жалко тратить своё время и силы, не получая за это гонорар. Благотворительность – значит творить благо. И это со мной навсегда.

Что касается самого журнала, то к каждому номеру, как к своему ребёнку – безусловная любовь. Как можно не любить дитя, которого с надеждой и в муках рождаешь. А муки у команды редакторов – те самые, родовые! Но если серьёзно – необходимость в периодической литературе была и остаётся, авторам нужны читатели, читателям – авторы. Я счастлива быть и тем, и другим! Я счастлива быть в команде творческих людей, неоднородных, уникальных, и при этом очень дорогих мне.

С Днём рождения, Сонар!

Анжела Беленко, редактор

Татьяна Андреева

Море

После первого класса за буйство, двойки и мамкины слезы Сашку сослали к прабабке в гиблое место. Вымершая деревня, избы разной степени разложения, иных и вовсе нет, их могилы заросли крапивой, лопухами, поминальными факелами иван-чая.

Кроме прабабки ни одного самого завалёщего взрослого, не говоря уж о пацанах. Бабка ведьма ведьмой: скрюченная, чуть выше Сашки, вся в черном, только и видно мелкое печеное личико, и коричневые кривые пальцы. Молчит как неживая, смотрит мимо.

Сашка заскучал, собрал манатки, стырил у бабки хлеба и еще до обеда пустился в бега. Лучше пусть дома выпорют, не привыкать.

Тропинка шла через лесок, потом по полю вниз, к ручью, спрятанному в кустах, от него поднималась вверх. Обдумывая, не срезать ли через поле, он глянул вперед и остолбенел. Замер, поморгал – оно не исчезло. «Откуда оно здесь? А чё никто не сказал?»

От кустов до самого горизонта синело море. Настоящее море с волнами. Ветер гнал над ним лёгкие облака, их тени плыли, как стая огромных китов. До этого Сашка видел море только на картинках. Он рванул вниз по полю, навернулся, уронил сумку, бежал под стук в ушах, трава стегала по ногам.

Почувствовал подвох, когда с разбегу перелетел ручей рядом со сгнившими серыми мостками. Море исчезло. Оно распалось на тысячу отдельных растений, под голубыми волнами видна была зеленая восковая подкладка. По краю росли отдельные низкие стебли льна вперемешку с васильками, а дальше поле, поле до горизонта.

Саша, как подрезанный, плюхнулся на берег поля, в низкую сухую траву. Он держал в себе слёзы, пока в руку не впилась колючка. Только тогда заплакал. Ревел долго, как маленький, пока слезы из горьких не стали сладкими.

Встал, все еще прерывисто вдыхая, подобрал рыхлый березовый сук, побрел вглубь поля, махал им сначала вяло, нехотя, но начал злился на гибкие ускользающие стебли, и бил уже наотмашь, сражался с азартом, представлял себя безжалостным пиратом, а когда палка сломалась – пиратским кораблем. Менял галсы, раскинув руки, под ладонями влажно

струились волны. Подставлял ветру лицо на просушку, улыбался облакам, щурился солнцу, бороздил просторы, наконец затонул, и долго-долго следил со дна за проплывающими над ним белыми китами, осьминогами и дельфинами.

Повернул голову и заметил среди бледно-зеленых водорослей синий кристалл. Сашка знал, что это василёк. У берега их много, и они скучные. Здесь, на глубине, васильки попадались редко, как драгоценные камни. Сашка выискивал их, нырял, задерживая дыхание, и вытащил целых девять – крупных, с сине-фиолетовыми гранями.

Лег на дно, прижал их к себе и превратился в сундук с сокровищами. Над ним рябили волны, подрагивало сквозь них солнце, где-то высоко металась чайка, торговцы бились с пиратами, шторм сменялся штилем, море выталкивало острова и забирало обратно, менялись течения, рассыпались царства, дворцы зарастали лопухом и иван-чаем, а волны качали всех без разбора: и правых, и виноватых, и двоечников, и отличниц, и он лежал на дне тысячу лет, пока не проснулся от того, что хочет пить и писать.

Пошел обратно, попил воды из ручья, хозяйским глазом прикинул, где лучше сделать запруду. Отыскал нагретую солнцем сумку, начерно заглянул в заброшенный дом на краю деревни, втянул манящий запах гнилого дерева и лежалого сена, заметил рядом куст черной смородины, а за ним яблоню, но не полез через крапиву – успеется.

Бабка стояла у калитки. Тут только он понял, что несёт букет васильков, как девчонка, и от смущения протянул его бабке. Та постояла неподвижно, вытерла руки о блеклый передник, взяла цветы, поднесла к острому носу и посмотрела на Сашку. Сашка тоже посмотрел на бабку. Глаза у нее были под цвет василькам.

Невель

Бабуля в семье главная, потому что у обоих моих родителей в голове ветер, у мамы к тому же розовые очки, а папа делает, что его левая нога захочет. В выходные они спят, пока солнце в попу не упрется. Бабуля говорит другое слово, но мне его повторять нельзя.

Есть ещё бабушка Уля, папина мама. Я ее никогда не видела, поэтому мы с родителями собираемся в Невель. «Ташат ребенка за тридевять земель», – ворчит Бабуля. В нашем дворе про Невель никто не знает, даже пятиклассник Андрей.

«Не-вель, Не-вель», – мчит меня поезд за темные леса, за высокие горы, в Псковскую область, в Великие Луки. Невель – это то, что не-велено, запрещено, как пирожок с повидлом за пять копеек. Бабуля говорит, что он на машинном масле, и не покупает. Папа купил мне один раз, но я проболталась, и нам попало.

Оказалось, что Невель – это двухэтажный деревянный дом, оба подъезда распахнуты настежь от жары. Внутри темная гулкая прохлада, пахнет кошками, «осторожно, здесь порожек». В прихожей ведра с водой, как в деревне. В бабушкиной комнате высокая, до потолка, полукруглая печка, называется «голландка».

Если не слушать скучных взрослых разговоров, а выйти из квартиры, подняться по узкой лесенке и просунуть голову в квадратный люк, то можно увидеть в полумраке длинный-предлинный чердак, расчерченный веревками, как тетрадь в линейку, а на линейках висит скучное взрослое белье. И пахнет тоже бельем. Эка невидаль!

А можно спуститься во двор и пробежать по жухлой траве, перепрыгивая серые проплешины, прямо к низким сарайчикам. Называются «дровяные». Сарайчики покосились, подпирают друг друга, как старички, но у каждого – свой замок.

Если прижаться ухом к занозистой двери, то слышно, как кто-то скребется внутри. Пахнет оттуда пылью, мазутом и дохлой мышью. Дураку понятно, что там спрятаны несметные сокровища, а охраняют их дворовые собаки Сыч, Баранка и Шкет и дворовые доминошники «а ну, кыш, мелочь пузатая».

Бабушка Уля кругленькая, мягенькая, в детских туфельках на маленьких ножках, как ежика Ухти-Тухти из любимой книжки. Ее ручки что-то насыпают, месят, заталкивают в кастрюлю, а оно потом само лезет обратно. Бабушка хватает его, мнет, получается колобок. «Я колобок, колобок, по сусекам скребен, на сметане мешен», – говорит она мне, как маленькой, заглядывает в глаза и улыбается.

Рассказывает небылицы. Будто родилась она в Озерном крае, на станции Опухлики, будто было их тринадцать сестер, и она младшая. Ага, и все они опухли в своих Опухликах. Вот только мне Бабуля рассказывала, что они с мамой опухли совсем даже не в Опухликах, а в деревне Власьево в сорок седьмом году. Я запомнила год, потому что когда балуюсь за столом и не ем, Бабуля ворчит: «Сорок седьмого года на тебя нет». И ещё мама не ходила на улицу, у нее валенок не было. Сидела у окошка и смотрела на ледяные разводы. Растопит пальцем дырочку, а и в дырочку

не видно – сугроб выше окна намело. Так она и не увидела зиму. Сидела опухшая и ждала еду. Еда тогда называлась «жмых».

Что ли тринадцать сестер в Опухликах тоже у окошка сидели? Они же не уместятся, только если посчитаться и сидеть по очереди. Можно «на золотом крыльце сидели» посчитаться, или «эни-бени-рики-паки», или совсем по-простому «кышил-мышил взял и вышел». Хотя на тринадцать сестер ее не хватит.

Время у бабушки Ули перепутано, как нитки в швейной банке. «В старину, в молодости, жил у нас в Опухликах такой Григорий...» Будто «в молодости» и «в старину» одно и то же. В молодости – это когда она была молодой – прошлое. В старину – когда она станет такой старенькой, что даже с палочкой – будущее.

Ещё она говорит «я свой век прожила», хотя прожила она пятьдесят лет, а даже шестилетнему ребенку известно, что это только половина века. «Девичья моя фамилия – Живодеркина». Это не фамилия совсем, это обзывательство, у нас так во дворе дразнят Костика. Не того Костика, у которого папа с балкона поёт, а того, который второгодник.

Когда мы уехали, Невель исчез. Я стояла коленками на сиденье, приплюснув нос к заднему окну автобуса. Мама сказала «не облизывай стекло», а папа спросил «вкусно?» Я ответила «очень» и снова повернулась, а Невеля-то и нет!

Возвращаться из тридевятого царства долго. Поезд останавливается у каждого столба. В такси пахнет бензином, меня рвет пирожком с повидлом, и мама извиняется перед таксистом тонким голосом. Бабуля говорит: «Ну наконец-то. Чисти зубы, и в постель».

«Невель-небыль», – шепчу я, засыпая. Мне снятся тринадцать сестер у замерзшего окна и голландская печка; ряды веревок на чердаке, где Ухти-Тухти, неутомимая ежиха, развешивает красный халатик белки и рукавички полосатого кота среди плоских тяжелых пододеяльников и стыдных атласных лифчиков.

Снится трехголовый Змей Горыныч по кличке Шкет, что охраняет золото-бриллианты. Нужно кинуть ему колобок, и дверь откроется – бери сколько хочешь, вот и тачка рядом. Я бегу за колобком к бабушке Уле, но ее нет. И Невеля нет, нет Опухликов и Озерного края, все они смешались, вздыбились, закрутились вихрем до самого черного неба и вдруг осыпались золотыми хлопьями, бриллиантовой пылью и растворились во мне: растерянной, шестилетней, вечной.

Последний август

Лев Семёнович – легенда. Лучший ветеринар в городе, тонко заточенный на собак. Из года в год вытаскивает их с того света, удерживает на краю пропасти, чтобы хозяева смогли прожить с ними еще один день. Пусть под капельницей, пусть под наркозом.

Попасть к нему невозможно, особенно если срочно. А надо срочно, а запись на сентябрь. Отчаяние тем сильнее, чем слабее Грета. Все мысли о том, как поела, сколько раз вырвало. Уколы, таблетки, капельницы.

И вдруг удача – сосед по дачному поселку, Борис, сто пятьдесят килограмм доброты, тоже ветеринар, но лечащий коров, свиней и овец, к которому в двенадцатом часу ночи прибежала Маша, а к ним можно было в полночь-заполночь, такие они, Боря с женой Наташей.

Оказалось, Боря знал Льва Семеновича, да как знал! Учились вместе в институте, в аспирантуре, даже защитились в один месяц. Боря по куриным каким-то болезням, Лев по собачьим. Дружат, советуются, вместе отдыхали в Карелии в мае, и он конечно примет их с Гретой. Все это Боря говорил, пока Маша, которую отпустило впервые за несколько дней, сморкалась в бумажное полотенце и остаточное всхлипывала.

Августовская ночь чернела за окном, а здесь надеждой сияла старорежимная люстра с бахромой, грел руки незаметно подсунутый Наташей чай, Боря обсуждал со Львом Семеновичем по мобильному что-то свое, а потом дал трубку Маше, чтобы не играть в испорченный телефон.

Маша растерялась, заговорила торопливо, сбивчиво, про все подряд, что Грете тринадцать лет, что три дня не ела, лежала, едва дышала, что вызвала ветврача Светлану, анализы, лекарства, беготня по аптекам, но ожила, поставили почечную недостаточность и кучу болячек помельче. А сегодня стало хуже, совсем плохо.

– Завтра к девяти в клинику. Возьмите все анализы. Что у вас есть?

Маша перечислила, рентген пришлют завтра утром.

– И мочу возьмите, утреннюю порцию. Все, жду.

Наутро ливень. Маша надела штаны, футболку, ветровку с капюшоном, спустилась с крыльца, позвала Грету. Та не шла.

Грета боится ступеней. Грета глухая. У Греты катаракта, и Маша не знает, как собака ее видит, и видит ли вообще. Маша зовет Грету, стучит ладонью по мокрому колену, в другой руке баночка из-под томатной пасты «Ящик астраханских помидоров», стерилизованная ночью в СВЧ. Как ее

брать, эту первую порцию? Грета не идёт. Маша возвращается на крыльцо. Звякает Вотсап. Результат рентгена и сообщение от ветврача Светланы. Метастазы в легких, четвертая стадия, неоперабельная, химия только продлит мучения... на дожитие... окружите любовью... последние дни.

Маша за ошейник стаскивает Грету с крыльца, открывает калитку. Выходят. Пустая улица дачного поселка. Ливень, искривленный мокрыми очками. Может, Грета вот так видит? Пойдем, – говорит Маша и идет. Грета стоит. Маша возвращается. Грета сходит на обочину, приседает. Маша срывает с банки крышку. Нужен анализ. Или уже не нужен? Какой смысл? Закручивает крышку. Поднимает теплую банку, смотрит на просвет. В ней нет просвета, она мутная, кроваво-коричневая. Висит между Машей и небом. Небо не выдерживает, падает на землю, исходит полосами ливня. Они облепляют куртку, как серые мокрые бинты. Машу сжимает холодная, скользкая от пота ветровка, Маша задыхается. Она ничего не видит за дождем. Да и нет ничего за дождём, он смыл золотые шары в палисаднике, яблони, реку, высокое небо. Небо упало на землю, а земля, жадная земля, тянущая в грязь мокрые кроссовки, полна трупов. Они прямо здесь, в глубине, под ногами, никто не увернулся, и Грета не увернется, и Маша. Не сегодня так завтра. Грета исчезает за серой пеленой, будто и не было ее никогда. А может, и не было? От этой мысли становится легко и сразу стыдно.

Маша шмыгает носом. Грета подходит, прижимается мокрым боком к ноге, как всегда, когда хочет утешить. Не видит, не слышит, чувствует запах слез. Грета пьет из лужи, уходит вперёд. Остановилась, обернулась. Дождь немного притих. Маша смотрит на Грету сквозь мокрые очки, Грета смотрит на Машу сквозь катаракту. Запоминают.

У ветклиники ливень стих, осталась морось.

– Лев Семенович, уже поздно.

Маша показывает снимок и сообщение в Вотсапе.

– Пока собака жива, ничего не поздно. Вот направление, сейчас едете на КТ, по результатам назначим химию. Не таких вытягивали.

– Она выздоровеет?

– Нет, на этой стадии нет, но мы продлим ей жизнь. Надо бороться!

– Но какой тогда смысл, зачем продлевать мучения, ведь все равно потом...

Лев Семёнович перегибается через стол:

– Нет никакого потом. Забудьте! Есть сегодня, и сегодня делаем все, чтобы она не умерла. И так каждый день. Я так живу. И вам советую.

Маша выходит на улицу, садится на мокрую скамейку. Грета валится на бок у ее ног, надрывно дышит, закрывает глаза. Дождь опять сгущается, капли бьют по листку с направлением, оставляют от слов бесполезные жалкие буквы.

Кругосветка

Дачное лето истекало мёдом, лопалось от спелости. Солнце жгло спину, слепило глаза, бежало по венам. В доме бесчинствовал сквозняк, трепетали ситцевые занавески, в медном тазу томно булькало вишневое варенье, и лишь старое супружеское ложе желало проводить дни и ночи в спокойствии и неподвижности. Стоило нам пошевелиться, и оно кряхтело, трещало и взвизгивало. Ритмичный скрип в ночной тиши выдавал нас с головой. Мы стекали на пол, но пол, тоже не первой молодости, принимал эстафету от ложа. Кругосветка возникла из безысходности, и вначале называлась «мы на пляж».

«Мы на пляж», – говорили мы после завтрака, оставляли двухлетнюю дочку на бабушку и спешили, томясь, к реке Воронеж. Пляж назывался Первый коровий. Когда-то сюда гоняли коров на водопой, теперь паслись дачники. Мы на ходу бросали полотенца, у воды скидывали шлепанцы и уплывали по течению, мимо Второго коровьего – маленького, с неудобным входом в реку, но тоже оживленного – до Тропиков.

Тропики не были пляжем. В высоких зарослях камыша и осоки виднелся расчищенный нами узкий проход на берег. Чтобы не снесло течением, метрах в пяти до прохода мы цеплялись за камыши – при этом избегая осоки – перебирали руками, захватывая сразу несколько стеблей, и яростно работали ногами. Наградой была полянка с шелковой мягкой травой, окруженная непролазными кустами. Иногда уже издали мы видели серый нос лодки, торчащий из Тропиков, высоко поднятое удилище и красный поплавок, застрявший в камышах.

Мы переворачивались на спину. Вода ласкала нас, небо стелило бесшумные перины облаков. Река изгибалась, пляжи скрывались из виду. Выходили на другой берег – высокий, обрывистый, с торчащими корнями и норками ласточек-береговушек. У тарзанки толпились подростки. Они разбегались, летели пару секунд, плюхались в воду, карабкались обратно,

оскальзываясь на мокрой глине, и так по кругу ради мгновения полета. У них была своя кругосветка.

Мы бежали по колкой тропинке в дубовую рощу. Кусты цеплялись, оставляя на нас письмена. Комары, слепни и мошки слетались, как вечерами к лампе на веранде, и мы стегали себя ветками по спинам. Углублялись в тень, в нежную прохладу, в шелест листьев, сливались с рощей, друг с другом, со стрекотом кузнечиков, запахом мятой травы. Звуки стихали, мир тонул, растворялся, исчезал. Оставались только мы, только мы вдвоем, никого, кроме нас.

Потом возвращался стрекот, крики с тарзанки, солнце путалось в дубовых ветках, муравей полз по руке. Мы лежали, сплетясь ветвями, бессильные и безмятежные. Пот высыхал, становилось зябко. Саднили царапины, чесались комариные укусы. Мы надевали влажные купальники и шли греться на солнце.

Плыть против течения не было сил. К счастью, река здесь петляла, образуя полуостров. Лениво, не торопясь, по чуть заметной тропинке пересекали поле с тарахтящим вдали трактором, переходили мелкую безымянную речку с усталыми ивами по берегам. За речкой ждало нас второе поле, уже скошенное. В отдалении, по правой его стороне, толпились кружком два десятка молодых дубов. Пара коршунов то кружила над ними, то замирала на ветках. Мы сворачивали к этому островку, шагали осторожно, замирали на одной ноге, опираясь друг на друга, высматривали брод в колкой стерне. Не устояв, падали, напарывались на острые низкие стебли. Поднимались, дули на жарко нывшие ладони, растирали бордовые вмятины, шли дальше. Юные дубы принимали нас в свой круг. Коршуны улетали.

В конце концов вновь выходили к реке, но уже выше Коровьего, напротив турбазы Белые пески. Переплывали реку, ложились на белый раскаленный песок на солнцепеке или на белый прохладный песок под деревом и дремали.

Плавали, прыгали с мостков, играли в волейбол со знакомой компанией. Иногда возвращались через турбазу по суше, но чаще плыли по течению, лежа на спине, глядя в небо, соприкасаясь плавниками. Облака висели над нами пышными булочками, воздушными бизе, подтаявшим мороженым. Завершали круг на Коровьем, надевали шлепки на исколотые ноги, накрывали полотенцами плечи и шли на дачу, обедать. Аппетит в дни кругосветок был у нас зверский.

Журавлики

С одеждой Марина не заморачивалась. Летом джинсы и майка, зимой джинсы и свитер. Для редких особых случаев у нее были широкие а-ля мужские брюки, бежевая шелковая блузка и кашемировая водолазка цвета пыльной розы. Эти покупки лет пять назад дались ей нелегко. Было жалко и нервов, и денег.

Давняя университетская подруга пригласила на крестины дочери. Отказываться неловко, да и с подругой хотелось повидаться. В храме Марина была лет пятнадцать назад, во время экскурсии в Киево-Печерскую Лавру. И помнила про церковный дресс-код – длинная юбка и платок.

Юбок в шкафу не оказалось, равно как и платьев. И немудрено. Марина безжалостно выбрасывала всё, что не надевала более полугода, освобождаясь от ненужного хлама.

Доставка к крестинам не успевала, и Марина обреченно потащилась в ближайший торговый центр. Чтобы не растеряться, как это с ней бывало в магазинах одежды, по дороге сформулировала четкие критерии платья для церкви: длинное, скромное. На этом мысль останавливалась. Ну и довольно, лишь бы поскорее отмучиться.

Сделав лицо посуровее, чтобы защититься от консультантов, она ступила на территорию магазина Оффпрайс. Первого, попавшегося ей на пути. Быстро отобрала пять экземпляров, подходящих по критериям и размеру, получила табличку и нырнула в кабинку. Потев и задышавшись, влезла в первое платье. В зеркале отразилась сорокалетняя тетка с красным испуганным лицом, в дурацком платье поверх джинсов. На втором она устала и отчаялась. На третьем решила отказаться от крестин. Четвертое было вроде бы ничего. Лёгкое, длинное, с летящими по нежно-голубому шифону журавлями. «Ну, не знаю», – раздумчиво протянула она, глядя в зеркало. Сняла джинсы и немного покрутилась. Подол свободно и весело разлетелся, задевая стены кабинки.

Марина вышла, чтобы посмотреть на себя в зеркало издали. «Очень вам идет, – услышала она голос за спиной, – ваш фасон, и село идеально». И пока продавщица говорила, Марина такой и видела себя в зеркале: помолодевшей на десять лет, стройной, легкой. И чувствовала, что уже любит это платье, и даже себя в нем.

«А почему только в церковь? – она стремительно шагала к дому в обнимку с пакетом. – Летом буду носить, а то все джинсы да джинсы». И

вспомнила, что в детстве, ещё до школы, у неё было любимое платье с журавликами.

Дома продолжила примерку, и отправила фото маме в ватсап с подписью: Подойдет для церкви?

А потом еще: Помнишь, у меня в детстве было похожее?

Ответ пришел через пару минут: Тебе не идут рюши. И тебе не пять лет.

В зеркале отражалась растерянная сорокалетняя женщина в дурацком платье с рюшами.

На крестины Марина пошла в брюках и блузке, а платье сдала обратно в магазин.

Сумочка

Резкий, судорожный звонок в дверь, сразу за ним стук. В глазок Аня видит девушку. Та мечется, звонит во все двери на площадке. «Откройте! Откройте мне, пожалуйста!» – кричит она, и голос срывается. Никто не открывает. Аня зовет мужа.

– Не открывай, – говорит он, посмотрев в глазок, – я читал, так поступают грабители: подсылают девушку, ты, наивная, распахиваешь дверь, а они врываются вслед за ней.

Были девчонстые, черт-те что творилось.

– А если нет? Если за ней действительно гонятся? – хватается за вертушку замка.

– Нет! Не смей! Подумай о детях! Мы впустим, и те, кто за ней гонится, ворвутся следом! У нас же дверь картонная. Ее убьют и нас заодно, и наших девочек. Ты этого хочешь? Открывай! Давай!

Не открыли. Никто не открыл. Пятый этаж, последний. Девушка срывается вниз по ступеням, на площадке роется в сумочке, мелкие вещички падают на плитку.

Аня отрывается от глазка, уходит вглубь квартиры. Через полчаса выходит. В подъезде тихо, ни девушки, ни крови, ни вещей на полу.

Несколько дней читает новости в московских газетах, раздел происшествий молчит. Соседи молчат. По телевизору ничего. В воображении картины одна страшнее другой.

Четверть века спустя ей снится чужой подъезд, немые глухие двери, дрожащие руки. Сыплются из сумочки на кафель бесполезные ключи,

тюбик помады, скомканный носовой платок с розовым кружевом в уголке, картонный билет с дырочками цифр. Топот приближается, спасения нет. Кричит, муж будит ее.

– Никогда тебя не спрашивала, но помнишь, когда мы только переехали в Первый Рижский – у нас ещё дверь держалась на честном слове – к нам звонила девушка, а мы не открыли. Помнишь?

– Нет, не помню такого. Какая девушка? Это она тебе снилась?

– За ней гнались, а ты запретил открывать. Прикрылся детьми.

Муж включает лампу, смотрит внимательно.

– Когда мы только переехали, дети жили у твоей мамы. Вспомни. Мы их забрали после того, как дверь железную поставили.

Да, детей не было.

– Неужели ты думаешь, что я бы не открыл?

Анна Петровна идет на кухню, садится у окна. Да, он бы открыл. В ее воспоминании был другой муж, предыдущий. Но он никогда не был в Первом Рижском. После развода она его не видела. Может, это было в квартире на Филях, где они жили с первым мужем? Нет, там в глазок не видно лестницу.

Окна соседнего дома темны. Фонари не горят. Тьма лезет с улицы на кухню. Анна Петровна роется в памяти, и что-то сыплется на кафельный пол, не разобрать, где явь, где сон, где память, где фантазия. Может, и другие ее воспоминания – пустота и морок? Может быть, она спит, и нужно закричать, и какой-нибудь муж, предыдущий или последующий, разбудит ее, если он существует. Если она существует.

«Откройте!» – закричит она. Если кто-то откроет, растворится картонный билетик, истлеет платок, сумка рассыпется в прах, обернется трухой, труха впитается в землю, и не останется ничего, совсем ничего не останется от девушки, которой не было.

– Откройте, откройте мне, пожалуйста! – кричит Аня так громко, как только может, и голос срывается.

Стремительный почерк

– Нарисуй мне такой же, – я пододвинула альбом соседке по парте. Учительница задала нарисовать другую планету. У Ирки в альбоме плавные холмы и несколько солнц в небе. Она и мне нарисовала то же. Дома я сделала холмы зелеными, небо синим, лишние солнца стерла,

зато добавила двух космонавтов с буквами СССР на шлемах. Честный пионерский рисунок.

У Ирки не было космонавтов. Инопланетный пейзаж, от которого невозможно оторвать глаз. Этот рисунок я вспомнила, когда впервые увидела Звездную ночь Ван Гога.

Она и сама была как инопланетянка. Выше всех в классе, легкая, с длинными руками и ногами. Статуетка африканской девушки, только белая. В художественной школе с ней носились как с юным дарованием. Нам, простым смертным, она рисовала всё, что попросишь. Сочиняла стихи на ходу и тут же их забывала. Колька Егоров попросил написать для его мамы на день рождения. Ирка продиктовала. «Слишком складно, мамка не поверит, что это я». «Ухудшай, – засмеялась она, – не жалко». Дарила рисунки, давала списывать, делилась завтраком. Непохожих часто травят. Её не травили, а случись такое, она бы не заметила.

Однажды её несколько дней не было в школе. К телефону никто не подходил. Потом вернулась – тихая, бледная. Спросила:

– Ты веришь в реинкарнацию?

Мы стояли у окна на перемене и смотрели вниз. Карапуз, раскинув руки, неуверенно шел за голубем, бабушка, раскинув руки – за карапузом.

– Во что?

– Что мы умираем и потом снова рождаемся, – она подняла лицо к небу.

– Я верю. Мы живем вечно.

Мне было двенадцать. Впереди и так была вечность.

– Да ну, ерунда какая-то, бабкины суеверия.

Она рассказала о наследственной болезни, которая делает руки и ноги восхитительно длинными, а жизнь исчезающе короткой. Ирина жизнь будет короткой. Её мама уже исчезла.

Мы учились вместе до десятого класса. Ирка рисовала на уроках, на переменах, дома, в гостях. И дарила, дарила работы всем, кто попросит.

Иногда мы гуляли после уроков, наматывали километры по микрорайону. Она всегда что-нибудь рассказывала – быстро, взахлеб. Восклицала, размахивала руками, пританцовывала. Я слушала. Играли в стихи, по очереди сочиняли по две строчки. Я надолго задумывалась. Она кричала: «Не думай, просто говори, что в голову придет!» Получалось глупо и смешно. Мы складывались пополам от хохота, Ирка начинала икать, становилось ещё смешнее, болели живот и щеки.

После школы я поступила в финансовый, она в Суриковское. Часто уезжала на этюды или просто где-то пропадала, виделись редко.

Помню, как ждала зимой у МХАТа, не чувствуя пальцев. Кляла себя, что доверила Ирке билеты. Ведь прекрасно знала, что она в лучшем случае опоздает, а в худшем вообще забудет. Тот случай был худшим и кончился для меня воспалением лёгких.

Она брала займы и не отдавала. Если напомнить, говорила «ой, я забыла» и снова забывала. Денег у неё никогда не было. Однажды ее, стройную красавицу, прямо на улице пригласили манекенщицей к Славе Зайцеву. Там хорошо платили, но и эти деньги утекали неизвестно куда.

Моя жизнь обогатилась замужеством, пеленками, ветрянками и квартальными отчетами. Ирка вела детскую изостудию, писала картины, выставлялась на неведомых мне выставках. Изредка забегала. «Какие фаюмские глаза у твоих девочек!» – восклицала она и бросалась рисовать. «Это ты сама сделала? – склонялась над бухгалтерским балансом. – Снимаю шляпу! Меня от цифр в дрожь бросает».

Я всегда звала ее на день рождения. Иногда она приходила. В последний раз, когда мне стукнуло тридцать. Влетела в цыганской какой-то юбке, в браслетах на тонких запястьях. Протянула листок из блокнота. «Подарок-экспромт! Извини, если неразборчиво, в метро писала». Я успела прочесть только «Стремительный почерк...», и ввалились новые гости.

После дня рождения листок пропал. Через месяц пропала Ирка. Уехала в Крым на этюды и не вернулась. Её долго искали. Надежда то разгоралась, то гасла. Я замирала перед картинами, всматривалась, будто через них можно увидеть ее. Акварельное порхающее небо. Зимний московский двор в синих сумерках. Портреты меня восемнадцатилетней. «Мы живем вечно».

Её не нашли. Через пять лет официально признали умершей. Спустя два года мы затеяли ремонт в прихожей. Муж отвинтил от стены обувницу, и к моим ногам спланировал листок.

Стремительный почерк слетающий косо
с карандаша...

Прорваться что хочет стихи или проза,
или душа?

Что сказано – былью ложится навеки,
не сказано – тлен.

Бумага послушно хранит человекам

память колен.

По кругу идет это или спирали,

я знаю одно:

Мы вечно рождались, и мы умирали
как заведено.

Несчетные даты рождений и смерти
все стёрлись – осталась одна.

Осталось рождение, а смерти не верьте,
не вечна она.

Коврик

Маша жила в Проектируемом проезде, каких в Москве великое множество. Квартирка осталась от родителей. Она пряталась в ней, как в норке, спешила на работу и юркала обратно. Боялась начальника, была безотказной, безропотной и при этом ждала, что не сегодня завтра ее уволят.

Опоры у Маши в жизни не было никакой. Она будто шла по шаткому дощатому мостику, перекинутому через тревожную серую реку. Мостик провисал до воды, волны пробивались между досками и раскачивали его. Перила скользкие, хлипкие, если что – не удержат, не спасут.

Норка ее была не слишком уютной. Маша будто стеснялась устроить ее по своему вкусу и разумению. Смотрела на квартиру глазами кого-то чужого и строгого, словно готовясь к его приходу, и чувствовала себя дома как в гостях.

В окно заглядывала береза. Она переросла ее третий этаж, и даже верхний, и Маша видела, как клонится макушка березы под ветром, что дул с той стороны дома. Ей казалось, будто с той стороны неведомые края, заграница, хотя она знала, конечно, что там еще одна пятиэтажка, а за ней еще и еще. Маша никогда за границей не была и даже не мечтала, хотя, пока росла береза, за окном прошли семидесятые, восьмидесятые и девяностые. В благополучные двухтысячные все ездили куда-то в края глянцевого красота. Маша все сидела в норке, смотрела на березу, да выбегала на работу с заходом в магазин.

Подоспел пенсионный возраст. Пенсия с московской надбавкой вышла почти как зарплата. Купила себе ноутбук, потому что рабочим компьютером пользоваться уже не могла. Времени стало много. Некого стало бояться. Ходила в магазин, завела привычку гулять в парке и

любоваться деревьями. В такие моменты она чувствовала, что изменяет своей березе и мысленно говорила ей, что она – самая любимая.

В парке к Марии подошла девочка лет восьми и сказала: «Тетенька, возьмите котенка!» Котенок был худенький, рыженький, как и девочка, и Мария взяла котенка, а вместе с ним как бы и немножко девочку. И хотя никогда ее больше не видела, но глядя, как растет котенок, представляла, что подрастает где-то и девочка.

Назвала котенка Марсик, но когда он повзрослел, стала называть Марс и немного его робела. Кот ходил гулять: выпрыгивал из форточки на березу, спускался вниз и исчезал в траве, или в снегу, или в опавших листьях – по сезону. Мария перестала закрывать форточку, чтобы коту было куда возвращаться. Еду она готовила на двоих, такую, чтобы Марсу было вкусно. Поесть он любил, а она любила только жареную на сале картошку, какую готовила ее деревенская бабушка.

После первого класса Машеньку на лето отправили к этой бабушке Шуре. Машенька полюбила и бабушку, и еду, которую она готовила, и веселые половики, которые она вязала. Пестрые дорожки лежали под ногами, закрывая пол в комнате. Она старалась наступать в узкие зазоры между ними.

– Почему ты так странно ходишь? – спросила бабушка.

– Мне жалко их топтать, – Маша взмахнула руками, чтоб удержать равновесие. Бабушка только вздохнула.

У дома росли деревья: береза, рябина и клен. Чуть дальше, за калиткой – огромная липа. Их она тоже полюбила.

На следующее лето Машу к бабушке не отвезли, хотя она просилась. Сказали, умерла. Она не поверила, думала, что жалеют деньги на дорогу – жили бедно. До сих пор ей казалось, что бабушка так и живет в деревне, хотя, конечно, это было невозможно.

Маша ела картошку, смотрела на березу, ждала Марса и вспоминала бабушку Шуру. Иногда еще вспоминала одного сотрудника Ивана Сергеевича, который подал ей как-то раз пальто. Неловкость от того, что она запуталась в рукавах, с годами сгладилась и почти забылась.

В гости никто не приходил, и она решила устроить свою норку по собственному вкусу. Украшала вышивками наволочки. Из нарезанных полосками старых футболок вязала веселые половики. В интернете ей попался гобелен Уильяма Морриса «Древо жизни». Она вглядывалась в глубокую синеву фона, в цветы, ветки, орнамент.

На следующий день подобрала полоски так, что на половичке вышел деревенский дом с березой, рябиной и кленом. Липа не уместилась. Липу она связала на другом коврикe, отдельно, а под ней бабушку Шуру. Связала кота Марса с рыжей девочкой, уже подросток. Ивана Сергеевича с букетом цветов. Букет вышел небольшой, и она сделала еще коврик отдельно, с большим букетом.

Она теперь ходила в секонд хенд. Там бывали дни «все по 50». Покупала футболки нужных цветов, а дома резала на полоски, ползая по полу. Относила Марса на кухню, когда он мешал. И даже называла его Марсиком. «Не путай, Марсик, не мешай», – вот так.

В сэконд хэнде познакомилась с Тамарой. Тамара тоже была пенсионеркой и первая заговорила с ней. Мария насторожилась, зная о мошенниках, но Тамара показала ей на телефоне фото своих ковриков с ромашками и васильками. На одной фотографии полукругом стояли женщины. У каждой в руках был коврик: у кого круглый, у кого квадратный, а у седой высокой дамы яркая полосатая дорожка стлалась до фотографа.

Первый раз в незнакомую компанию шла с опаской. Тамара, обнимая ее за плечи, представила. Мария развернула свой новый коврик. Текла незабудковая река. Ветер из неведомых краев нёс лодку к берегу. Стрекозы дрожали над россыпью желтых кувшинок. Над рекой – полукруг моста, а на его вершине – невысокая женщина с рыжим котом на руках.

После десяти

К привычным летним звукам, чириканью, далекому гулу шоссе, примешивается тихий стон, вздох. Оля открывает глаза. Марсель, увидев это, превращается из изваяния в живую собаку. Морда его лежит на краю кровати, глаза полны страдания, но не укора. Оля трет горячие щеки, смотрит на часы.

– Прости, мальчик, прости.

Лабрадор скулит громче, притопывает, виляет хвостом.

– Идем, идем, милый.

Они спускаются по горячим желтым ступеням на первый этаж. Оля распахивает дверь. Марсель выскакивает на участок и бежит к дальнему забору.

Всегда, с раннего детства, у Оли были собаки. Иногда ей кажется, что своих Лапу, Трезора, Салли, и вот сейчас Марселя, она любит не меньше,

а то и больше, чем людей. Их тени мелькают тут и там под деревьями и в беседке, будто не уходили они на радугу, а так и живут с нею.

Солнце почти в зените, немилосердное июльское солнце. Оля опять проспала все, что так любит: прохладную рассветную зелень, длинные тени, подводную тишину дачного утра, яркий рассветный запах гортензий и лилий.

Возвращается в дом, поднимает с пола контейнер, чисто вылизанный Марселем. Вот опять. Пеняет мысленно Игорю, – трудно ли убрать в посудомойку? – но радуется, что поел, хоть и ночью. Игорь теперь приходит поздно, когда Оля уже спит, уходит рано, когда она еще спит. Ест оставленный в контейнере ужин. Оля сквозь сон чувствует, как он ложится, ворочается, слышит его дыхание. Ранним утром он прикасается к ее спине, шепчет что-то в затылок, будто заранее оправдываясь за позднее возвращение. Она недовольно мычит сквозь сон.

Оля начинает ждать его, едва проснувшись, перечитывает смски, крутит снизу вверх, потом сверху вниз, до последней: «Родная, буду после десяти». Она почему-то тревожится, хотя совсем не тревожна, напротив, своим неторопливым плавным спокойствием смягчает чужое волнение. Ей нравится, как Игорь, войдя в дом взвинченным, резким, уже через десять минут расслабляется, как становятся медленней движения, появляется ее любимая беспечная улыбка. В этом ее власть, ее сила – укрощать бурные волны, смирять, приносить безмятежность.

Она любит забраться вместе в ванну и долго-долго водить мочалкой по его каменным мышцам, пока они не станут мягкими. Нравятся его руки, длинные сильные пальцы, овалы ногтей, как и в любом другом существе нравятся детали и мелкие подробности.

Оля делает кофе, он переливается через край розовой керамической чашки. В лужицу светит луч из окна, и она отсвечивает темной венозной кровью. Оля смахивает лужу и потом долго держит руки под краном. Вытирает каждый палец по отдельности, мажет руки кремом с запахом лаванды. Берет поводок, Марсель виляет хвостом.

Они выходят на улицу, идут под высокими деревьями вниз, к реке. Лабрадор не рвется вперед, как в юные годы, спокойно шагает рядом. Солнце пытается достать их сквозь листву. Пахнет теплой пылью, скошенной травой, гудит за высоким забором газонокосилка.

Первый раз Олечка приехала в Кувекино после второго класса, сняли домик на каникулы. Когда Оля родилась, папе было пятьдесят два, маме сорок шесть. Папа преподавал в военной академии. Позади была кочевая

жизнь, скитания по военным городкам: Дальний восток, Урал, Калуга и наконец Москва. Никуда уже не хотелось им ехать, а только вращать и укореняться.

Снимали каждое лето, а потом купили его у хозяина, перебравшегося в Красную Пахру. Дом был маленький, его расширяли и улучшали по мере возможности. Зато участок тридцать соток, и на самом высоком месте в деревне – вровень с церковью. Церковь стояла разрушенная, мальчишки лазили по ней, как по скалам. Олечка не лазила. Она была неспортивная, невысокая, с детства полненькая, округлая, мягкая и неторопливая.

Оле, сколько она себя помнит, тоже не хотелось ни новых мест, ни стран, ни людей. С детства она любила все знакомое: папу с мамой, свою собаку, свою комнату, дачу, реку, тропинку к реке.

Дачная речка течет медленно и плавно, вглядываясь в себя, замедляясь у кувшинок, поглаживая коряги. Спокойная, неширокая, заросшая по берегам камышом, осокой, с нетронутыми островками водных лилий.

Идут подальше от резвящихся на матрасах детей, надувающих сапы взрослых. Марсель топчется под ивой, ходит кругами и ложится в тени. Оля снимает шлепанцы, заходит в речку по щиколотку. Плавать она не любит. Не любит холодную воду, струйки на спине от мокрых волос. С детства боится глубины, хотя какая там глубина. Стоит, любитесь кувшинками, следит за полетом ласточек, впитывает тепло.

Выходит, садится на складной стульчик, оставленный рыбаками, и видит под ногами мертвую рыбку, вздущуюся на жару. Вскикивает, шагает назад, сбивает стул, отходит и отворачивается. Голова вспыхивает болью, ощущение ужаса поднимается, как тошнота. Смотрит в небо. Небольшое облако напоминает профиль Игоря. Оля не открывает от него глаз. Облако теряет очертания, растворяется.

Она зовет Марселя и идет, не оборачиваясь, на соседний бережок – маленький, безлюдный, с заросшим осокой выходом к реке. Садится на траву, обхватив колени, следит, как бегут живые муравьи к невидимому ей муравейнику. Две стрекозы, сцепившись паровозиком, поблескивают над осокой. Оса гудит, пристраивается к белому цветку клевера так и этак.

Возвращаются с речки, разморенные солнцем. Их дом виден издалека. Даже сейчас, когда от деревни осталось только название, да пара старых развалюх, когда все застроено коттеджами, и Кувекино стало частью Новой Москвы, их дом – один из самых больших и красивых.

В девяностых папа ушел из академии. Со старым другом, который удачно что-то приватизировал, занялся строительным бизнесом. Сначала в Подмосковье, потом добавилась Калуга.

Тогда и построили дом: трехэтажный, просторный, с бильярдом, бассейном и сауной в подвале. Гулкий, неуютный, чужой. Оля долго скучала по домику, но потом обустроились, обуютились, привезли из московской квартиры любимые вещи, и она привыкла. После окончания школы переехали в Кувекино окончательно.

Церковь стараниями и вложениями папы восстановили, крестились там всей семьей. Подружились с многодетными батюшкой и матушкой. Раньше они приходили в дом после воскресной службы, трапезничали. Дети чинно сидели за столом, вели себя тихо, с каждым годом матушка становилась полнее, детей делалось больше. Оля тогда решила, что если и выйдет замуж, то детей заводить не станет.

Оля достает ключи из-под вазона, отпирает замок и электронную защелку.

Из-за огромного дубового стола, папиной гордости, улыбаются ей родители. Они не живут в доме много лет, ушли вскоре после того, как Оля и Игорем поженились. Сначала папа, а спустя неделю, мама.

– Как же вы вошли?

– Как обычно, Оленька, как обычно, – улыбается мама. Встаёт, подходит, обнимает, гладит голову теплой рукой, будто солнечный луч из окна.

– Смотри-ка, шва почти не видно под волосами, отрасли, и виться стали сильнее.

– Не люблю короткие, и Игорю тоже длинные нравятся. Буду отращивать.

– Тебе любые идут, моя красавица.

Папа из-за стола показывает большой палец.

– Как ты?

– Марселю сделали прививки. Иван Сергеевич осмотрел, послал на УЗИ и рентген позвоночника. Сказал, он молодец для его возраста. Прописал лечебный корм, я уже заказала.

– Он в отличной форме, – мама смотрит на лежащего у двери Марселя. Глаза у него закрыты, но уши шевелятся, слушает.

– Игоря совсем не вижу, только ночевать приходит.

– Что же поделаться, Оленька, что же поделаться. Но у него все хорошо, мы с ним на связи, не волнуйся.

– Мамочка, когда же я волновалась. Просто скучаю. Давайте чаю попьем, так жарко, пить хочется.

Оля ставит чайник, достает с полки печенье, варенье из холодильника. Кто-то стучит в дверь, она оборачивается – родителей нет. За дверью соседка, Анна Филипповна. Стоит, опершись на палочку. Оля заглядывает ей за плечо, на подъездную дорожку – никого.

– Оленька, зашла проведать. Как ты? Пряники вот купила имбирные, ты в детстве любила.

– Я и сейчас люблю. Проходите, как раз к чаю.

Анна Филипповна усаживается, пристраивает палку. Марсель ложится у ее ног, закрывает глаза.

– Как у тебя волосы отросли, шва почти не видно.

– Не люблю короткие. Игорю тоже длинные нравятся.

Звякает о блюде чашка, падает палка. Вскрикивает и гавкает Марсель. Анна Филипповна смотрит на Олю долгим взглядом. Оля не любит этот взгляд. Встает, поднимает палку.

– Вы пейте чай, Анна Филипповна, остынет.

Пододвигает к ней варенье.

– Ты бы, Олечка, зашла в церковь. Может, в воскресенье на службу, а? Батюшка спрашивал, мол, пусть приходит. Он папу твоего всегда поминает. Церковь его трудами стоит. Ты видела, как внутри расписали?

– Нет.

– Вот полюбуешься. И на кладбище зайди, так рябинка хорошо подросла, ягоды уже краснеют.

– Вкусные пряники, Анна Филипповна. Свежие.

– Да ты не попробовала. Голова часто болит? Или получше уже?

– Болит иногда, и как будто, не знаю, – Оля говорит негромко, не торопясь, подбирает слова, как раскатившиеся бусинки, – странно бывает немного, нереально, не знаю, как объяснить. Это, наверное, мигрень. У мамы тоже мигрени. Наследственное. А вот у Игоря никогда голова не болит, и даже простуды не бывает.

Старушка отодвигает чашку, поднимается.

– В воскресенье зайду, и пойдем. Сил моих нет на это смотреть.

Приходит курьер из Вкусвилл. Оля разбирает пакет. Пахнет кинзой и укропом, разбегаются по столу помидоры черри.

Готовит ужин. Раскатывает тесто длинными плавными движениями, оно идёт волной и становится ровным, как река в тихий вечер. Оля нажимает пальцем и смотрит, как медленно-медленно выравнивается ямка, пока не остается едва заметный след. Похлопывает по нему, и след исчезает.

Моет зелень. Струя гремит по металлической раковине, как водопад. Выключает воду. Капли падают с зеленого пучка, кап-кап, будто кончился дождь, светит солнце, и влажный воздух пахнет хвоей и землёй, и падают капли с узких рябиновых листьев на укрытый цветами холмик.

Оля режет салат. Отвернув лицо от жара, достает из духовки пирожки. Капают минуты. Заглядывает в телефон, читает смс от Игоря «Родная, буду после десяти».

Выходит, садится в саду. Сумерки, прохладный ветерок на горячих от духовки щеках, цветы пахнут все сразу, кричат где-то дети, лают собаки. Марсель ложится ей на ноги мягким боком. В августе в это время будет темно. Будет небо в слепящих, как искры, звёздах. Оля не станет на них смотреть, звёзд она тоже боится. Не с детства, в детстве любила.

Укладывает ужин в контейнер, защелкивает тугую крышку. Убирает в холодильник. В десять ложится спать.

Лабрадор Марсель засыпает у нее в ногах чутким служебным сном. Просыпается в темноте, вслед за хозяйкой спускается по лестнице. В свете холодильника лицо ее с полуприкрытыми глазами такое, будто она спит. Она как те собаки, что не пахнут и не лают, и выются вокруг его хозяйки. Щелчок – и Марсель чувствует запах того, что ему нельзя. Она ест из контейнера рукой, неряшливо и жадно, тяжело опирается о стол. Уходит вверх. Марсель сбивает контейнер на пол, доедает остатки.

Поднимается в спальню, ложится на бок, упираясь лапой в спину хозяйки, и засыпает. Сопит, похрапывает, вздыхает. Иногда вздрагивает и сучит лапами, будто бежит за кем-то и никак не догонит.

Оле снятся хорошие сны. В них нет визга тормозов, слепящих искр автогена, тошнотворной ямы небытия; в них Игорь спит рядом, дышит ей в затылок, под утро шепчет в светлые завитки на шее так, что ползут по плечам мурашки:

- Мне пора.
- Я не могу так больше, мне плохо здесь одной. Можно с тобой?
- Конечно, можно, но не сейчас.
- А когда?

Просыпается от бьющего в глаза солнца – забыла занавесить окно. Включает телефон. «Родная, буду после десяти». Оля начинает ждать Игоря с утра, и ей немного тревожно.

Адель¹

Домой-домой, домой-домой, – укачивают колеса. Пахнет свежим бельем, покоем, сладким сном.

В Великих Луках вкатилась пыхтящая толстуха. Клетчатый баул «привет из девяностых», запах табака, вокзала, мокрой куртки. Извлекла из баула коробку от подгузников, намертво заклеенную скотчем, аккуратно убрала под полку, баул пнула туда же. Уселась, тяжело дыша, протянула:

– Хоромы.

Наклонилась, поправила коробку.

– Ты сама-то с Москвы?

– Допустим.

– Знаешь, где там Новая Третьяковка? Как доехать?

– Вам-то зачем? В смысле, знаю, конечно.

– Мне зачем? Я ж туда и еду, на выставку, выставка там у Пашки, завтра последний день, и все, тю-тю, где его потом искать? В Амстердаме? Вот отгул взяла, обыдёнкой еду.

– Чем?

– Обыдёнкой, чем, за день управлюсь, ночь на поезде, потом еще на автобусе – и дома. Дотянула, что билеты за бешеные бабки. И к Дашке в психушку не успела, ну теперь уж как вернусь. Спальный вагон, – огляделась, – зачем мне спальный вагон, если я не сплю? Пить охота. И курить. Ты не куришь?

Вернулась с чаем, с запахом табака. Зазвенела ложкой в стакане.

– Ты мне напиши подробно, как доехать. Надежды мало, ну а вдруг! А то каждую ночь, каждую ночь, блин, перед глазами стоит. Я их со стены убрала вон в коробку, – мотнула головой, – а все равно, лежу, в потолок пялюсь. Все думаю, если бы я самый первый рисунок ей отдала, сразу, как из ящика вынула, что б тогда? Сошлись бы они, помирились? Лежу и

¹ Автор о себе: За рассказ «Адель», победивший в конкурсе издательства «Альпина», награждена чемоданом книг. Книги хорошие, чемодан тоже пригодился.

представляю: достаю из почтового ящика газету, а с ней лист из альбома, рисунок. Я его беру, два пролета вверх – их дверь напротив моей – звоню, Дашка открывает, я ей, вот, мол, хахаль твой ящиком ошибся. Кабы так! Тут мне совсем хреново делается, тащусь к холодильнику и жру все подряд. Каждую ночь такая фигня, каждую ночь. Если так дальше пойдет, до психушки недолго, к Дашке, в соседнюю палату.

Засмеялась, закашлялась. Отхлебнула. Помолчала.

– А что, поговорили бы. Я ж не поняла тогда. Да нет, вру, все я поняла, сразу, там, на лестнице, узнала ее на портрете, я ж ее с детства знаю. Такой был веселый лягушонок, рот до ушей, локти-коленки торчат. Карандашом нарисовано: Даша в окне стоит, тоненькая, руки подняты, шторы раздвигает.

Они в десятом классе учились, а мне-то уже под тридцатник было, перестарок. Стыдно сказать, завидовала им. Идут через двор, светятся оба. Мы в двухэтажном, соседи с Дашкой, а Паша напротив, в пятиэтажке, окна в окна с ней.

Что за кошка между ними пробежала? На обороте там «прости меня». Через день открываю – новый портрет, тоже в окне она, вниз смотрит, и на обороте, ну неважно, хорошо так написал. Я и его не отдала, себе заграбастала. Потом еще, еще. С работы чуть не бежала к ящику, будто он мне пишет и рисует, будто у меня прощения просит.

Последний – в тот день, как он в Ленинград уехал, в художку поступать. Они вместе собирались, а вот. Рисунок акварель: окно зашторено, посреди узкая полоска, из нее свет, из комнаты, значит. И на обороте «я буду ждать тебя всегда».

На другой день, говорят, Скорая приезжала, вроде как Дашка травмировалась, я на работе была, не видела.

Закопошилась в полумраке, завозилась, поднялось и опустилось одеяло. Голос стал глуше.

– Да ничего я тогда не видела, как опоенная. Рисунки каждый вечер перебирала, письма наизусть помню. Мне девки в магазине – я в продуктовом работала – девки говорили, влюбилась, что ли, аж светишься вся. Рамочки для них купила деревянные, со стеклом. Дорого, кстати, обошлись. Повесила в спальне, против кровати. Представляла, что я там нарисована. Короче, крышак у меня тогда реально съехал.

Крышак-крышак, крышак-крышак, – лязгают колеса, раскачивают полку. Шипит радиоточка. Бьет в окно мутный свет чужих полустанков.

– Даша после школы на фабрику устроилась, к матери. Мать ее, Ольга, закройщица была, царствие небесное. Хорошая женщина, хоть и без мужа родила, и дочь назвала Аделаида. Ну что за имя? Все ее Дашей звали, а Паша писал – Адель. Есть у тебя знакомая Адель? Спишь? Ну спи, спи.

В девяностые швейную закрыли, обувную, завод туда же, городок маленький, работы нет. Народ тык-мык, кто уехал, кто запил. Пашкины родители сразу в Питер укатили. Тогда многие в Питер, мы ж в Псковской области, рядом, но были, кто и к вам, в Москву.

Мне-то что, я в магазине так и работала, а Дашке с матерью хоть вой. Я им в долг продукты отпускала, по-соседски. Про Пашку слух прошел, что за границу уехал, в Амстердам. Вот тогда она водку и стала покупать. Но тогда все, дети клей нюхали, взрослые бухали. Дашка стала с компанией ходить, веселая такая, дерзкая, глаза отчаянные. Когда мать умерла – она от сердца умерла, быстро, Скорая приехала, а уже все – домой водить стала, пьянки-гулянки, мне ж через стенку все слышно. Через ту стенку, где картины висели.

Села, звякнула стаканом, чертыхнулась, ушла, вернулась с чаем.

– Скатилась она быстро, худая стала, глаза засинели от пьянки, мужики табунами ходили, а че не ходить, за бутылку-то. Тогда и прозвище к ней прилипло, Адель-бордель. Сколько раз милицию вызывала, чтоб не убили ее там. Спишь? Ну спи, спи, а я пойду покурю.

Адель-бордель, Адель-бордель, – бьются на стыках колеса. Небытие, металлический лязг, деревни растворяются в ночи.

Пришла, поеживаясь.

– Я ее подкармливала горячим, она ж одной водкой питалась. В спальню не пускала. У меня в квартирке как войдешь – зала проходная, за ней спальня. Раз не уследила. Дашка в спальню, я за ней, а уже все – увидела. Прямо застыла. Повернулась, глаза такие, смотрит на меня. Потом опять к картинам. Закричала. Страшно так, ааа, ааа. Трясу ее, она каменная, глаза сухие, мимо меня. Ааа, ааа. От укола только замолчала. В Скорую тихую вели, ну и в психушку положили, в Великие Луки, у нас-то нет. Езжу, передачи вожу, фрукты там, как положено. Больше некому, не алкаши же ей повезут.

Я тогда спать перестала. Могли ж они без картин этих помириться? Поговорить могли? Могли! Или не могли. Они ж дети были, хрупкие, как рюмочки хрустальные.

Замолчала надолго. Поезд дернулся, затормозил, снова набрал скорость.

– Я картины прям в рамках сложила. Пусть. Отдам, повинюсь, так мол и так, погибает Адель. Как думаешь, возьмет он ее? Столько лет прошло. Но написал же, что будет ждать всегда. Там бы ее вылечили. Как думаешь? А? Спишь? Ну спи, спи. Мне-то не уснуть.

Возьмет – не возьмет, возьмет – не возьмет, – пульсируют колеса. Столбы, платформы, черная вода, свет, тьма. Пустой стакан, ложка в нем звенит.

Антагонистическая противоречивость СВОБОДЫ и РАВЕНСТВА, приводящая к насилию, в оценке Н. А. Бердяева

«Признаюсь, что я не знаю, в чем состоит смысл жизни, но смысл моей жизни состоит в поиске этого смысла».

Н. А. Бердяев

Аннотация

Равенство в его юридическом смысле обязательно для всех. И министр, и простой гражданин при совершении ДТП должны быть судимы одинаково, без всяких поблажек для министра – перед Законом все равны. Однако, при общечеловеческом рассмотрении, «Свобода – это право на Неравенство». Люди по своей природе не одинаковы. И чтобы достичь действительного равенства, необходимо отнять у богатого его богатство, у сильного его силу, а умного изолировать. Власть, основанная на поддержке бедных, слабых и глупых и преследовании иных граждан, неизбежно снизит производительность труда, что всегда приводит к социальным волнениям и насилию. На этом основании Бердяев объяснил бедствия Французской революции 1789 г. и предсказал аналогичный финал для Октябрьской революции 1917 г. В статье также рассмотрены его анализы других проблем, и особенно антисемитизма.

Annotation

Equality in its legal sense is mandatory for everyone. Both the minister and an ordinary citizen if commit an accident, should be judged equally, without any concessions for the minister – everyone is equal before the Law. However, when viewed universally, “Freedom is the right to Inequality”. People are not the same by nature. And to achieve real equality, it is necessary to deprive the rich of their wealth, from the strong of his strength, and isolate the smart. Power based on supporting the poor, weak and stupid and persecuting other citizens will inevitably reduce labor productivity, which always leads to social unrest and violence. On this basis he explained the disasters of the French Revolution 1789 and predicted a similar ending for the October Revolution 1917. The article also examines his analyzes of other issues and especially antisemitism.

Знаменитый русский философ Николай Александрович Бердяев был широко известен во всем мире, кроме своей родной страны. И при царизме, и в СССР его исследования всячески замалчивались. Он прошел сложный творческий путь от увлечения марксизмом и позитивизмом до религиозного экзистенциализма. (**Позитивизм** – на латыни «положительный», это философское направление, считающее подлинными знания совокупным результатом исследований специальных наук и с отрицанием любых догм, недоступных экспериментальной проверке. **Экзистенциализм** – на латыни «существование», это философское направление XX века, считающее, что люди обладают правом выбора и свободы воли, наделены разумом и потому должны сами определять смысл своей жизни в этом бессмысленном мире).

Бердяев родился в старинной дворянской семье с патриотическими военными традициями в марте 1874 года в Обухове (предместье Киева). Пять членов его семьи – участники Бородинского сражения. Прадед и дед были генерал-лейтенантами русской армии. Не удивительно, что семья по традиции направила его в военное училище, но он хотел стать философом и с 6-го курса перешел в университет, где изучал юриспруденцию, философию и... математику, т. к. считал, что современный философ обязан знать математику для понимания новейших достижений науки. Любовь к справедливости привела его в **созданный Лениным в 1895 г.** «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», хотя после их разрыва Ленин называл его труды «Билибердяевщиной». В это время он активно сотрудничает с **«Цехом поэтов»**, куда входили **Николай Гумилев, Анна Ахматова, Осип Мандельштам**. В дальнейшем Бердяев деятельность этого «Цеха» назвал **«Серебряным веком русской поэзии»**. В 1898 г. его вторично арестовали «за участие в студенческих беспорядках и распространение нелегальной литературы», исключили из университета и отправили в 3-летнюю ссылку, где он жил вместе с известным террористом Б. Савинковым. Поэтому, он как не имеющий высшего образования не мог преподавать в университетах царской России.

В 1899 г. в немецкой газете была опубликована его первая статья на марксистскую тему. Выявилось, что он видит много общего в идеологии марксизма и ранних христиан: подлинное равенство, отсутствие крупной частной собственности, искреннее уважение к духовным ценностям, **отсутствие фетишизации материальных благ**. Исходя из своего понимания исторического процесса, он рекомендовал ввести в марксизм

ряд уточнений. Это направление получило название «Критический марксизм».

Революция 1905 г. поколебала его марксистские убеждения. Ему были одинаково ненавистны и приказы властей «патронов не жалеть», и радость революционеров при массовых убийствах мирных граждан. В **1908 г.** он с группой единомышленников выпустил сборник **«Вехи»**, в котором резко критиковались и радикалы, и левая интеллигенция. С редкой прозорливостью он предсказал, что если левые интеллигенты помогут большевикам захватить власть, то они будут первой жертвой этой власти. Когда один мудреный левак, смеясь, спросил: «Что, они прибьют нас раньше, чем буржуев?», последовал ответ: «Нет, буржуи умней вас, они вовремя скроются». **Февральскую** революцию **1917 г.** Бердяев встретил радостно, с большими надеждами, **Октябрьскую** – с горьким сожалением. Он полностью соглашался со статьёй **Плеханова**, первого российского социал-демократа, который осудил переворот: **«Если власть переходит в руки только одной партии, то гибельных последствий не избежать»**. Одновременно он указывал, что переворот совершен в очень удачный момент: великие страны заняты войной, а миллионы русских солдат раздражены бездарным руководством правящей власти и бегут с фронта в родные деревни, чтобы делить земли. Поэтому он считал, что падение новой власти в ближайшее время не произойдет.

В **1918 г.** Бердяев вместе с группой единомышленников выпустил сборник **«Из глубины»**, в котором анализировались причины и перспективы русской революции и роль интеллигенции в прошлом и будущем. Суть статьи Бердяева понятна из выбранного им эпиграфа – общеизвестных пушкинских строчек: «Сбились мы. Что делать нам! В поле бес нас водит, видно, да кружит по сторонам». В статье утверждается, что революционная мораль очень часто является аморальностью. Каждый народ делает революцию с тем духовным багажом, который он накопил в своем прошлом, он вносит в революцию свои грехи и пороки, но также свою готовность к энтузиазму и жертвенности. Поэтому не стоит удивляться жестокости русской революции. Она антинациональна по своему характеру и превратит Россию в безжизненный труп. Вскоре Бердяева арестовали, и сам **Дзержинский** вел допрос. Бердяев прямо заявил, что он идеалист и против материализма большевиков, гражданской войны и реставрации царизма. Дзержинский похвалил его за честность и отпустил на волю, сказав при прощании, что в жизни можно быть идеалистом, но в философии следует быть материалистом. В **1922 г.**

его снова арестовали и предложили выехать из России, подписав документ, в котором сообщалось, что в случае незаконного возвращения последует немедленный расстрел. Это проводилось в рамках операции, которая с 1990-х годов стала называться **«Философский пароход»**. За границу было выслано около 300 видных ученых, врачей, литераторов, общественных деятелей, идеологически противостоящих большевикам, но не согласных братья за оружие. Идея такого решения появилась годом ранее, когда США выслали в Россию русских социалистов, эмигрировавших еще при царизме.

Бердяев два года прожил в Берлине, а **1924 г.** переехал в **Францию**, где состоятельная англичанка, искренняя поклонница его творчества, подарила ему домик в **Кламаре**, аристократическом пригороде Парижа. На дарственном документе был такое пожелание: «Ради Бога, пишите как можно больше». Он написал более 40 книг по историческим, социальным и религиозным вопросам, создал оригинальные концепции свободы, равенства, национальной идеи России, «Нового средневековья», которое многие считают его важнейшей работой, и «Восьмого дня творения», которое осуществляется людьми.

Для представления о его политических взглядах приведем ряд его известных цитат:

- «Смысл жизни заключается не в бессмысленном количестве благ, а в их необходимом наборе».
- «Священно не общество, не государство, не нация, а человек, простой обычный человек, его свобода – самая большая сила, она сильнее власти Бога».
- «Социальная утопия – это желание спрятаться от реальных сложностей жизни».
- «Государства существуют не для того, чтобы превратить земную жизнь в рай, а чтобы мешать ей превратиться в ад». Именно эти слова напомнил британский политик Стаффорд Криппс, когда не смог примирить враждебные силы на Индостане. Он известен своей антигитлеровской позицией и, будучи послом в Москве, в апреле 1941 г. по указанию У. Черчилля передал советским властям письмо с данными о плане нападения Германии на СССР.
- «Демократия – это такой строй, когда еще не знаешь, кого надо слушать, но уже знаешь, кого не надо».
- «Женщины необыкновенно склонны к рабству, но вместе с тем умеют поработать».
- «Настоящий вопрос не в праве супругов на развод, а в обязанности развода при прекращении любви». Этот вывод встретил

справедливое возмущение феминисток, т.к. он не учитывает экономические трудности разведенных многодетных матерей.

- «Вот вечные колебания русского народа – ангельская святость и зверская низость. Вот почему он так легко попадает в лапы разных самозванцев».

- «Национальность есть положительное обобщение бытия, и за неё надо бороться как за ценность».

- «Национальная идея России – сделать то, что для нас заложено Творцом, включая осознание своего призвания. Русская идея – воплощение национальных черт народа всечеловечности, терпения, бескорыстия, истинной веры в Бога, практичности, но и грубости, т.е. тем, что обобщено понятием Русский дух». Это очень спорное утверждение, т.к. никто не может знать, что заложено Творцом. Бердяев, несомненно, предполагает что-то гуманное, а сталины думают иначе.

- «Нет гарантии существования Бога. Человек вправе сомневаться и даже отрицать это. Вера в Бога – это ваша внутренняя потребность верить в справедливость планов Высших Сил».

- «Человек – точка пересечения двух миров, высшего – божественного и низшего – людского. Как образ и подобие Бога, он является духовной личностью, как индивид – биологической».

- «Бог ждет от человека творческого акта как ответа человека на творческий акт Бога».

- «После ослабления Европы и России воцарятся США и Китай. В этом американо-китайском объединении станут невозможными никакие восхождения других народов». Этот прогноз 1938 года не может не вызвать восхищения. Даже от США в 1938 г. далеко не все ожидали столь быстрого и могучего взлета, а от Китая почти никто.

- «Сытый раб – злейший враг свободы».

- «Чудовищно, что люди дошли до того, что воля большинства стала считаться истиной». Знаменитый юморист Бернард Шоу оценил этот лозунг таким образом: «Считалось, что абсолютная истина недостижима, оказалось, что достижима».

- «Нет ничего более злого, чем стремление любой ценой осуществить благое дело».

- «Настоящие революции нужно совершать не во внешнем мире, а в душах людей. Тогда легче достигаются поставленные цели». До сих пор ни один философ не возражал против этих слов.

- «Радикальное зло существует в самой природе человека, поэтому нелепо думать, что это проделки евреев, еретиков, большевиков или буржуев. Нет, люди, это ваша собственность. Ничто так не искажает человеческую природу, как маниакальные идеи. Если самым добрым человеком овладела такая идея, то он совершенно искренне будет считать, например, что во всех его несчастьях виноваты евреи, масоны,

шумные соседи, вредный начальник и т. п., не понимая, что несчастья не уйдут, пока он не справится со своей маниакальностью».

Раз мы упомянули евреев, то отметим позицию Бердяева по этому вопросу. Она такова: «Я не друг евреев и не враг им. Я объективен и справедлив, и всегда конкретен. У меня есть близкие друзья-евреи, которых я искренно уважаю. Есть такие, которых я не уважаю, особенно финансовых хищников. **Для меня Тора – это великий документ, ориентирующий человека на отказ от своего дикарского прошлого.** Евреев часто обвиняют в разжигании революций с целью захвата мирового господства. Во всех революциях всегда огромную роль играют угнетенные классы и нации и... евреи. Я считаю большой ЗАСЛУГОЙ евреев, что они активно стремятся помочь угнетенным построить более справедливый социальный строй. А обвинение, что они при этом стремятся к мировому господству, имело бы нравственный смысл, если бы оно не исходило от тех сил, которые сами стремятся к мировому господству и ради этого совершают массу преступлений».

Бердяев умер в марте 1948 г. и не видел надежных путей решения еврейской проблемы. На предложение ассимилировать евреев с христианами он реагировал так: «Нынешние христиане очень далеки от подлинного христианства. Что они могут предложить евреям? Присоединиться к погромным акциям? Необходимо самим вернуться к раннехристианской идеологии». Одной из важных причин антисемитизма он считал бездарность. В рамках бездарности он объяснял черту оседлости и процентную норму в университетах, против которых открыто протестовал вместе с **Львом Толстым**. В 1904 г., находясь в Швейцарии на съезде русской эмигрантской организации, он спорил с местным французом о **деле Дрейфуса**, который к этому времени был вторично осужден, но помилован президентом страны, желавшим прекратить общенациональные распри по этому делу. Дрейфус был полностью оправдан и возвращен в армию лишь в 1906 г. Француз прямо заявил, что евреи подкупили президента. Бердяев, как обычно, повел разговор о бездарности большинства антисемитов, стремящимся таким путем добиться общественных успехов и объяснить жизненные неудачи. В ответ он получил вопрос, на который оппонент возлагал большие надежды: «Вы действительно считаете, что писатель Жюль Верн и художник Анри Матисс – бездарные люди, раз они не уважают евреев и считают Дрейфуса врагом?» Бердяев, не повышая голоса, отвечал: «Картины Матисса очень ценю, но о нем я знаю немного и говорить не буду. О Верне

знаю намного больше. Во-первых, я прочитал почти все его книги, они очень интересные и очень полезные, особенно для молодежи, широко расширяя горизонты её мышления. Во-вторых, я читал в газетах о спорах Верна с родным сыном Мишелем, который убежден в невинности Дрейфуса и стыдит отца, убеждая его изменить своё мнение: «Отец, в твоих книгах всегда есть замысловатая интрига с неожиданной концовкой. Неужели ты не видишь, что обвинение – это простой набор лжи, рассчитанный лишь на людей, ненавидящих евреев? Мой надежный друг Александр Дюма, который, правда, всегда защищает евреев, но он очень огорчен, что ты, одаренный высоким писательским талантом, оказался столь бездарным в оценке этого фальшивого суда. А ведь тебе очень многие верят. Отец, мне очень дорога твоя жизнь и репутация. Если не хочешь изменить свое мнение, то послушай врача, а он прямо говорит, что тебе надо уйти от этой темы, ибо именно из-за неё у тебя резко ухудшилось здоровье, потому что ты понимаешь свою неправоту». После короткого молчания Бердяев продолжал: «Слушайте, что сказал **Эмиль Золя** одному человеку с вашими взглядами, который также обвинял его в еврейской взятке: **«Я люблю евреев не больше, чем Вы, но и я, и Вы имеем право не любить евреев, а у судьи такого права нет. Он обязан любить Закон и руководствоваться только им при принятии всех судебных решений. Знаете, почему сегодня я так страстно осуждаю этот несправедливый суд? Чтобы завтра не смогли также несправедливо осудить Вас.** Подумайте об этом. И еще я очень не хочу, чтобы нашу Францию считали варварской страной, где власть имущие могут осудить невинного человека».

В **1879 г.** после неудачного покушения на царя народником Александром Соловьевым был введен закон, запрещавший евреям жить в «истинно русских столицах», хотя Соловьев был не еврей, а русский дворянин. Поэтому художнику **Исааку Левитану пришлось покинуть Москву.** Но по этому закону всем проституткам, включая евреек, жить в «истинно русских столицах» не запрещалось. Бердяев неоднократно подчеркивал этот факт в своих книгах. Левитан умер в 1900 г. Его добрый покровитель и учитель, знаменитый художник Алексей Саврасов, умерший тремя годами раньше и похороненный на мемориальном Новодевичьем кладбище, завещал Левитану, что, когда придет «твое время», ложись со мной рядом, чтоб мы всегда были вместе. Однако в России в 1900 г. похоронить Исаака Левитана, великого певца русской природы, на Новодевичьем оказалось невозможным, и его приютило еврейское

кладбище в Дорогомилово. Перед самой войной, в апреле 1941 г., советское правительство решило перезахоронить Левитана на Новодевичьем. Бердяев жил в это время в оккупированной гитлеровцами Франции и был под наблюдением немцев, но, несмотря на это, с большим энтузиазмом отнесся к перезахоронению и упомянул об этом в местной газете, не скрывая своей радости – его родина наконец стала придерживаться правильной политики по отношению к еврейскому народу, что очень скоро не подтвердилось самым решительным образом.

При этом не надо забывать, что он был искренно верующим человеком, свято верящим в правдивость сфабрикованной евангельской легенды об убийстве Иисуса Христа евреями, хотя уже в студенческие годы считал антисемитизм вредным явлением, позорным для христианского достоинства.

Перейдем к заглавной части нашего сообщения: «Бердяев об антагонистических противоречиях Свободы и Равенства». Со времени французской революции 1789 г. ее великие лозунги СВОБОДА, РАВЕНСТВО И БРАТСТВО стали общеупотребительны. Однако вскоре выяснилось, что отношения между свободой и равенством совсем не безоблачные, и у них много серьезных противоречий. Юридически перед Законом, безусловно, все должны быть равны. И если министр и обычный гражданин совершат ДТП, то судить их необходимо по одной и той же статье Уголовного кодекса, без всяких поблажек для министра. Но люди по умению преодолевать трудности, по творческому потенциалу рождаются неодинаковыми. И если предстоит выбор министра, то необходимо учитывать многие факторы и знания – и опыт работы, и даже масштаб электоральной поддержки. Любой момент в жизни – это борьба противоречий. Перед спортивными соревнованиями Закон дает всем одинаковые права на победу, но победитель будет один. То же самое происходит и на художественных конкурсах, и в споре ученых по созданию новых технологий, повышающих производительность труда, и в разработке врачами более успешных методов лечения. Эти победители становятся кумирами человечества. Никто не потребует от лучшего врача, чтобы он отказался от своих самых успешных методов лечения, обусловленных даром Небес и многолетним кропотливым трудом. Все требуют, чтобы у этого врача была свобода действий. И для него эта свобода фактически является правом на профессиональное неравенство. И Бердяев провозглашает три лозунга: **«Свобода – это право на неравенство»** и **«Свобода – это антитеза необходимости»**, т. е. если ты

действуешь по принуждению, то ты не свободен. Анатолий Луначарский, который 2 года провел в ссылке с Бердяевым, придал этому лозунгу такой вид: «Свобода – это осознанная необходимость». И третий важный вывод: «Непродуманное применение принципов Справедливости и Равенства нередко приводит к плачевным результатам».

Проведенный анализ ряда исторических процессов, включая бедствия Французской революции 1789 г., показал, **что для достижения действительного равенства необходимо отнять богатство у богатого, общественную силу у сильного и изолировать умного, дабы он не разъяснял безумную опасность такой власти.** В результате действий этой власти, основанной на поддержке бедных, слабых и глупых и преследовании всех остальных граждан, неизбежно происходит существенное снижение производительности труда, а его повышение, согласно марксизму, является главным для победы нового общественного строя. В этих условиях власть для своего сохранения прибегает к массовому насилию не только против инакомыслящих, но и против нейтрально настроенных граждан, привлекая к участию в насилии беднейшую часть населения.

На этом основании он предсказал плохой финал для Октябрьской революции 1917 г.

Итак, повторим два важнейших вывода Бердяева об антагонизме Свободы и Равенства.

1. «Свобода – это право на неравенство, но она не дает гарантии от экономического рабства».

2. «Равенство несет реальную опасность самой страшной тирании».

В XIX веке ряд философов, изучая опыт Французской революции, пришли к этим выводам. Они предположили, что наилучшим способом сохранения равенства будет некоторое ограничение свободы. Почему между свободой и равенством неизбежны противоречия? **Это обусловлено различными социально-экономическими предпочтениями разных групп населения.** Богатые и грамотные предпочитают свободу, т. к. она дает им административные и экономические преимущества. Бедные и малограмотные предпочитают равенство, но это приводит к снижению жизненного уровня, а потому неизбежно возрастание насилия – и властью, и недовольным народом.

Бердяев проанализировал массу источников, чтобы узнать все способы, которыми человечество пыталось решать эту проблему.

Оказалось, уже в **Торе**, хотя в ней нет развернутого анализа этой проблемы, есть полное понимание ее сложности и даны весьма эффективные предложения по преодолению ее вредных последствий. Из Торы следует, что потеря экономического равенства неизбежно ведет к потере личной свободы. **Поэтому Тора законодательно установила ответственность племен (колен) и родственников друг за друга для спасения от нищеты, постоянную помощь вдовам и сиротам и особенно в выполнении заповеди выкупа пленных. Тора запретила ростовщичество среди евреев и ограничила срок рабства – 6 лет, фактически приравняв рабство к ограниченному тюремному заключению. Была введена система «Десятина бедняка» ('זו חֲסִידָה), при которой состоятельные семьи каждый 3-й и 6-й годы отдавали 10% своего дохода на общественные нужды, определяемые руководством колена. Особенно важные мероприятия проводились в юбилейные года – истинным владельцам возвращались утерянные и проданные жилища и родовые земельные наделы. Эти законы позволяли еврейским семьям, попавшим в бедственное положение, восстановить экономическую независимость и сохранить личную свободу. Успешным примером такой политики является активная деятельность Нехемии по возрождении Иудеи в V веке до н. э.**

Как видим, этот метод перераспределения капитала в пользу нуждающегося населения, разработанный 33 века назад с целью недопущения социального взрыва, до сих пор является основным во всех странах с частнособственнической системой хозяйства.

Много внимания Бердяев уделил доказательству того, что непродуманное применение принципов Справедливости и Равенства нередко приводит к отрицательным последствиям. Рассмотрим это на его анализе **хозяйственной и социальной деятельности русских крестьянских общин**. Их возникновение относят к первобытнообщинному строю, недаром одно из древнейших названий этих общин – «ВЕРВЬ», что на языке древних славян означало «Веревка». Это несомненный отголосок об инструменте, которым мерили земельные наделы. Несколько общин объединялись в волость. Волости и общины возглавлялись старостами, выбираемыми прямым голосованием крестьян на сельских сходах. В этих общинах много элементов справедливости и равенства. Наделы определялись по числу едоков в семье, поэтому они регулярно перераспределялись с учетом происшедших изменений. Налоги платились не отдельными крестьянами, а общиной, долю каждой

семьи назначал староста. Сельская сходка имела право уточнять его решения. **Неслучайно русская сельская община считается классическим примером народовластия и взаимовыручки**, хотя из архивов полиции известны случаи массовых драк из-за недовольства распределением земли и налога. Царизм высоко ценил общину. И за ее политическую надежность (в общинах веками верили в доброго царя-батюшку и в злых бояр и помещиков), и за высокую рождаемость (которая и при 25%-й детской смертности обеспечивала нужды армии), и за централизованное получение налогов, что избавляло власти от контакта с каждым крестьянином, нередко приводящего к скандалу. Но и социалисты всех видов ценили общину, считая её реальной ячейкой будущего социалистического общества. **Фридрих Энгельс** в предисловии к «Манифесту» написал, что русская сельская община может стать ячейкой социализма, если революция в России сольется с пролетарской революцией европейских стран. **Но у большевиков, захвативших власть в России в 1917 г., были совершенно другие планы в отношении российского крестьянства. Их сущность выявилась, когда крестьянам перестали выдавать паспорта, чтобы они не могли самовольно покинуть места своей прописки.**

Но почему же принципы равенства и справедливости, во многом осуществленные в общине, приводили к плохой урожайности? Одной из важнейших причин этого являлось регулярное СПРАВЕДЛИВОЕ перераспределение семейных наделов по числу едоков. Крестьянин, зная, что на будущий год он получит новый участок, не хотел удобрять «квазисвой» надел. При переходе на новый участок он обычно не мог выполнить требования севооборота. Нередко при переделе земель добавлялись мелкие участки вдали от основного надела, т. н. «мелкополосье», где для работы можно было использовать только серп. Все это приводило к низким урожаям и низким доходам и не позволяло приобретать агротехнику. Даже **железный плуг** в конце XVIII века в общине был редкостью. Только с этого времени имеются серьезные данные по урожайности в русской сельской общине. В западноевропейской литературе есть данные начиная с XIII века. Тогда в среднем собирали 3-кратный урожай, т. е. урожай в 3 раза превышал вес посева. Если при посеве на каждый гектар (га) засыпали по 1,5 центнера (ц) зерна, то урожай составлял 4,5 ц, из которых 1,5 ц сохранялись для посева урожая будущего года. В русской традиции такой урожай

назывался «сам-3». Уточним, что центнеры и гектары появились после Французской революции.

Как известно, Тора сообщает, что праотец Исаак собирал 100-кратный урожай ячменя, но с БОЖЬЕЙ помощью. Этот результат не достигнут до сих пор. Согласно справочнику **Гиннеса**, последний рекорд урожая озимой пшеницы, установленный в 2023 г. в Англии на участке с площадью 9 га, равен **180 ц/га**, но при этом не указывается вес посева, который оценивается специалистами, как 2-2,5 ц.

Темпы роста урожая зерновых в Западной Европе характеризуются такими числами: XIII век – 4,5 ц/га, XVI век – 10 ц/га («сам-6»), XX век – 16 ц/га («сам-10»). Особенно быстро за счет применения разных агротехнических новшеств урожаи стали возрастать в XXI веке. Сейчас урожайность зерновых в Англии, Германии, Голландии, а также в Китае и в долине Нила в Египте превышает 60 ц/га.

Российские темпы намного ниже: 1750 г. – 4,5 ц/га; 1800 – 5; 1850 – 5,5; 1900 – 8; 1940 – 10; 2000 – 14; 2023 – 27 ц/га. Это объясняется не только организационными неурядицами руководства российского крестьянства и его технической отсталостью от Запада, но и худшими природными условиями. Так, благодатный Краснодарский край имеет урожайность более высокую, чем средняя урожайность в США и Канаде.

В России сейчас идут споры по оценке результатов **Столыпинской аграрной реформы, начатой в 1906 г.** Целью реформы было дать крестьянам право свободного выхода из общины, закрепив за ними навечно имеющийся земельный участок. Миллионам безземельных крестьян предоставили большие участки вне европейской части страны. Всем общинам отменили их долги и создали специальный банк, где на льготных условиях выдавались ссуды для приобретения агротехники и покупки новой земли. Бесспорным результатом реформы было увеличение доходов у большинства крестьян и значимое усиление курса рубля. Но были и отрицательные моменты. **Главный** из них такой: наряду с образованием в стране 2,5 миллионов крепких фермерских хозяйств, ставших, по мнению П. А. Столыпина, опорой правительству, выяснилось, что большинство крестьян, включая многих успешных фермеров, по-прежнему желают изгнать помещиков, а их земли раздать сельчанам. **Революционеры-социалисты считали, что подлинной целью реформы и была не экономика, а политика – превращение всех крестьян в реальных собственников и потому противников социалистической революции.** Чтобы сорвать реформы, было решено

убить Столыпина, и после 11 попыток им удалось добиться этого в 1911 г. Однако, реформа продолжалась. Так, в 1913 г. налоги, выплачиваемые крестьянством государству, были в 2 раза ниже, чем налоги, установленные в марте 1921 г. законом о НЭПе (т. н. продналог, заменивший продразверстку 1916 г., продленную правительством РСФСР в 1918 г. Продналог устанавливает твердый процент налога, при продразверстке отбирается все, кроме рациона питания семьи и посевного фонда для будущего года, что лишает крестьянина всякого интереса к повышению урожая).

Не будем гадать, что было бы, если бы Столыпин довел реформу до намеченного конца. Его противники уверяют, что существенных исторических изменений не было бы, и большевики все равно пришли бы к власти. Его сторонники полагают, что в этом случае Октябрьская революция стала бы невозможной. Подтверждение этого мнения они дополняют анализом мятежа Франсиско Франко в 1936 г. в Испании. Республиканская власть искренне хотела разделить земли крупных аграриев между крестьянами, но так и не смогла сделать это. А Франко в захваченных районах выполнил многие требования крестьян, чем добился у них большой поддержки, что послужило важным фактором его победы.

Но оставим этот весьма интересный и спорный вопрос. Цель статьи – это оценка анализов Бердяевым случаев непродуманного применения бесспорно гуманных принципов: Свобода, Равенство и Справедливость. Проведенная оценка подтверждает выводы Бердяева. **И в древности, и в средневековье, и в наше время есть примеры, когда эти великие принципы из-за непродуманного использования приводили к снижению уровня жизни, к социальным волнениям и насилию.**

Заключение

Николай Александрович Бердяев – всемирно известный философ религиозно-экзистенциального направления. Наконец к нему пришла **известность и в родной стране**. Его книги на религиозные и экономические темы часто издаются и изучаются в соответствующих ВУЗах страны, мелкими предпринимателями и референтами маститых олигархов. Нередко цитируются фразы из сочинений Бердяева. Теперь общепризнано, что использование идей Бердяева помогает уменьшить финансовые потери и снизить накал социальных противоречий, обусловленных неразумным применением принципов свободы и равенства. Особенно заметно это в сельскохозяйственном секторе, решительно вставшем на фермерский путь с широким применением

агротехники. **Бердяевские книги, осуждающие антисемитизм, также издаются, но нечасто, поскольку резко снизился контингент людей, интересующихся такой литературой. На самом деле – зачем националистически настроенному обывателю нужны такие мысли: «Настоящий христианин не может быть антисемитом, настоящий антисемит не должен считаться христианином».**

В заключение несколько слов о последних годах жизни великого гуманиста. С 1924 г. он постоянно жил в Кломаре – пригороде Парижа. Благодаря большому литературному таланту его книги стали популярными у массового читателя, и иностранные литераторы 6 раз (1942–48 г.) выдвигали его на получение **Нобелевской Премии**. 4 раза этому помешала гитлеровская Германия, затем СССР, хотя Бердяев в 1946 г. стал его гражданином. Летом 1941 г. оккупационные власти в Париже вызвали его и потребовали поддержать их нападение на СССР. Несмотря на опасную ситуацию, **он смело заявил: «Да, я противник безбожного большевизма, но я патриот России. Если бы вы хотели уничтожить власть большевиков и вернуть власть тем, у кого большевики отобрали ее в октябре 1917 г., то я был бы с вами. Но вы хотите уничтожить Россию как государство. С этим я не могу согласиться, ведь у России есть поставленное Творцом великое национальное задание. И послушайте мой прогноз: вы не победите в этой войне».** Летом 1941 г. немцы посмеялись над этим прогнозом и даже не мешали его публикации. И газеты рядом с прогнозом Бердяева помещали прогноз известной газеты США, который гласил: **«Если русские продержатся более 2 месяцев, то это будет самое большое чудо после библейских чудес».** Во время войны он не участвовал в подпольных операциях, но систематически общался с его активистами, в том числе с представителями **генерала де Голля**, и потому однажды был арестован. При допросе, когда Бердяев сообщил, что он философ, жандарм оживился: «Представь, у меня также философское образование, сейчас мы проверим какой ты философ. **Как великий Кант оценивал любовь?**». Бердяев, не раздумывая, ответил, что Кант оценивал любовь как победу природы над разумом. Последовало еще несколько вопросов и ответов, и жандарм сказал: «Ты действительно специалист в философии, жаль, у меня нет времени продолжить такую интересную беседу. Коллега, иди спокойно домой».

По окончании войны у него возникло страстное желание **вернуться в Россию и умереть на родной земле**. Он написал об этом советскому

правительству, и в **1946 г.** ему выдали советский паспорт. Подготовка к возвращению уже заканчивалась, когда из Москвы пришли газеты, шельмующие Анну Ахматову, которую он знал лично и очень уважал и как талантливую поэтессу, и как истинную гуманистку. Он понял, что цель возвращения – спокойно умереть на родине – нереальна и стал часто болеть. Смерть (разрыв сердца) настигла его **в марте 1948 г.** за письменным столом. Он похоронен на местном кладбище Клومара.

Литература

1. Николай Александрович Бердяев. Википедия.
2. Бердяев Н. А. «Смысл истории». – Берлин: Обелиск, 1923 (интернет)
3. Бердяев Н. А. «Философия неравенства». – Берлин: Обелиск, 1923 (интернет)
4. Бердяев Н. А. «Парадоксы свободы в социальной жизни». – Париж: Новый град, 1931 (интернет)
5. Бердяев Н. А. «Христианство и антисемитизм». – Париж: Путь, 1938 (интернет)
6. «Из глубины». Сборник статей о русской революции. – М.: МГУ, 1990 (интернет)
7. Бердяев Н. А. «Самопознание (опыт философской автобиографии)». – М.: Международные отношения, 1990
8. Черчилль У. С. «Вторая мировая война», т. 3, «Великий союзник». – М.: Терра книжный клуб, 1996
9. Волкогонова О. Д. «Бердяев». – М.: «Молодая Гвардия», 2010
10. Мареев С. Н. «Миф о Бердяеве». – М.: СГУ, 2012
11. Бердяев Н. А. «Истоки и смысл русского коммунизма». – М.: Юрайт, 2022

Эли Бар-Яалом

Приглашение в ковчег

Инке Смелянской

Что мне снег, что мне зной, что мне дождь проливной,
накрывающий шар земной?

Приходи на кораблик кататься со мной:
я – герой под названием Ной.

Я когда-то внимал неземным голосам
и взывал к небесам-сам-сам,
а теперь доверяю весам и часам
и тому, что построил сам.

Всё хозяйство – на мне, и богатство при мне:
лодка, смех и полно зверья.
Экипаж кораблю адекватен вполне:
вот мои сыновья, вот я.

Будем вместе приделывать нотки к стихам,
надевать на коней пальто.
Может, кто из сынишек немножечко Хам,
только сам я не знаю, кто.

Как тут хамом не стать? От зари до зари
мы твердим, что Земле кранты.
Все орут: не ори! Не дури! Меньше ври!...
А прислушалась только ты.

И помимо тебя, никого не найти
на три тысячи миль пути,
а насильно, увы, никого не спасти.
На часах уже без пяти.

На часах без пяти, а потоп к десяти:
я об этом писал в сети.

Так маши и свисти, если нам по пути;
если не по пути – прости.

Если нам по пути – ты по сходне взойдёшь,
сотне флагов моих под цвет,
и хлещи, сколько хошь, сверхъестественный дождь –
где мы есть, там потопа нет.

Станет мир за окном кувыркаться вверх дном,
крыться льдом и гореть огнём,
а мы это запьём виноградным вином,
виноградным вином, ном-ном.

А когда отползёт то ли пар, то ли дым
и очистится окоём,
мы «пока» молодым, мы зверью «тыгыдым» –
и опять уплывём вдвоём.

30–31 октября 2025

Выжившие

моей маме, Юлии Могилевер

Фигачит острой финкой под ребро беда
беззвучно, в подворотне, за пятак.
Нам не хватает только астероида,
но мы, возможно, справимся и так:

как Хава, что в могиле, но не ранена,
поскольку просто кончился кредит –
явление массового вымирания
(спроси у динозавра – подтвердит)

приходит и прикосновеньем Мидаса,
задорно, как загробный пионер,
в ноль обращает сто процентов с минусом,
обозначая тем границу эр.

Но лишь кому-то мелкому, мохнatomу,
едва ли одному из десяти,
удастся не распиленным на атомы
границу эту дерзко перейти.

И мы, как та зверюшка неказистая,
в ковчеге малочисленной семьи
из века бесцензурного транзистора
доплыли в век всемогущего ИИ.

За то, что не остались в почве выжженной,
что не легли в забвенье, как в кровать,
нам, выжившим, простят ошибки выживших,
а может, и забудут, но плевать.

История упрячет их среди теней
при вымиранье следующих масс.
Писать её – удел не победителей,
а скальдов и пророков. То есть нас.

8.11.2025

1. *"Хава в могиле не ранена" - старая переделка ивритской песни "хава нагила... неранена" (давайте возрадуемся и воспоём), бытовавшая в еврейской среде в Ленинграде середины XX века*
2. *"Ошибка выжившего" - известная логическая ошибка. Пример: "Я пережил явление X, значит, оно несмертельно"*

Ананке

Памяти Олеси Потёмкиной

Маскируясь под море, сверкая волнами,
мерцает и манит, зовёт глубиной
без библейских эффектов: не шторм, не цунами,
не смерч, не вода вертикальной стеной.

Подкрадётся, баюкая, ластясь, пружиня,
ласкаясь, обнимет и вдруг засосёт,
и, быть может, случайно тебя отвоюют чужие –
а свой не спасёт

и в одном варианте Вселенной уже не
случится ничто, никогда и нигде,
а в другом будут служба, покупки, кружение,
и сон еженощный о смутной беде,
и пускай, уступая влиянию паник
ты сменишь прибрежный район на холмы,
потеряешь спасательный круг, искромсаешь купальник –
нет ходу от тьмы.

Ослепишь путешествием в дальние страны
предчувствие узкого горла змеи,
но в отеле она улыбнётся из крана
и как увернуться от этой струи?
И в одном варианте Вселенной психолог,
уверив тебя в доживание до ста,
стиснув зубы, попробует вытянуть хоть бы осколок;
в другом – пустота.

И двоится Вселенная с каждой встречей
твоей с этой суженой, скалящей рот,
как дробилось бы море на множество речек,
ручьёв – но в природе всё наоборот.
И на каждом дроблении поток мелководней,
в нём больше и больше простор чешуе –
но он есть, он течёт, то есть мы победили сегодня.
Сегодня, о-йе.

20.8.2025

Чувак в фонтане

Скульптуре в городе Варна

Вот он застыл в фонтане медной глыбой
в руках к тому же с очень умной рыбой –
был мем: «и рыба эта, мол, ещё» –
и нос такой, что ясно: воду выпил,
и рыбу эту держит, будто вымпел,
но как ему (и рыбе) хорошо!

И то ль он так добро распространяет,
то ль «Одиссею» тихо сочиняет,
то ль сам он ненароком Одиссей
(то ль Моисей, как минимум по носу) –
сто версий есть по этому вопросу,
я слышал часть; лишь рыба знает все.

Я рядом с ним ходил неоднократно,
и каждый раз себя невероятно
счастливым ощущал из-за того,
что детки, гости, инопланетяне,
все обожают чувака в фонтане,
вне всякой связи с сущностью его.

7.8.2025

Драконы

Аннэрэ, моему дракону

И были они велики и малы:
не меньше горы и не больше иглы.

И были они мудрецы и глупцы:
мудрей фолианта, дурнее овцы.

Бывали и юны они, и стары:
свежей мотылька и древней, чем миры.

Был каждый на каждого так непохож,
как голод – на хлеб, как рассудок – на ложь.

Есть крылья? Нет крыльев? Три шеи? Одна?
Огонь ли в ноздрях? В чешуе ли спина?
Ответа не даст ни один лексикон,
но все понимают: дракон есть дракон.

И кто не видал их (а кто их видал?),
ответ бы немедленно правильный дал:
вот это – драконы, а вот – не они...

Помоями льются бессильные дни:
таков кругозор, что белей – антрацит;
не то что рептилий – людей дефицит;
враждой горизонт, будто сетью, обвит –
но каждый узнает дракона на вид.

Пока узнаются драконы на вид –
наш мир не совсем ядовит.

7.3.2025

Предупреждение

Сначала расшифруйте алфавит.
Потом прикиньте внешность: руки, ноги,
отсюда мишура: салаты, боги,
ракеты, адюльтеры, общий вид.
О виде, кстати: наш был ядовит.
Такой макроскопический ковид,
себя уничтожающая сдуру
культура, создающая культуру.

Забыв о нас, как о ядрёной вши,
должны бы вы отсель умчаться к лешим:
ввиду любви к разумным, пусть истлевшим,
на это я не ставил бы гроши.
Нет: ваш сородич нашего Левши
для уравнений тела и души
вмиг разыскав совместное решение,
немедленно запустит воскрешенье.

«Вот это да – архангел протрубил!» –
сообразим, едва продравши зенки;
ликуя, каждый ставивший у стенки
протянет руку всем, кого убил,
решив, что час прощения пробил;
а тени четырёх цветных кобыл
проскачут воплощённым общим глюком
наперекор естественным наукам.

И наконец настанет век златой.
Продлится он не более минуты.
Вы из иллюминатора каюты
успеете, увидев, крикнуть «стой» –
и поспешить на встречу с пустотой.
Совет мой невозможный, но простой:
раз оказались на земной орбите –
бегите.

Ночь на 25.3.2025

Говорит самурай

Говорит самурай самураю:
я совсем, самурай, помираю
в атмосфере пустого житья:
разменяли меня на монеты

и собрали обратно – а это
получился как я, но не я.

Время тонких прошло каллиграфий:
дети свитки сорвут, разодрав, и
намалюют своё на стене.
Из искусств, возвышающих души,
им по сердцу вот разве что суши,
да и те крупноваты, по мне.

Я последний оставшийся рыцарь.
Мне бы в землю по пояс зарыться
монументом всего своего.
Ты, конечно, из рыцарей тоже,
но одной мы повязаны кожей
и считаемся за одного.

25.1.2025

Кольцевая

А я думал, что мы движемся к прогрессу,
к миру общечеловеческого блага.
Оказалось, что по тёмному по лесу
нас телега катит к чёрному оврагу.

А я думал, что единая планета,
что ракеты полетят быстрее света.
Оказалось, что наветы и запреты,
и к ответу нас по полу и по цвету.

А я думал, что ни наций, ни религий,
только разум, окрылённый добротой.
Оказалось, что вериги и интриги.
Вместо книги пляшет пламя золотое.

Оказалось, что ни света, ни покоя,
а рекою в мутный сон без пробужденья...
Наше время назовёт Средневековьем
просвещённый из эпохи Возрожденья.

28.06.2020

Источник

Приложись к источнику, где всё уже хранится.
Прикоснись ладонью – и узнаешь, что к чему:
все стихи, истории, мелодии и лица –
ничего придумывать не нужно самому.

Развивай чутьё, образование совершенствуй,
упражняйся в мудрости, бессмыслицу мели –
нет стройней идей и безнадёжней сумасшествий,
что таятся там от сотворения земли.

В этой личной подписи неведомые боги,
проявив себя, не позабыли ни о ком:
кем ты был вначале, чем останешься в итоге –
прочитать несложно под бесхитростным замком.

Ты вскочил. Ты веришь: это – зло, и знаешь точно,
как навеки скрыть от человечества его...
Но постой – я по пути наведалься в источник
и прочёл, что у тебя не выйдет ничего.

5.06.2020

Убежище

За жизнь мою огромную
в семнадцати мирах
сводили душу в гроб мою
боль, горе, страсть и страх.
В убежище – в убежище! –
я сиживал не раз.
Откуда это бешенство
как раз сейчас?

Рассыпало дыханье птиц
по небу облака,
и в слове «апокалипсис»
таится «а пока».
Хранит от бед надежды щит,
ни слова о войне...
В убежище – в убежище! –
что надо мне?

Еда в пути, друзья в сети,
не жизнь, а анекдот.
Хоть секс гляди, хоть новости –
гестапо не придёт.
В убежище – в убежище! –
Светло мне и тепло.
Зачем же я – посмешище
себе назло?

Ведь не ославят лодырем –
мол, сиднем да лежнём.
Дают тебе четвёртый Рим,
располагайся в нём!
Со всеми так бы бережно,

а я кривлю губу.
В убежище – в убежище! –
гневлю судьбу...

Земля, хоть неприветлива,
а скрыть меня могла
от рожи надоедливой,
что кажут зеркала.
Но, хоть до смерти брешь ищи –
от этого лица
как раз в моём убежище
не спрятаться.

18.4–24.11.2020

Правда-крявда

Ты никогда им ничего не объяснишь, мой идиот:
они про правду-крявду всё постигли сами.
Она – не в том, что было раньше и вот-вот произойдёт,
а в том, что смотрится красиво в инстаграме.

В том, что подогнано уже профессорами кислых щей
под мифологию обид и угнетений,
и точно так же соотносится с реальностью вещей,
как хрен моржовый с разнообразностью растений.

И правда-крявда не хотíт, чтоб соглашались тихо с ней:
с ней маршируют в экзальтированном гимне!
В твоих попытках объяснить, что всё немножечко сложнее
они уже прочли, что ты немножко Гиммлер.

И даже это – далеко не наихудшая из бед,
поскольку мир аршином общим не измерить-с:
Когда противники – оно, тут удивляться смысла нет;
куда бежать, когда оно – единоверец?

Поговори с ним о врачах и о космических лучах,
быть может, мозговой угомонится слизень.
Но полагаю, что возможность разговор переключать
они отменяют где-то в будущем релизе.

Быть может, кто-нибудь, когда-нибудь прозреет и поймёт –
сам по себе, но это не твои заботы:
Ты всё равно им ничего не объяснишь, мой идиот –
они-то знают, что они – не идиоты.

1 сентября 2020

Ближневосточный романс

Да что же это вы устроили –
да как же это?
Такое лето нам расстроили,
такое лето!

Ну да, дела рациональные,
народу надоть:
но вновь в отверстие банальное
утёкла радость,

и наши дни невозвратимые
между своими
накрылись склизким и хитиновым,
зато во имя.

Ну да, мы выжили и нажили
и не погибли.
Но можно быть не персонажами
грядущих библий?

Ну да, другим понекомфортнее,
здесь нет сомнений.
Но можно просто жить без фортелей
и без сравнений,

не объявляя, что нормальное –
большая милость,
и не стыдя себя за малое,
что сохранилось?

13.6.2025

Анжела Беленко

В тени Рауля Валленберга

Часть 3

На страницах двух предыдущих номеров журнала «Сонар» (№№18 и 19) наши читатели встречались с супругами Вальдемаром и Ниной Ланглет, Праведниками Народов Мира, эсперантистами, путешественниками, интеллигентами высшей пробы, которые прожили не просто интересную, а поистине захватывающую жизнь.

Если в первой части этой документальной повести читатели познакомились с историческими документами и фактами и, поверхностно, с нашими героями, то во второй части своим рассказом Ефим Зайдман углубил тему, добавил краски, выписал детали к портретам героев, они стали ближе и понятнее читателю. Казалось бы, тема исчерпана, но...

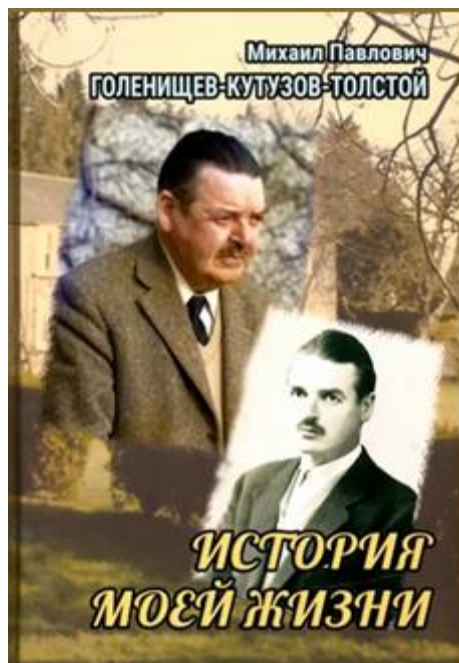
Обстоятельства и тяга к перемене мест в 2019 году привели меня на ПМЖ в Израиль, и, естественно, в Музей Холокоста Яд ва-Шем.

Хотя музей был не сразу. Сперва я случайно (случайно?) на просторах интернета нашла интервью, которое давал Михаил Талалай радио «Свобода». Я буквально прилипла к монитору. (Настенной радиоточки давно нет, а само радио осталось, хотя и в новом формате!) Заголовок, фотографии, расшифровка аудиозаписи передачи и сама тема интервью, «Тихий авантюрист с тройной фамилией», меня захватили. Я читала текст интервью и начинала понимать – это именно то...

Заинтересованный читатель может сам поискать аудиозапись этого интервью в архиве радио «Свобода» или прочитать текст расшифровки (рубрика «Герои Ивана Толстого» от 08 декабря 2019 г. (<https://www.svoboda.org/a/30314072.html>)), а я продолжаю.

Речь шла о книге «История моей жизни», которую написал «тихий авантюрист с тройной фамилией» М. Голенищев-Кутузов-Толстой, а перевели с английского М. Талалай и А. Быкова.

Автор – представитель известных фамилий; сколько имён в книге, сколько историй времён тех давних! Но не это важно было для меня, главное – в передаче прозвучала фамилия Валленберга. А где Валленберг, там и Вальдемар Ланглет – они занимались одним делом, спасали евреев Будапешта от уничтожения в 1944 году.

Я вспомнила, что Нина Ланглет в своей книге «Хаос в Будапеште» (перевод на эсперанто со шведского) писала, что они с мужем и все их помощники работали бесплатно, кроме двух человек, и дальше были фамилии. Одна из них... Я сняла с полки книгу Нины, полистала – есть, память не подвела! Вы уже догадались, о ком речь? Да, это был русский, с тройной фамилией, тот самый...

Конечно, мне сразу же захотелось прочесть эту книгу! Я уже почувствовала вкус к изысканию и недолго думая схватилась за компьютерную мышь. Поиск в интернете не был долгим, первым в списке значился книжный интернет-магазин «Лабиринт». Вот она, книга, продаётся, а вот аннотация к ней:

«Михаил Павлович Голенищев-Кутузов-Толстой – прямой потомок великого полководца М. И. Кутузова (по линии старшей дочери), последний представитель рода Голенищевых-Кутузовых-Толстых, представленный в юности императорам Николаю II и Вильгельму II. В его воспоминаниях нашлось место ушедшей блистательной эпохе начала XX в., опасностям во время революции 1917 г., эмигрантским историям, событиям Второй мировой войны. Особый интерес

представляют главы о событиях в военном Будапеште, когда мемуарист занимался спасением венгерских евреев и помощью советским военнопленным. В 1951 г., высланный вместе с женой из коммунистической Венгрии, он нашел пристанище в далекой Ирландии.

Мемуары дополнены предисловием его преданного немецкого ученика М. Хагемейстера, биографическим очерком А. С. Быковой, послесловием М. Г. Талалая и поколенной росписью рода. Опубликованные ранее на английском и немецком языках, в переводе на русский воспоминания публикуются впервые».

Моя знакомая согласилась помочь купить книгу и переслать мне в Израиль. И вот, – вдох-выдох! – открываю посылку, открываю книгу, листаю. Содержание, глава «Профессор Ланглет»...

К моему сожалению, многообещающая глава меня разочаровала. Упомянув профессора Ланглета, Кутузов-Толстой пишет только, что он и его жена, в то время проживающие в окрестностях Будапешта, были по рекомендации приглашены присоединиться к спасательной кампании самим главой венгерского отделения шведского Красного Креста, Вальдемаром Ланглетом, потому что имели связи с Красным Крестом и знали несколько языков, в т. ч. хорошо владели венгерским и немецким. В их задачу входило опрашивать обратившихся за помощью и отбирать кандидатов на получение охранного документа.

Кутузову-Толстому с женой и их экономке были предоставлены кров и стол прямо в филиале шведского Красного Креста в районе Буды, он стал начальником десятка сотрудников. В это время Ланглет и его помощники располагались в другой части города, Пеште.

По словам автора книги, в результате неких договорённостей между нейтральной Швецией и полудюжиной республик в Центральной Америке у шведов оказалось несколько тысяч чистых бланков паспортов с официальными печатями той или иной республики. Шведам надо было только вписать имя, и этот человек становился гражданином Никарагуа или жителем какой-то другой страны.

Замечу, что не могу ни подтвердить, ни опровергнуть эту информацию, т. к. в тех немногочисленных источниках, которые мне встретились, упоминаются лишь охранные документы на бланке шведского Красного Креста, выдаваемые за подписью В. Ланглета. Возможно, Шведское

посольство действительно располагало паспортами разных стран, и их использовал Рауль Валленберг в своей работе.

«Туфли на набережной Дуная»
(венг. Cipők a Duna-parton)

Мемориал жертвам Холокоста, установленный в 2005 году на берегу Дуная в Будапеште.

Идея мемориала на набережной Дуная принадлежала режиссёру Джану Тогаю и была воплощена венгерским скульптором Дьюлой Пауэром.

(Фото и пояснение к нему –
из интернета)

Это был период, когда два фронта, 2-й и 3-й Украинские, с боями подходили к Будапешту, ожидалась осада огромного города. Победа Советской Армии уже была очевидна, и Шведская миссия обеспокоилась созданием репутации перед «советами» как проявившей себя в сфере благотворительности и человеколюбия. В то время в венгерских лагерях для военнопленных содержалось множество красноармейцев, и Кутузов-Толстой предложил главе Шведской миссии в Будапеште, г-ну И. Даниэльссону, организовать гуманитарную помощь для ближайшего лагеря под названием Вескенъ (Veszkény).

Начались переговоры с венгерской стороной, собирались подарки, и через две недели супруги Толстые отвезли собранную гуманитарную

помощь советским военнопленным. Об этом очень подробно, в деталях и диалогах, рассказывается в книге.

Осенью 1944 года, когда осада Будапешта стала неизбежна, автору книги удалось убедить шведов организовать госпиталь для всех враждующих сторон, открытый Шведским Красным Крестом. А себя он предложил в качестве управляющего этим госпиталем при гарантии обеспечения и полного финансирования.

Цитата из книги от лица автора:

«По этому поводу было много разногласий внутри самого Шведского Красного Креста. Изначально, весной 1944 г. нас пригласили участвовать в миссии по спасению преследуемых евреев, и Шведский Красный Крест делал всё, что мог в течение многих месяцев, и довольно успешно. Но теперь я чувствовал, что происходят важные события, и нам нужно менять нашу задачу и приоритеты. Другие подразделения Красного Креста не согласились с такой точкой зрения, и посол отложил своё решение».

Думаю, что «не согласившимися подразделениями» были супруги Ланглет и их сподвижники. Дальше автор пишет, что госпиталь для всех воюющих стран всё же был открыт, и он получил желаемую должность управляющего. Потом следует подробный рассказ, как был организован госпиталь и как он функционировал до прихода русских. Но имя Вальдемара Ланглета в мемуарах Кутузова-Толстого больше не встречается, их пути разошлись. автор книги переключился на другую деятельность, – впрочем, тоже гуманную, – и отошёл от идеи спасения евреев.

Что испытывает человек, который получил желаемое, но не нашёл в нём то, что искал? У одних опускаются руки, у других – просыпается жажда поиска в ином направлении. Я из вторых. Оказывается, страсть к изыскательству – дело заразительное и азартное. Меня изысканием реально «заразил» Ефим, он был просто одержим этими первыми эсперантистами. «Эх, почему я не родился сто лет назад!» – горевал он. Не понимая, что там он был бы совсем другим, скорее всего... Еврей, сто лет назад... Его дед в Одессе был то ли мясником кошерным, то ли кожемякой. Ефим и эсперанто могли бы вообще не встретиться в то время...

Первоначально я искала следы моих (уже моих!) героев, супругов Ланглет, а информация о Рауле Валленберге для меня была

второстепенной. И всё же не обратить внимание на то, что автор мемуаров Кутузов-Толстой ни единым словом не упомянул эту значительную фигуру, я не могла.

Как же так? Ведь вклад, который сделал Валленберг в спасение евреев, и его дальнейшая трагическая судьба известны, кажется, всему миру, это не может не понимать человек, который находился с ним, можно сказать, «в одном окопе»!

(<https://ru.sweden.se/lyudi-i-obschestvo/demokratiya/raul-vallenberg-v-protivostoyanii-s-nacizmom>)

Итак, вспомним, Раулю Валленбергу была доверена дипломатическая миссия, хотя по сути дипломатом он не являлся. Он был прислан в Будапешт после обращения Вальдемара Ланглета на родину, в Швецию, в частности, к Карлу (Carl), брату короля Густава V, с которым был хорошо знаком. Ланглет просил оказать более масштабную помощь, нежели ту, которую организовал Шведский Красный Крест в его лице. Об этом рассказывает Нина Ланглет в своей книге, но нигде больше об этом не упоминается. На самом деле, я думаю, массовое исчезновение евреев в этот период не могло не привлечь внимание общества, в особенности после того, как двоим узникам концлагеря удалось бежать, и они рассказали правду о т. н. «трудовых лагерях».

Ниже даются лишь несколько ссылок на статьи, авторы которых в разные годы пытались разобраться в истории Рауля Валленберга. Читатели могут убедиться сами, что и в печати, и в интернете есть большое количество статей и очерков, описывающих его деятельность и судьбу. Но правда о его гибели до сих пор скрыта, документы не найдены,

а те некоторые личные вещи, которые всё-таки смогла получить семья Валленберга, не проливают свет на это дело.

<https://www.kommersant.ru/doc/1360621>

«Тайна Валленберга» (журнал «Огонёк», № 18 от 2010 г.)

<https://ru.sweden.se/lyudi-i-obschestvo/demokratiya/raul-vallenberg-v-protivostoyanii-s-nacizmom>

«Рауль Валленберг в противостоянии с нацизмом» («Люди и общество», машинный перевод со шведского сайта)

<https://vaadua.org/news/raul-vallenberg-poedinok-so-stalinym>

«Рауль Валленберг: поединок со Сталиным» (Ассоциация еврейских организаций и общин в Украине).

Несмотря на то, что в своей книге Кутузов-Толстой лишь вскользь упоминает Вальдемара Лангледа, его книга всё-таки заинтересовала меня биографическим очерком и послесловием от переводчиков. *Михаил Талалай*, историк русской Италии, кандидат исторических наук (Италия), и *Анна Быкова*, член Археологического и исторического общества г. Грейстоунз (Ирландия), кандидат политических наук, делятся с нами своими изысканиями, своими находками не только на страницах книги, но и в её видео-презентации:

https://youtu.be/BAVE-cKzqcYsi=s_z_GSik37eIGAYr

В ходе презентации авторы подробно рассказывают о непростой и во многом загадочной судьбе потомка великого русского полководца, проживавшего последние тридцать лет жизни в ирландской провинции, приоткрывают завесу в биографии мемуариста: есть подозрения о работе Голенищева-Кутузова-Толстого на НКВД, и – что он следил за Раулем Валленбергом и «сдал» его.

Об этом рассказывают в многочисленных публикациях исследователи и журналисты разных стран, есть упоминания в мемуарах бывшего советского разведчика Судоплатова и начальника КГБ Серова. Коротко: есть свидетельства, догадки и домыслы, что родственники Валленбергов вели переговоры с США в интересах Германии. Кутузов-Толстой, работавший рядом с Раулем, об этом знал и, возможно, именно эта информация была инкриминирована Раулю Валленбергу советскими органами.

Возможно, читателям будет интересна версия в виде очерка «Агент с тройной фамилией – одна из самых засекреченных страниц советской разведки» (автор – А. Широкопад, Livejournal):

<https://deda14.livejournal.com/1586400.html>

Я же прощаюсь с читателями до следующего номера журнала «Сонар», потому что история Праведников Народов Мира супругов Вальдемара и Нины Ланглет ещё не закончена.

Но перед этим хочу представить документы 1944–46 гг. из архива Н. П. Голенищева-Кутузова-Толстого, которые как нельзя лучше иллюстрируют общее мнение историков, исследователей и просто читателей – таких, как вы и я, что действительно очень странно выглядит такое приближение личности Кутузова-Толстого и его супруги к советскому военному командованию в последний год войны. Если только за этим не скрывается некая большая услуга, которую оказал им «тихий авантюрист с тройной фамилией».

Итак, несколько следующих страниц с документами – информация к размышлению:

1. Охранное письмо на жилье графа Михаила Толстого и семьи (архив М. Хагемейстера)

Перевод:

Охранное письмо

Эта комната/квартира/здание
Графа Михаила Толстого и семьи
бельгийского гражданина
под защитой посольства Швейцарии в Венгрии
Будапешт 6 марта 1944 года

Подпись: *Швейцарский посланник Йегер*

2. Полномочие М. П. Кутузова-Толстого

Перевод:

**Шведское королевское
посольство, защитник
интересов СССР в
Венгрии. 1ое ноября
1944.**

Полномочие

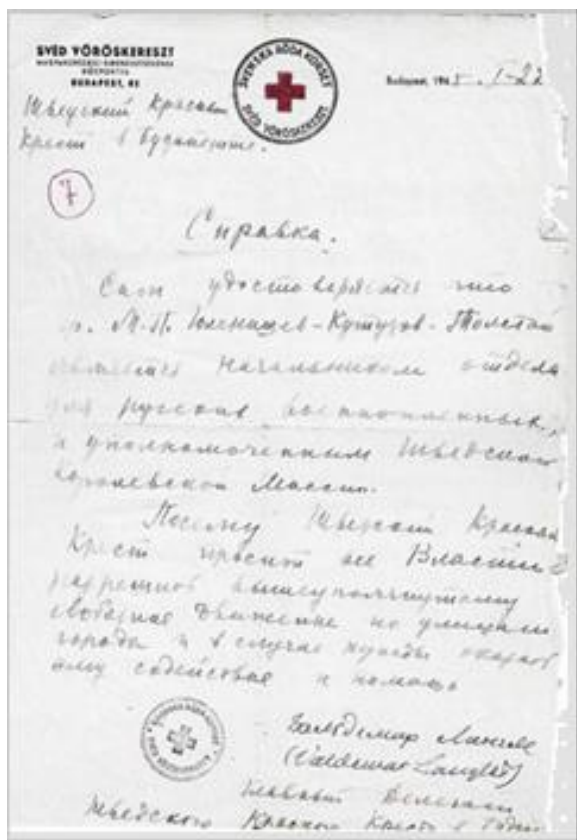
Шведская королевская
миссия, защитница
интересов советских
граждан в Венгрии, сим
удостоверяет, что Михаил
Павлович Голенищев
Кутузов Толстой, начальник
отдела для русских
военнопленных, действует
как уполномоченный
Шведской королевской
миссии во всех делах,

относящихся к советским военнопленным и гражданским ссыльным, чьи
интересы защищаются Швецией.

Кроме того, сим удостоверяется, что Михаил Павлович Голенищев
Кутузов Толстой уполномочен шведской Королевской миссией установить
для миссии первый контакт с русскими военными властями и
поддерживать эту связь до тех пор, пока эта миссия не будет сама в
положении установить связь занятием правого берега Дуная.

Подпись: шведский посланник Даниэльссон

3 Справка о занимаемой должности М. П. Кутузова-Толстого

Перевод:

Справка, что М. П. Кутузов-Толстой является начальником отдела для русских военнопленных и уполномоченным Шведской Королевской миссии, 1944 (Архив М. Хагемейстера)

Сим удостоверяется, что г-р М. П. Голенищев-Кутузов-Толстой является начальником отдела для русских военнопленных и уполномоченным Шведской Королевской Миссии.

Посему Шведский Красный Крест просит все Власти разрешить вышеупомянутому свободное движение по улицам города и в случае нужды оказывать ему содействие и помощь.

Подпись:

Вальдемар Лангле (Valdemar Langlet)

Главный Делегат Шведского Красного Креста
в Будапеште

4. Пропуска Кутузовых-Толстых 1945–1946

Временный
ПРОПУСК № 19

Выдан для входа в
Управление Постарок из
Венгрии

М. л. *Голетин М. П.*

Дата *31 мая* 1945 г.

Действителен до *конец октября* 1945 г.

Начальник АХО. У. П. В.
Майор *[подпись]*

Действителен По 1945 г.

Начальник АХО. У. П. В.
Майор
М. л.

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Предъявитель сего *Мурза Бутуров Шариф*
Бельгийская пач. действительно находится на службе
в *Генеральном штабе при Вост. Команде*
г. Будапешт в качестве *заместителя начальника*
Разрешается свободное движение по городу Будапешт. Мобилизации
на другие работы без разрешения коменданта города не подлежит.
Действительно по *1 апреля* 1945 г.

Военный комендант
г. Будапешт
гв. генерал-майор *[подпись]*

(Чернышев).

Арина Браги

Бабушкина десятка

Человеку нужны воспоминания.

*Ненужные, случайные, бросовые, одноразовые –
все сгодится, лишь бы огонь не погас.*

Харуки Мураками «Послемрак»

Полутру солнце вспухает над крымской яйлой уже раскаленным, а розовые рассветы – это для средней полосы. Чтобы приготовить обед, надо вставать рано, хотя и ночи не приносят прохлады.

Влада по прозвищу Харашиха садится на узкой постели, перекидывает редкую косицу на большую провисшую грудь под тонкой сорочкой в мелкий цветочек.

Расплетает и расчесывает тяжелым черепаховым гребнем свои – все никак не седеющие – волосы, закручивает узел на затылке и привычно гладит большим пальцем ямку выпавшего камешка:

– Ну вот, Ванюша, еще один день без тебя. Он будет хорошим, приезжают гости из города.

Занавеска из того же, что и ночнушка, батиста наливается матовой белизной, вздрагивает и пропускает свежесть предутреннего моря. Йодистый дух проявленных под обрывом водорослей ударяет в ноздри и Влада втягивает острый лечебный дух. Мельком радуется легкому ровному дуэту-посвисту: у стены напротив на расстоянии её вытянутой руки на такой же узкой, как в плацкарте, откидной полке спят «валетом» две внучки.

Влада переступает босыми, плоскими, распухшими ступнями и осторожно сдергивает с крючка застроченный спереди ситцевый халатик. Открывает хлипкую дверцу и ступает через мелкий порожек на коврик у входа. Фанерный складной домик чуть вздрагивает.

Влада нащупывает тапки, натягивает через голову халатик, достает из кармана крахмальную косынку все того же пестренького батиста и плотно стягивает лоб. Шаркает по утреннему песку к хозяйскому уличному туалету.

Потом долго моется, подбрасывая сосочек умывальника, просыпая с его боков кусочки сухой синей краски. Она кладет розовый обмылок в зеленую пластмассовую мыльницу, снимает с веревки жесткое вафельное

полотенце и взглядывает в узкое зеркальце над полочкой с зубными щетками. Из этого рассветного зеркального окошка на неё взглядывают все еще огромные и умные серо-голубые глаза. Влада усмехается и собирает морщинки в уголках глаз:

– Все, пора за дело.

Солнце забралось высоко в белесое голубоватое небо.

Бабушка Влада – властная, полная, высокая и моложавая – всё в том же утреннем абрикосовом халатике чуть ниже круглых колен, ступни с выпирающими косточками на больших пальцах всунуты в растоптанные бежевые босоножки фабрики «Скороход» – стоит на пороге летнего домика.

Домик складной, его сконструировал еще покойный муж Ванюша, инженер. Каждый год Влада вывозит на море любимую внучку Наташеньку, а домик в разобранном виде ждет их в сарае у здешней хозяйки Раисы. Рассчитываются с ней ленинградскими деликатесами. Старшая дочь Влады, мама Наташеньки, живет в северной столице и работает врачом. Так что колбасный сыр, шоколадные конфеты, вафельный торт, тушенка и лекарства от давления отправляются поездом вместе с девочкой. В это лето здесь гостит и вторая её внучка Ирина, дочь младшего сына Влады, Володеньки.

Харащица щурит близорукие глаза и прикрывается ладонью от слепящего суховея. Следит, как по известковой тропке, подсакивая над конскими лохмами ковыля, убегают бесшабашные внуки – двенадцатилетняя Наташенька и восьмилетка плакса Ирина.

Бабушка скрепя сердце доверила им десятку – купить хлеб и масло – сегодня завоз в лавчонке на дальней улице приморского поселка. Старшая уже сгорела до цыганской черноты, а младшая почти без загара, хотя сама живет на море, в большом крымском городе, но её семья чинно ходит на море строго по часам ранним утром и перед заходом солнца.

Девочки сейчас вместе пылят сандаликами, хотя обычно не дружат. Наташа дразнит кузину «дурой в капроне». Но сейчас Ирина придумала, что она королева, и заражает глупой игрой старшую, предлагая ей быть царицей. Размахивая руками, «дура в капроне» орет, кружась и охватывая раскрытыми ладонями ультрамарин небес, белесую пыль киммерийской степи и «самое синее» море, вбирая его от песчаного обрыва до вспухшей дуги горизонта.

– Это мое владение! Эти травы – мои!

Старшая с десяткой в кулаке и сеткой для хлеба подхватывает:

– Да! Эти поля! Это небо – мои! Мы владеем всем!

Взмах вельможной руки – и смятый комочек летит в бурьян. Аристократки испуганно мечутся среди верблюжьих колючек, серебряной полыни, липучих репейников, светлого цикория на хрупких веточках и звонких коробочек мака. Истлевший чабрец облеплен острыми белыми степными ракушками, те, что нанизывают на нитку и красят, окуная в зеленку. Девчонки топчут своих подданных, не веря уже, что красненькая бумажка найдется. А пожилая женщина у дальнего порога изумляется:

– Что это они, сбились с дороги?

Но чудо случилось, и десятка нашлась под кустиком сухой полыни, и хлеб был куплен, и гости приехали. И сегодня никто почему-то не ругал младшую ни за капающие в тарелку слезы, ни за желание пить чай только «с таким».

11 октября 2025

Тыква позабыла, как перестать расти

Осень. Октябрь. Хочу осенний букет. Выхожу в сад и отрезаю три побега бесконечной тыквенной лозы. Лоза ухватила миллионы усиков за ветви огромного ягодного куста и ныряет вниз-вверх, слева-направо, вперед-назад, внутрь-наружу среди жестких ржавых листьев черной смородины. Лоза выбрасывает десятки лопухих листьев в шершавых крючочках.

Но не только свежая зелень тыквы веселит смородину.

Лоза расцветчивает куст вспышками золота колокольчиков, и цветов-однодневок так много, что нет ни времени, ни сил завязать плоды. Это к лучшему – снег не за горами, по ночам он покрывает свежей краской прошлогодние вершины Скалистых Гор.

Сводки рапортуют – снеговые заряды пробегают ночами по крышам городских домов на окраинах. Но в самом городе светит ровное солнце бабьего лета. Здесь говорят – индейского лета. Некоторые остряки шутят: «оселет» – осень лета.

Лоза удлиняется каждое утро.

Букет! Три длинных побега в высоком цилиндре.

Спиральки, кулачки и стрелки усиков ощупывают пустое пространство – и не видят к чему прицепиться. Серебрятся кулачки бутонов и

бутончиков, желтеют глубокие глотки цветов, и зеленеют резные листья, исходя запахом свежескошенной травы.

А начиналось все зимой с четырех тыквенных семечек, что проросли в горшочках для рассады. Нет, началось даже раньше, в ноябре, когда притащила с рынка кривобокого гиганта – красную тыкву, обхватив ее за вздутые доли. Притащила для красоты. Для атмосферы дня благодарения. Украсить интерьер к празднику.

Не пришлось!

Наткнулась на рецепт из армянской деревушки. В коротком видео нарядная хозяйка подавала на стол огромную запеченную тыкву, а под крышечкой вокруг хвостика исходил ароматом ванили и корицы золотой сладкий рис с черносливом, изюмом, курагой и миндалем.

О!!!! Как здорово! И у меня получилось. Пропечённые толстые бока моей тыквы таяли на языке такой сладкой нежностью, что гости попросили тыквенные семечки на посадку.

Весной я тоже посадила четыре слабых кустика, посадила и позабыла.

Летом пошли дожди, и тыква не пропала, а разбросала свои плети по всему саду.

И все растет и растет. Она просто позабыла, как перестать расти!

20 октября 2023

Ежи ежевики. Август

Невестка Ниночка обернулась, удерживая поводок – собака Артемон большая, сильная, так и рвет, хоть и артритная – попросила, как-то уж очень свободно: не хочет ли она собрать ежевики для пирога?

– Да-да, конечно, – сказала Тамара, – и без сбора ягод у невестки руки полны. Теперь, когда увидела, что и для малышки эти кусты не опасны, соберу, соберу.

– Конечно, конечно, Ниночка, – сказала Тамара, она повторяла «конечно, конечно (подходя к огромным зарослям ежевики и обходя днище алюминиевой лодки, что наваливалась на колючий куст и защищала сборщицу ягоды), конечно, конечно», – немного раздосадованная всеми своими домашними, что заставляют ее быть такой – такой, как ей непривычно – хлопотливой и домовитой. Они ее любят. Да, ну вот, теперь, значит, и ягоду собери, хотя, что ж, все вместе решали, надо что-то спечь для Кристины завтра. Ягоды – где тут ветка, что пластается по земле и

ногу всегда уколёт. Отлично, обошла змеюку, теперь не увлекаться и не лезть грудью на высокие колючки за самыми сладкими ягодами на верхушках, а по краешку, по краешку, и наберу эти три коробочки.

Ежевика – проклятье фермы. Сын Тарас каждый год срезает захватчиков: огромное лезвие на трактор купил, приставку дорожную, – ежевичные страшные руки лезут и лезут. Как в сказке о дремучих лесах. И благодать: столько ягод, и все прут и прут, вон спелые блестят лаком черным, а зеленые, розоватые, новые, уже на подходе.

Что за растение, даже ягоды, как песком, покрыты малюсенькими колючками, и листочки с обратной стороны в иголочках, не ухватишь, а ветки просто длинные подушечки для иголок, но остриями наружу. Перчатки забыла. Ага, можно веточку притянуть за ягодку зеленую, крепкую, и срывать спелые мягкие – как надутые губки крошечных Дюймовочек.

А малышка как их любит, прямо с куста! Удивительно. Родители отчаянные, подносят ее прямо к кусту. Легенда есть, как ежевика сгубила овцу, вцепилась в шерсть, овца бьётся – и глубже, глубже вбивает себя вглубь ягодной пасти. Погибель. Так что не увлекаться, а по краешку, по краешку. Прошлым летом объелась, теперь только немного съем. Вкусно!

Малышка родилась – год пролетел. Странно. Прошлым летом, чуть плач утром, и сын, качаясь как зомби, вносил крошку к ней, мама посмотри, и уходил поспать. Каждые два часа молодые вставали, и при свете – смешно – красной лампы (полезно для выработки мелатонина) меняли подгузник, а потом кормили, а потом и укачивали часами.

А теперь чуть «клякнет» утром птичка радостная, проснулась, сердце дернется – принесут, и выйдем с ней на воздух, а маленькая потом еще и поспит поперек садового диванчика рядом с ней. Нет, теперь, после долгой ночи крепкого ее сна и невестка, и сын рады, что проснулась, и можно перед работой и поиграть, и поговорить, и полюбоваться вдоволь.

И длинная уже. Поперек дивана не ляжет!

Как тут думать о проектах и сроках, о работе, как отрывать кусочки от сердца, когда оно все здесь, в этом мгновении и ясных глазках, и внимательных глазах, и этих просторах, и холмах, и других холмах вдаль за ними, и туманах, что поднимаются от невидимой с порога дома реки Песчанки и становятся облаками. И далекая гора Колпак. Снегов на вершине нет, жаркое лето, и август пришел жаркий.

А дома после Ильина дня купаться нельзя, громовержец трезубец в воды опустил и воды остудил. После Медового Спаса ни в реку, ни в озеро и не думай. Ни-ни.

Простор накрывает и поглощает, только выйдешь за порог и вдохнешь утреннюю прохладу, и все неважно, и живешь мгновением.

Мгновениями живешь.

– Ну, достаточно набрала, – решила Тамара, и подравняла три коробочки с ягодой на дне плоской корзинки. Подняла голову, в окне веранды уже горел свет, оттуда раздавались голоса и хохоток, а у дома – не заметила, как подъехала – стояла машина Кристины.

– Странно, ждали ее завтра, как же теперь с пирогом... – недоумевала Тамара (ну всегда в своем духе, говорить одно, а приезжать, когда взбрыкнет ретивое). Она поспешила к дому, отворила дверь и вошла... оторопела, узнавание окатило ее и обдало теплом, потому что вдруг там оказался Иван. Приехал! Она захотела скрыть радость – стыдно. Семь лет! Кристина углядела, что он сходит с электрички, там за рекой, и подбросила к дому. Теперь все поспешно ушли в комнаты, оставив их вдвоем на веранде. Как в аквариуме. Как на ладони.

– Прости, Тамара, я без звонка, ничего? – нарочито буднично спрашивал Иван, болезненно мигая на яркий свет в низком потолке веранды. Глаза болезненны к яркому, зоркие по ночам. Все так же. Преобладание ночного видения, как это по латыни? И звуков громких не выносит, как выдержал рэп в машине Кристины?

«Она постарела, глазища в половину лица», – думал Иван. Достал айфон, покрутил, незачем ему – Тамара стоит рядом, ухватилась, как за соломинку, за нелепую плоскую корзинку. Сунул гаджет в карман, и вынул зажигалку.

Куриль обещал бросить семь лет назад, и писать и звонить обещал.

Тамара вцепилась в плетенье ручки корзинки, нужно поставить, убрать, как всегда, он будет смеяться, что корзинка дурацкая, а черноватых ягодок в синих коробочках маловато. Ежевика это, а не «черноватые» ягодки. Ежи. Ежики. Никогда не знает названий растений, формулы в голове.

Показалось на миг, что она все еще смотрит на верхушки колючих арок ежевики, и не знает еще, что Иван приехал, а с веток взлетают белые лепестки, собираются в стайку и обращаются в облачко, это пух, подшерсток пеструшек. А можно сказать «подшерсток», если куры? Усмехнулась и вернулась прямо в глаза Ивана.

Вот так всегда, фантазирует Тамара, улетаёт, и зрачки расширяются, словно смотрит в бездну и мимо него. Мимо.

8 августа 2023

Константин Вихляев²

Арсению Тарковскому

Тяжёлые градины бьются о крышу,
В них голос поэта далёкого слышу –
Спокойную, ровную речь,
И чудится в лилиях сизого дыма
Его неожиданный лик ястребиный
Над линией вскинутых плеч.

За ним – говорящих теней галерея:
Крючки и квадратики Пауля Клее,
Скрипучая мебель в доме,
И флейта травы, и гнездовья околиц,
И бисер танцующих бабочек-школьниц,
Неясный уже никому.

Выносят на берег летейские воды
Печатные лёгкие горней породы –
Стихов говорящую соль.
Я пробую вкус этих странных кристаллов
И чувствую горечь военных вокзалов –
Тягучую русскую боль.

Есть музыка слова и пульс метронома,
Есть дом и звучание этого дома,
Мелодий и ритмов – не счесть.
Расслышать гармонию дробного звука –
Поэтская радость, поэтская мука
Удача, смирение, весть.

За окнами листья вибрируют мелко,
На кухне секундная шаркает стрелка,

² С творчеством автора можно познакомиться на сайтах https://krym.bardy.org/songs_k_v.html и <https://stihi.ru/avtor/konstantin83>

Для градин - бессмысленный счёт,
Но в душу посеяно доброе семя,
Невстреча латает дырявое время,
И свет не вечерний течёт.

От базарного сленга дуряя, сатанея от матов девиц,
Отмываюсь покоем музея вдалеке от крикливых столиц.

Веневитинов, Фет, Грибоедов, Баратынский, Языков, Кольцов...
Заповедные гнёзда поэтов разбрелись среди нив и лесов.

Так приятно услышать на русском, человечьем живом языке
О сирени, о месяце тусклом, о подтексте в последней строке,

Как сложилась судьба домочадцев, как случайно нашлись образа,
У научных сотрудниц лучатся жизнерадостным светом глаза.

Жаль, нет денег на новую крышу, – губернатор придиричиво скуп.
Но зато штукатур дядя Гриша подлечил засыхающий дуб.

Ах, ревнители давних традиций, архивисты петляющих троп,
Что же вас заставляет трудиться, превращая касторку в сироп?

Из какой поэтической штольни добываете смысла руду?
Отражений пустой колокольни не увидеть в заросшем пруду.

В этом – счастье и пытка, и право под уездным корпеть фонарём:
Тусклый свет, отчуждённая слава, очарованность поводырём...

Безучастна родная Отчизна, из столицы не жди новостей,
Но не меркнет свеча альтруизма в ожидании редких гостей.

Если выдавить горнее жало, неизбежен печальный итог.
Преклоняю колени. Пожалуй, этот крест я нести бы не смог.

Венеция

Для русского глаза Венеция – верх расточительства,
Приют шарлатанов и гениев по совместительству.
Дворцы, галереи, костёлы – как пряные специи,
Но выйдешь из храма, и вот оно – небо Венеции!

Для «руссо туристо» Венеция - блажь карнавальности,
Где праздность и подлость имеют оттенок сакральности,
Здесь пир для туриста, художника, вора, философа,
Но сердце моё говорит: «Это город Иосифа».

Поэты в Венеции видятся мне гондольерами:
Весло и перо отличаются только размерами.
Хоть слово по-прежнему с морем качается в терцию,
Торгашеский век и слова превращает в коммерцию.

Пусть память темна, как собор на апостольской площади,
А ныне в гондолах другие совсем перевозчики,
И нет исключений из правила невозвращения,
И общая родина не обещает прощения,

Но вовсе не странно на острове, к небу изогнутом,
Услышать, как рифмы и образы некто инкогнито
Диктует, пока я несусь на могилу кордезии.
Для русского сердца Венеция – это поэзия.

Рудольф Нуреев

Сухой, как скупая олива, «Махмудка» – восточная кровь –
Пред зеркалом неторопливо сурьмит густотравную бровь.
Еще полчаса до премьеры, последний наносится грим...
Титан танцевальной карьеры, икона для геев и прим

Сидит в персональной гримёрной, он сосредоточен и строг,
И тихий мотивчик минорный мурлычет живой полубог.

Еще не умаялся ангел со сцены нести благодать,
Но вены – бугристые шланги – устали уже танцевать.
Они, словно вешние воды, на волю сбежать норовят
В далёкие, юные годы, где каждый был камешек свят,
Где всё было свежее и ново, где город выковывал сталь,
И мир понимал с полуслова мечту научиться летать.

Увы, невозможно пробиться сквозь плотные стены судьбе.
Он – сноб, но не самоубийца, чтоб сдаться на милость гэбэ.
Вот маму увидеть бы надо, пока не захлопнулась клеть,
А что до камней Ленинграда, не стоит о них сожалеть.
Заклеены пластырем вены. Звонки прозвенели. Пора!
Нуреев выходит на сцену. Безумствует Гранд-Опера.

Эдит Пиаф

Не перепишешь набело черновики судьбы,
Испорченность – не правило, инверсия мольбы.
Когда кривая трещина раскалывает век,
Из тьмы выходит женщина, спасающая всех.

Со сцены льётся музыка – молитвенный рожок,
Рождая в нас в иллюзию: «Всё будет хорошо»,
Что мир ещё в зародыше, что можно жить в кредит...
Привет тебе, воробушек по имени Эдит!

Тот резкий голос множился, грассировал в ночи,
Париж в гусиной кожице просил: «Кричи! Кричи!
Возьми с собою на небо, всё выше, выше, вы...»
И жизнь творилась заново, и рубцевались швы,

Кружились в вальсе здания – Сорбонна, Нотр-Дам,
Неслось, как заклинание, «падам, падам, падам».

Прямое слово с перчиком прощалось воробью,
Сбивали с ног газетчики при каждом интервью.

В стране Эдитпиафии всё было чересчур –
Изломы биографии, наряды от кутюр,
Ночные возлияния, и тут же – се ля ви –
Маратели сияния, попутчики любви.

Отмаялась душа её, простим её, милорд.
Пусть новый век шуршанием крутого рэпа горд,
Но вновь на пароходике из Нанта в Сен-Назер
Качается в мелодии порхающее «эр».

Вена. Бетховенский фриз

Густав Климт расписывает фриз
К вернисажу венского модерна.
Гении, парящие над скверной, –
Тема, вытекающая из

Творчества Бетховена. Точней,
Из одной симфонии, девятой –
Проклятой, воспетой и разъятой
На цитаты для грядущих дней.

Три стены, три грации, три сна,
Тысячи связующих деталей –
Вольное пространство стихииалий,
Вечная священная весна.

Снизу человечество глядит
На работу мастера, пунктирно
Понимая замысел надмирный,
Что лишь возбуждает аппетит

У искусствоведов всех мастей,
Важных комментаторов и гидов.
Климт молчит. Шестой псалом Давидов
Тонет в какофонии страстей,

Где болезнь, безумие и смерть
Преграждают рыцарю дорогу,
Но прийти к счастливому итогу
Каждому позволено суметь.

Три шага до Первой мировой,
Классовой борьбы и Коминтерна...
Выставка австрийского модерна –
Климт, Бетховен, дым пороховой...

Какая странная тоска по девятнадцатому веку! –
Одноэтажным городам, неспешной поступи времён,
По незастроенной земле, неделовому человеку,
Что фотоснимком той поры на фоне гор запечатлён.

Кораблик в ялтинском порту линиялым парусом полощет,
Великокняжеских садов вдоль моря тянется кайма.
Серьёзно в камеру глядит в турецкой фесочке извозчик,
За ним империя лежит – Мария, Анна, Фатима...

Фотограф силится вместить как можно больше в фотоснимок:
По трапу сходят с корабля, едва живые, господа.
Ещё мгновение, и герой подхватит ворохи корзинок:
«Куда поедет?» – «В “Эдинбург”, а, впрочем, всё равно куда...».

Пусть дважды в реку не войти, но можно из неё напиться.
Держу в руках дагерротип, вхожу в картину, как в запой.
Мне выпал жребий в новый век в другой империи родиться,
Сходящей, кажется, с ума, но ей такое не впервой.

Блошиный рынок на югах – былого счастья позолота.
Вздыхает вслух филокартист: «Какие были времена!».
Он целит глазом в мой карман, сродни извозчику на фото,
И в этом взгляде вся печаль, и веку прошлому цена.

Финал начинается словом «итак»,
Суля предстоящий потоп.
Бесстрастное время стреляет: «тик-так!»,
А граждане слышат «тип-топ!»,

И снова глядит пронизательный Ной
В небесную голубизну,
А время стоит у него за спиной:
«Опять будешь строить? Ну-ну!».

В помощники к Ною идут столяры,
Всё шире строительный двор.
«Тик-так» – по округе стучат топоры,
И пилы ведут разговор,

Число добровольцев растёт и растёт,
В три смены работает люд.
«Тик-так» – заготовлены мачта и шкот,
«Тик-так» – появляется ют,

Учётчица Вера ведёт табеля,
Готовит стряпуха Любовь,
И Ной каждый вечер глядит с корабля
На фронт грозовых облаков.

Безжалостных стрелок стремителен бег,
А главного нет, хоть убей...
Одной из последних взойдёт на ковчег
Надежда, неся голубей.

Времена года

Сеет с неба моховые пелеринки
Князь мороза, развязав тугой мешок,
Облетевший старый сквер Александринки
Укрывается периной на вершок.

Полчаса, – и малахаи на сиренях,
Бах – в будёновке, Кутузов – в картузе,
Разъезжают на бензиновых оленях
Преогромные пирожные безе.

Демонстрируя искусство джигитовки,
Балансируя на куртках и пальто,
Хлопья едут на прохожих без страховки,
Только им не аплодирует никто.

От Казанского собора до Манежа,
От вокзала до Гостиного двора, –
Всё по власти озорного первоснежья,
Первосчастья первогорода Петра.

Пух безмолвен и на вкус немного солон,
А толпа и говорлива, и густа.
Экскурсантами облепленными полон
Тротуар гостеприимного моста.

Под перилами – Фонтанка в манной каше,
Надо мною взвились кони на дыбы.
Я влюбляюсь, как рязановский Лукашин,
И хмелею от иронии судьбы.

Со смиренъем пилигрима
За окошком ходит снег.
Цедит кофе растворимый
Растворимый человек.

Он сидит в своей квартире,
Бродит мыслями везде,
Растворённый в целом мире,
Словно гранула в воде,

И глядит на убелённый
Двор из дома своего,
Где такой же, растворённый,
Бог взирает на него.

Не хочу про снег, а хочу про свет,
Тонким грифелем ветки калины
Рисовать в воде, как плывут в ладье
Маркизеты, фланели, муслины.

По реке идёт бирюзовый мёд,
Не поймать ни мелком, ни графитом.
В голове весна, и душа пьяна
Веселящимся льдом грановитым.

Солнце правит луч на скрипичный ключ:
Паганини, Рахманинов, Барток,
Лишь портовый кран, да сосновый храм
Не участвуют в музыке марта.

Что моё житьё, что твоё шитьё —
Только песня в четыре куплета,
Но гудит марток и трещит ледок,
Значит, будет и новое лето.

Что такое март в России? -
Грачевание беды,
Радость кобальтовой сини,
Волхование воды,

Ив прозрачные одежды,
Льда текучее стекло,
Пробуждение надежды
На душевное тепло

Ну, а то, что грязь и слякоть,
Так ведь их не истребить, -
Добрый повод сердцу плакать,
Чтоб еще сильнее любить.

И в распутице, и в блазни
Милость марта хороша.
До чего ж мартообразна
Наша русская душа!

Мартовский снег

Небо синее-синее,
Воздух соткан из нег,
А в лощине осиновой
Плакал тающий снег.

Как подранок стрит-артовский,
Полустёртый мурал,
Под весёлостью мартовской
Этот снег умирал.

Сохраняясь остатками
Сероватых букле,
Он жгутами и латками
Прижимался к земле

И под мокрым валежником
Удивлялся тому,
Как земля подснежником
Улыбалась ему.

То был июнь, фрагмент начала лета,
Когда над морем хочется парить,
И мы с тобой ходили на край света
С общительной волной поговорить.
Там ворковали голуби на пляже,
И солнце – сицилийский апельсин –
Заботилось, как тень от счастья ляжет
На стайку пролетающих ворсин,
Что были взметены пуховым пледом,
Расстеленным у краешка воды.
А сумрак, надвигающийся следом
За диском, завершающим труды,
Был нежен так, что неподвижность веток
Ливанских кедров чудилась игрой,
А панцири медлительных креветок
Отблёскивали тусклой мишурой.
Шеренга экзотических растений,
За спинами глядящих на волну,
Ловила человеческие тени,
Сливая их в огромную, одну,
Бегущую по склону что есть мочи
В сереющее небо, что само
Ломало перспективу ближе к ночи,
Раскрывшись, как вселенское трюмо.
Когда же Марс, оранжев, как физалис,
Созрел в небесном куполе вдали,
Мы, уходя, ступнями не касались
Уже не видной в темени земли.

Сыграй, Славянка, мне элегию июня
На гусях водорослей, кантеле травы,
Чтоб, заглядевшись на лимонницу-плясунью,
Я не заметил миг потери головы.

Сыграй пахучую озвученную негу
В лесном регистре или в собственном, речном,
Чтоб все солдатики и тля земли и неба
Передружились под люпиновым огнём,

Чтоб чёрный ворон был не знак – а только ворон,
Гудящий шмель – не беспилотник, просто шмель,
А мир был ласковых поглаживаний полон
И обещанием не пройденных земель.

Не надо маршей ни старинных, ни советских, –
В них слышен бренности бесстрастный метроном.
Сыграй, Славянка, что-то нежное, как в детстве
Мне напевала тихо мама перед сном.

В горячий полдень около реки
Мы шли в который раз собрать ромашек,
Чтоб к вечеру порадовать домашних,
И вдруг остановились: васильки!

Гудел июнь в шмелиной воркотне,
В нашептываниях стрекозых сплетен,
Но василькам - приветливым соседям –
Достаточно цвести и в тишине,

Летала бы рабочая пчела,
В свой час текла водица дождевая,
И лодка солнца – родинка живая –
По озеру небесному плыла.

Весь луг заполонил ультрамарин,
Земля, укрыв себя цветочным плодом,
Казалось, поменялась местом с небом,
Доказывая: мир неизмерим.

И мы, внезапно ставшие детьми,
Ловили свет рассыпчатый, спектральный,
А лето – колокольчик музыкальный –
Звенело васильковой нотой ми.

Земля вдыхала благостный покой,
Как принимают ангельскую милость,
И ты к цветку медовому склонилась,
Взволнованно обняв его рукой,
Не для того, чтоб запросто сорвать,
А восхититься и поцеловать.

У августа много заботы:
В полёт собирать кулика,
Чинить повреждённые соты
И яблокам красить бока,

Ночные выращивать звуки,
Полуденной паприкой жечь...
У августа много разлуки
И флиртов, не стоящих свеч.

В строю календарной пехоты
Он шествует строго на юг,
У августа много работы,
А значит, и тысячи слуг –

Лакеев, портных, фавориток,
Жрецов и придворных врачей.
В одежде из солнечных ниток,
Незримых для праздных очей,

Он к самому тёплому морю
Ведёт легионы свои.
У августа много историй,
И все, как одна, о любви.

Август

Август – искусство текучей влюблённости,
Дар во спасение душ,
Яблоко праздности, мед утомлённости,
Тёплого вечера плюш.

Август – сыпучая стереометрия
Звёзд и священных слонов.
Августомания, августоветрие,
Августология снов.

Так бы и плыть по реке императора
На безмятежном плоту
В край, где альбиция, роза и датūra
Благоухают в цвету.

Плот уплывает, стихи упрощаются,
Небо меняет пароль.
Строчка дописана, август прощается,
И возвращается боль.

Сиваш

Полынь, кермек и выцвет соли,
Степные дали Сиваша –
Разлёт небес, безбрежье воли...
Ликуй, свободная душа!

Охапки запахов и гжели,
Швыряет август-весельчак
На розовеющие мели
И маслянистый солончак.

На берегу – саманный домик
Чумацких, давешних времён.
Там тимофеевка и донник,
Соцветья множества имён

Облюбовали каждый гвоздик,
Свисая венчиками в пол.
Сюда заглядывают в гости
И серафим, и богомол.

Хозяин дик, как эти травы,
Но меж обычным и чудным
Он воздвигает переправы,
И провидением храним.

Он понимает: мостик зыбок,
И по ночам глядит туда,
Где чешую подлунной рыбы
Качает мёртвая вода.

Летний сад

Канун Покрова. Летний сад
В окладе стрелчатых оград
Лежит иконой чудотворной.
Струит прохладу и покой
Над образами и рекой
Свод неба тихий и просторный.

Двуликий сторож, замерев
В узорном золоте дерев,
Оставил нам ключи и посох.
Завеса памяти тонка,
И мы сплетаем два венка
Из многоточий и вопросов.

Когда, зачем, в какой дали
Мы станем памятью земли,
Листою палой под ногами,
Где будут вновь сплестать венки
Уже другие старики
Под облаками?

Ну вот, потеплело в квартире, а значит – ноябрь.
Геройствовать трудно, мой голос простужен и дрябл,
Кружат тополиные ноты на стылом ветру,
Но я не хочу тиражировать эту хандру.

Привет тебе, славный король, повелитель-ноябрь!
Полцарства тому, кто в предзимье ребячлив и храбр!
Пускай занавесят окно затяжные дожди,
Сквозь капли дома и фасады – а-ля Гауди.

Полцарства тому, в ком оранжевый светится шар,
Кто смотрит на мир, как бесхитростный комик Ришар,
Кто пишет углём и помадой на стенах стихи.
Ноябрь – самый лучший сезон для такой чепухи.

Под шорох дождя хорошо изучать языки,
Читать Пастернака, вязать шерстяные носки,
Играть босановы, сушить можжевельник и лавр
И пить из небесных бокалов волшебный ноябрь.

Октябрь подметает кусочки фольги –
Пожухлые листья софоры,
Пропеллеры лёгкой кленовой серьги
Морозом прихватаются скоро,

Гурьба обнажённых натурщиц-берёз
Художника пылкого дразнит,
И мучает вечный проклятый вопрос:
Что краше – покой или праздник?

И так невозможно, и этак нельзя
(Он помнит: любовь убегает),
Но пешка мечтает о роли ферзя,
И вот уже сцена другая.

Мольберт. Мастерская. На свежем холсте
Восторженно-аляповаты
Плывут в первозданной своей простоте
Овалы, углы и квадраты.

Художнику что? У него в голове
Иное понятие нормы.
Как можно его уличить в плутовстве,
Коль важен лишь цвет, а не форма?

Краплаки и кобальты, умбра и хром
Хохочут, толкаются, пляшут.
Художник – не логик, он чует нутром
Весь космос фигур-неваляшек.

И мне, не державшему кисть до сих пор,
Вовек на холсте не заметить
Ни стайку берёз, ни скелеты софор,
Ни грусть об утраченном лете.

Сей дар я не выявил, и потому
Брожу и гляжу с разных точек,
Как город-икона в осеннем Крыму
Живой красотой мироточит.

Лето через соломину
Выпито октябрём.
Осень в цветастом домино
Ялту сдает внаём

Шорохам, сплетням, шелесту
Вылизанных камней,
Шумным накатам пенистым,
Тихой игре теней.

Осени речь мудреная,
Южнобережный микст...
Слово произнесенное –
Тот же опавший лист.

Вертит слова на пристани
Бесцеремонный бриз,
Пригоршнями огнистыми
Ловко швыряет вниз.

Полуживые, бренные,
Слипшись в одно пятно,
Тонут слова смиренные
В море, идя на дно,

Но волноваться нечего –
Есть еще что любить.
Все, что очеловечено,
Вечным не может быть.

Солхат

Сентябрь. Старокрымское утро.
Купается взгляд в мелочах:
Пылинок воздушная пудра
Вальсирует в первых лучах,

Косые трапеции света
Вползают в оконный проём,
Вбирая фрагмент табурета,
Кувшин и бессмертники в нём.

Дыхание свежего ветра
Приводит в движение сад,
Где клонит тяжёлая ветка
К ладоням земли виноград,

Где поздняя роза для пчёлки
Готовит запасы пыльцы,
И ждут хитроумной засолки
В огромном тазу огурцы.

Хозяюшка, встав до рассвета,
Сварила густой маринад,
И запах продлённого лета
Разносит почтенный Солхат.

Слетает короной имперской
На землю кленовый листок,
Смирением чистится сердце,
Распахнутое на восток,

И хочется пестовать в слове
Услужливый тихий приют,
Где счастье на пару с любовью
Отчаянью угол сдают.

Зарисовки в прозе

Мимо криков и смеха, мимо стражи на крепостных стенах, мимо крестов и звезд плыву по реке.

Неторопливо течение, ничто не обгоняет мой плот, всюду беспрепятственность и доверчивость.

Никого не приглашаю на свое торжество, но круг за кругом я плыву по одной и той же реке, всегда разной, всегда другой протяженности и другого имени.

Сейчас имя ей – кровь человеческая. Стоит пожелать, и я исчезну.

Только река окаменеет.

То, что когда-то было Луи Бертраном. То, что сейчас мелькнуло и исчезло в окне дома напротив.

То, что гудит и лопается у меня в груди. То, что утром является крыльями, а вечером превращается в камни. То, что приходит неизвестно откуда и также уходит...

Это скрепляет гнезда ласточек.

Там, судя по фильмам, – жизнь. Там, судя по песням, – рай. Там, судя по книгам, – мысль. Не удивляйся самоубийству, заложник нескончаемых обманов. Марку приклей и отправь непонимание небесам. Быть может, меня назначат свидетелем твоего озарения.

Тогда и замкнется круг.

Еще шаг – и притвориться деревом. В улыбке солнца. В дожде проходим. Корнями обнять землю и окаменеть для потомков. И так, чтобы не я один. Вот бы сад был!

Ликующий дальнорук: детали – побоку, самоедство отринуто. По лужам, по мусору шлепает, как по облакам. На острие ножа станцует, на углях горячих разляжется – все ему нипочем. Согбенные завидуют, еще ниже клонятся, но и они пользу приносят: так яркий камешек у моря на серой гальке взгляды притягивает, – всяк норовит его подобрать. Непохожий он на других. Если б не серость общая, кто бы заметил?

Дыхание, вечное дыхание. Дыхание скомканной простыни неба. Дыхание золотых паучков вечных вопросов. Дыхание рыбы, заглядывающей за камень перемен – что там? Дыхание звериных мужских троп к водопою женских глаз, дыхание колючей щетины бедуина и глядящего ему вслед Сфинкса. Дыхание лозы виноградной, что с упорством беглого раба взбирается на стены и крыши человеческих жилищ, у которых свое дыхание – с запахами жареной кукурузы, пота и раздумий.

Дыхание земли и солнца. Дыхание чуда жизни.

Я вплетаю свое дыхание, как нить, в полотно мира, и прислушиваюсь: не испорчу ли?

Раскачался венчальный колокол – не унять.

«Горько!» – крикнули облака.

«Горько!» – повторили растения.

«Горько!» – согласилась печаль и поцеловала человека.

Закачался человек, как колокол, и издал стон.

В этом доме все часы упрямо не хотели ходить. Каждое новое «тик-так» отдавало такой болью, что ее можно было сыграть на флейте. Сделав несколько взмахов, стрелки замирали навсегда.

В этом доме не было флейты, зато чаще всех произносилась одна и та же фраза – «я тебя люблю». Время не умеет жить рядом со счастьем.

Счастье живет быстрее.

Отсутствие смысла удлинняет жизнь. Отсутствие слов удлинняет речь.

Невежда! Веселый и статный идешь по жизни, а взгляд пылает. К чему ни дотронешься – расцветет, что ни пригубишь – благоухает. Малышу поклонись, если встретишь, он еще везде, ибо такой же – невежда.

В каждом шаге скрывается свое солнце.

В нежной параллельности, сорадуясь, мы идём к маленькому цветному морю, где на узкой отмели мы станем дельфинами.

Как я ни стараюсь, твоё безмолвие жертвеннее, ты даже не устала.
Всё мягко и податливо – негде разбиться сердцу, незачем жить ногами.
Научи меня забрасывать зов за горизонт, пожалуйста.

Канатоходцы играют с воздухом: разудалость предсмертия и
несказанное в наблюдателях. В дереве мгновений корни жаждут влаги.
Лейся, вечность, пузырись. Под канатом – океан.

Канатоходцы времени, ваши члены напряжены, машете по живому
шестами, а надежды из карманов выпали, на дне океана ржавеют. Руки
заняты, в глазах – бессонница, ноги только остались в деле.

Но зрители ждут исповедальности, исполнения обещанного на
афишах.

Канатоходцы, сколько ещё до цели?

Барабанная дробь, свет сфокусирован, мир замер.

На хорах – пюпитры нотами осёдланы, бьют копытами в нетерпении:
туш или реквием?

Звоню себе вчерашнему, звоню себе параллельному. Под одеялом
событий абонент недоступен. Кто кому недоступен?

Десятизначный номер – он. Десятизначный номер – я. Десятиборье
слабостей и дружбы.

Совы зуммера охрипнут, архитектура смыслов распадётся на кубики,
когда на другом конце мне ответят: «Вы ошиблись номером».

Связь не виновна. Вечный поиск сети.

Вечный поиск себя.

В воздухе повисла недосказанность. Фраза, оборванная на полуслове,
слоистым туманом стелется по распадкам сознания, завораживая игрой
света и воображения.

Дымчатые образы перетекают друг в друга, непрерывно сменяясь в
своей неуловимости. Чудится что-то, мнится. Лица, предметы, движение –
нереальны, нелогичны. Перевертыш на перевертыше. Земля уплывает
под ногами.

Это финал концерта для альта с оркестром Альфреда Шнитке.

За окном – увертюра зимы.

Медленный красивый снег. Тайны небесные не истязают, а, прирученные, заглядывают в глаза и просят покормить восторгом созерцания.

Ни души на улице, тихо и широко.

Помогаю снегу раздвигать пределы, учусь быть его продолжением.

Мы оба условны, но дружба окрыляет.

Отказываюсь от разделённости и растворяюсь.

Безмолвие – смерть отдельности.

Я натягиваю джинсы неба, надеваю глаза, отороченные смехом, и прыг-скок – на улице, зализывать ожоги боли языком времени.

У времени язык влажный, материнский. На улице много-много людей с ожогами разной степени. Этакая больница, где люди, прогуливаясь, лечатся.

Точнее, снимают боль, потому что нестерпимо жжёт... На улице сильно пахнет краской. Это свежевыкрашенные заборы, за которыми живут души человеческие. Ремонт в домах.

Я тоже ремонтируюсь, только никак не подберу цвет обоев для сердца.

Если небо белое, взглядишь: может, это потолок? Значит, где-то там, выше, есть ещё одно небо, может, и не одно.

Если у тебя есть ключи, но нет замков, зачем выбрасывать связку? Тот, кто тебе их дал, не умер, он просто невидим. Возможно, он ждёт вопроса.

Если есть вещь, она несет весть. Не о себе. О тебе.

Солнечная суббота. День лезет в душу, взрыхляя корку ночи, патину затворничества. Шопенистые фразы толкаются во рту и вываливаются на пол, на подоконник, в тетрадь.

Другой «я» умоляет пойти на улицу и захлебнуться ультрамарином. Или посидеть на крыле ангела, что оставил свой смех.

Смех пушистым дирижаблем плывёт по двору, заглядывая в окна соседей, убаюкивает взвинченность спешащих.

И раструб горна небесного, начищенного лучом, – здесь.

И сердцевинная мякоть выси – здесь.

И капли молочного света из груди облака – тоже здесь.
Взвесь ребячливого ноября, оплодотворённая смехом.

Каурая лошадка взгляда вышла поцокать по чёрному квадрату
Малевича.

Ищут копыта почву твёрдую, но вязнут, вязнут в невесомости.
Подковы-то теперь зачем? Давай, брат, переучивайся. Перековывайся.

Лаэрт позирует фотографу из толстого журнала, а Гамлет постаревший
стоит со шляпой у блошиного базара. Так вышло.

Но войдём ли в ту же реку?
Один лишь Бэккет знает, если не блефует.

Туманом освящён и ветрами измерен, пустился октябрь в свою дикую
пляску неверности. Всё громче барабаны зёрен, падающих в будущее.
Лиственные смерчи аккуратно огибают углы зданий и зеркала дождевых
лекал.

Всё кружится, льётся, шелестит, сверкает. Маски и музыка - город на
карнавале. Водосточные трубы поют, бубны сухоцветов гремят.
Запахи, краски, звуки – бесшабашно и пёстро!

Посреди карнавала на троне – хозяйка бала – Любовь: цыганская юбка,
шаль, кольца, браслеты... И глаза! – угли в пламенеющем жаре.

- Разрешите вас пригласить, сударыня?
- Я не танцую вальс-бостон.
- Это не бостон, это блюз 70-й радости. Видите, седина на деревьях?
- А как танцуют блюз?
- Его не танцуют, в нём живут. Просто пускают в сердце, и оно начинает
биться в ритме блюза. Это и есть танец, танец сердца.
- Как романтично!
- Так разрешите вас пригласить в моё сердце!

Мое изумление этим чудачком не иссякает, ширится. Вместо крови у
него – вино, глаза – сквозные раны нежности. Когда пшеница его пальцев
выгибается в шаманском танце над черновиками, я еле за ним поспеваю.

Брошенный в ночь, он расходится кругами, – и это мне нравится.

Наблюдая себя из пределов, он льнёт к канунам, – и это меня возбуждает.

Долой благопристойность! Моё влечение к нему бесстыдно.

О, если б я был женщиной! Но я всего лишь его ореол, светящийся венец одиночества.

Ни слова обидного, подлого, ни пота холодного, ни клинка, свистящего – телохранитель не даст им приблизиться. Огненный обруч охранный он держит вокруг тебя. Ни намёка на злопыхательство, ни капли назидания, ни взгляда одобрения – телохранитель невозмутим.

Сколько его ни донимай – всё как о стену горох.

Но зато в твои минуты страха и отчаяния нет его надёжней.

Не обижай его, пожалуйста, мыслями о суициде.

Видеть в камне камень – ничего не видеть.

Слышать во флейте флейту – ничего не слышать.

Сказать о весне «весна» – ничего не сказать.

Весна – это линька человеческая: хулиганы позитивами проявляются, чудачества из людей так и прут. Даже праведность монахов о женские коленки цепляется и осыпается клочьями.

На заре прилетают розовые фламинго и собирают линялую шерсть в небесные фургончики. А к вечеру город снова лоснится панбархатом, где горизонталь чиста, а ближайшие женщины – крылаты.

Гармония рыщет по замшелым берегам восприятия. Баловница творения, она маскирует себя обыденностью. Лишь нарядившись в серебро счастья, доступна глазу.

Светимость её – ослепительна. Смотреть на солнце, не мигая, могут единицы.

Учиться этому приходится не одну жизнь. Зато, научившись, перестаёшь видеть тёмное, словно и нет его. Тогда тёмное жмётся к незрячим.

По чутким клавишам, из зыбкого песка созвучий ты выжимаешь капельки любви.

Когда дождь перепутает крылья неба и травы, эти капли будут бродить туманами по безлюдным полям владимирской земли...

Скорее всего, это произойдёт утром. А днём стада священных чудищ истают в распадках и напоят песней корни растительных народов. Припев подхватит ветер, и всё березовое царство взорвётся аплодисментами.

Только одна, самая нежная берёза сможет повторить твою музыку.

Но это уже будет вечером, когда все песни хотят быть колыбельными.

Труднее всего придумать рифму к тому, чего нет. Но если убрать паруса и вслушаться в дельфиний язык звёзд, то нужные слова сами спустятся на ниточках бессмыслицы, соткнутся в полотно мира, и окажется, что ты сам – универсальная рифма к обеим сторонам луны.

Только сделать это ещё труднее, чем придумать рифму к тому, чего нет.

Ефим Зайдман, подсобный рабочий Великого Каменщика, замешивает ратвор и напевает песенку на эсперанто. Очки сползли на нос, взлохмачен и небрит, он по рассеянности путает песок с цементом, известь – с манной небесной, но в человеческой полезности своей по-щенячьи счастлив. Его восторженная работоспособность трогательна, а сам он даже красив, и поэтому Великий Каменщик улыбается, принимая ведра перепутанного раствора.

Я еду в троллейбусе и тоже улыбаюсь, потому что на ржавом заборе в центре города, у всех на виду, краской выведены огромные буквы: «Ефим я тебя люблю».

Есперо означает «надежда». Кто из нас может похвалиться, что надежда стала главным словом жизни?

Из книги «Тетради Авроры»

Предисловие редактора Ольги Логош «И пространство ведет себя странно...»

Историю поэзии можно представить как историю вечного поиска. Даже если автор не считает себя новатором, не испытывает границ возможного, все равно для него остается аксиомой: «для каждого нового стихотворения важно, что оно прибавляет к тому, что уже было сказано в поэзии» (Поэзия. Учебник / Н. М. Азарова, К. М. Корчагин, Д. В. Кузьмин, Н. А. Плунгян и др. – М.: ОГИ, 2016. Стр. 17).

В самом деле, зачем идти чужим путем, когда можно создавать свою поэтическую оптику? На мой взгляд, личная интонация, формальные эксперименты или игра с новыми медиа гораздо интереснее, чем подражание классикам или наивное продолжение традиции акмеизма или даже футуризма. Однако то, что кому-то может показаться новаторством, на самом деле давно вошло в плоть и кровь актуальной литературы.

В современной русскоязычной поэзии нет единого пространства – ни географического, ни концептуального. Авторы живут в разных странах и совершенно по-разному представляют себе, что является ценным и актуальным в поэзии. Тем не менее, уже сто лет назад и авторы, и читатели начали понимать, что единой литературной традиции не существует. В действительности традиций много: от «пушкинской» до акмеистической, от романтической до концептуалистской. Более того, в творчестве одного автора могут пересекаться как разные поэтические традиции, так и различные языки культуры.

В стихах Оли Вольпин привычная силлаботоника соединяется с авторской пунктуацией и графикой. Зачем поэтам такие приемы? Все дело в том, что они усиливают восприятие текста как единого целого – графика и слова выступают на равных и подсвечивают друг друга. Кроме того, автору бывает важно выделить многозначность слов или вариативность прочтений стихотворения. Напомню, что визуальное оформление текста – это не формальный элемент, а значимый смысловой компонент текста. Если в поэзии XIX века каждая строчка стиха начиналась с заглавной буквы, уже в прошлом веке эта традиция стала изменяться. «Современная поэзия, как мировая, так и русская, принимает запись без больших букв как относительную внутрipoэтическую норму, и со строчной буквы

начинают писаться все слова, в том числе собственные имена» (Там же, стр. 458). Как поясняется в новом учебнике «Поэзия», это происходит даже в немецкой поэзии, где все существительные по правилам пишутся с большой буквы! А еще сейчас довольно популярен жанр визуальной поэзии, где стихи превращаются в графический арт-объект.

В стихах поэтессы нет не только заглавных букв, но и знаков препинания. Сегодня это тоже мейнстрим: многие русскоязычные поэты отказываются от расстановки знаков препинания, и это дело принципа. Поскольку стихотворение делится на строки, это сразу же задает мощный ритм. Причем графическое деление «гораздо более выразительно, чем традиционные запятые и точки, которые в стихе создают нежелательное разделение внутри строки». Точки, тире и запятые могут «изменить ритм, свести на нет многозначность... и, в конечном счете, слишком упростить понимание» (Там же, стр. 479). В целом, авторы находят и находят новые способы связности текста – от использования увеличенных пробелов, интервалов до математических и иноязычных знаков.

При этом в поэзии Оли Вольпин ясное письмо соединяется с разговорной интонацией и монтажными приемами. Читатель без труда узнает героиню первого стихотворения, которой помогают Ханс и Хармс. Столь же легко представить культовую фигуру 10-х, нервного Блока, заглянувшего на огонёк в «Камчатку» к столь же легендарному герою 80-90-х Цюю. От постмодернизма 90-х автор приходит к современности – и находит яркие образы и слова для новых пугающих реалий. Нашему поколению «выпала великая честь – жить в перемену времен», а значит, пора переизобретать свою идентичность.

Стихотворения³

я шла зимою босонога
несла за пазухой треску
Ханс мне показывал дорогу
Хармс подсыпал мне табак

³ Печатается в орфографии и пунктуации автора.

меня не ждал тот, к кому шла я
забыл он как меня зовут
Ханс мне твердил — ты ищешь Кая
Хармс отмерял мне соли пуд

псалом о розах пела громко
не чувствуя замёрзших ног
стелил мне мягко Ханс позёмкой
а Хармс с дощечками помог

к концовке спор назрел меж ними
я отвернулась не смотреть
но кажется договорились
«жизнь победила смерть»

однажды к Цюю Блок зашёл
на Блохина пятнадцать
поставил мёрзлый штоф на стол
и стал читать Двенадцать

Цой слушал нервно бережно
бросая в топку уголь
внутри гудело пламенем
снаружи выло вьюгой

в строфе горело прыгало
об водку разбивалось
тёк пот и капал конденсат
к развязке приближалось

Блок дочитал сел и вздохнул
Цой отложил лопату
«ну, чисто символически»
и выпили по пятой

во внутренней монголии темнеет
пахнет травами
чувствуется приближение грозы
в воздухе тревожные мотыльки
и пространство ведёт себя странно
начинает закручиваться
сворачиваться
звук пропадает
закрою глаза
лучше уснуть

но
сквозь забытие
главное удержать в голове
когда мир начнёт смыкаться
вывернувшись наизнанку
надо из всех сил постараться
оказаться снаружи
а не внутри

а
то есть это я — война
я — то что раньше было чёлкой
коленками детьми глотком вина
разбрызганными лужами просёлка

теперь война во мне и я война
я центрифуга смерти слэш победы
взрываю рею падаю пьяна
встаю готовлю между тем обедаю

будильник ставлю на подъёмный час
и отправляю сонных деток в школу
стараясь избежать контакта глаз
чтоб не дай бог не выскочил осколок

я ищу дом
с водой воздухом и огнём
а земли уж как-нибудь наскребём
ну не может же не на земле стоять дом

я ищу свет
легче всего найти его под фонарём
и говорят он зальёт всё, когда мы умрём
но хотелось бы не только слышать о нём

я ищу мышь
ищу петли и дверь
расшарь если не спишь
у меня есть масло чтоб не скрипели

Игорь Вульфius (Гарич)

Здесь правят хищники

Там поймёшь, кто такой...

Владимир Высоцкий

Жанр: дневниковая повесть.

Место действия: Заполярье, тундра, лесотундра, тайга Северного Тимана.

Время действия: начало августа 2019 года.

Действующие лица: Кэп, впервые в жизни севший в чужую лодку;

Напарники-лодководладельцы, безаварийно прошедшие маршрут.

Вместо предисловия

- Почему ты и в этом году едешь на Баренцево море?
- На это есть три причины.
- Назови хотя бы одну.
- Море волнуется – раз...

В этом году решили воспользоваться самолётом, поэтому были ограничены в весе (не более 23 килограммов на человека). Кэп вынужден был оставить дома свою байдарку «Normann-3», весившую 8,5 килограммов, чтобы не платить за перегруз. Пеше-водный маршрут запланирован сложный и продолжительный (более 500 км), поэтому основной состав группы остался в Ялте. Некоторым было «достаточно прошлого года». Продукты закупили на месте старта, в деревне Коткино, куда на моторке и катере на воздушной подушке добрались из Нарьян-Мара.

Скитания по болотам Северного Тимана с четырьмя килограммами груза – это то, о чём можно мечтать. О том, как Кэп стал «легковесом поневоле», вы сейчас узнаете.

1. Отряд не заметил потери бойца, или боец, бежавший в самоволку?

В 5 часов утра подъём. Будем навёрстывать то, что потеряли вчера. Собираем дрова, делаем мацу (жаренное в противне пресное тесто), едим вчерашний грибной суп, который специально приготовили на два дня. Сегодня мы увидим настоящее чудо – Каменный город Нижней Рассохи, который был в позапрошлом году открыт супругами Китаевыми. А также заканчиваем прохождение Лево́й Рассохи и начинаем движение по Малой Каменке, которая приведёт нас к Суле. Кэп бежит напрямик к реке, чтобы сфотографировать прохождение несплавной реки (вода здесь бывает далеко не всегда). Напарники прошли первый порожек, и Кэп успел это заснять. Второй порожек напарник прошёл сам. Кэп сфотографировал и этот момент. Лодка ушла вперёд. А Кэп с напарницей тащатся по зарослям густого кустарника (в тундре это деревья). Зашли в каньон. Напарник взял напарницу на борт. Вопрос Кэпа, можно ли и ему садиться в лодку, повис в воздухе. Идти по каньону среди скал, окружённых карликовыми берёзами и коренастыми ивами, невероятно трудно. Чтобы не тормозить общее движение, Кэп решил выбраться на левый берег и влез внутрь высокого ивняка, примыкающего к скальному карнизу. Прохождение двадцати метров сплошного частокола заняло у него более 40 минут. Комары, сидевшие в засаде, дождались своего часа. Бездыханный, он сумел взобраться на карниз, используя один из ивовых стволов. Перед

ним был первый квартал Каменного города, о существовании которого Китаевы сообщили в Интернете. В прошлом году снизу к этому «городу» сумела пройти группа знакомых москвичей, с которыми Кэп сдружился несколько лет назад на Кольском полуострове, на Варзуге. На Суле произошла новая встреча с ними.

В этом каменном чуде, созданном морозным выветриванием, удалось насчитать девять кварталов. Все они пересечены глубокими каньонами-трещинами, ведущими к реке. Кэп осмотрел пару кварталов (их верхних частей). Вниз не спускался, хотя основные фигуры выветривания находятся там. Теперь он понял, почему целый год мечтал посетить хоть один из Каменных городов Северного Тимана.

Напарники ходили почему-то по правому берегу, хотя Кэп, который ещё вчера ходил на разведку, рекомендовал посещение левого берега. Он торопился снимать панорамы и радовался, что аппарат перестал артачиться. Вверху многие белоснежные фигуры ветрами и дождями смыты до основания – никаких столбов и арок – просто белоснежная пустыня. Напарник издали кричит, интересуется, каковы планы. Кэп ответил, что идёт вперед. Внезапно напарник прокричал: «Мы поехали!» Привыкший к его капризам (вчера мы из-за них так и не начали движение), Кэп прокричал: «Поезжайте!» Он решил, что до следующей реки (Нижней Каменки) осталось около 1 километра и в напарнике проснулся рыбак. Подумав пару секунд, он крикнул: «Я к вам!» Ответа не последовало, как и в прошлый раз, когда Кэп просился на борт. Месяц идти к цели, чтобы через полчаса уйти?..

Пройдя по водораздельному безлесью, Кэп по густым и высоким карликовым берёзкам стал пробираться к слиянию двух речек,

предполагая наконец сесть в лодку. Дойдя до слияния и сфотографировав его, он стал звать напарников, думая, что они где-то рядом ловят рыбу. Нижняя Каменка – быстрая и многоводная река. Здесь-то рыба уже точно есть.

Прошёл по галечнику, тянущемуся по центру реки метров 600 вниз по течению, преодолел заросли калужницы, а лодки не видно, напарников – тоже. Понял, что с лодкой что-то произошло, и вынужден был вернуться к слиянию. Никаких следов не обнаружил. Поставил высокий тур и ветками выложил слово «КЭП» и стрелку, направленную по течению вниз, в сторону Сулы. Он даже не мог предположить, что его бросили на многоводной реке с очень быстрым течением (скорость – не менее 7 километров в час). Кэп решил пересечь Нижнюю Каменку и подняться на противоположный высокий берег, заросший высокими карликовыми берёзками, чтобы напарники, заклеившись (несомненно, у них авария) и выйдя к слиянию, увидели на тёмном фоне его ярко-красную куртку. Кэпа мучила совесть, что он их не дождался на слиянии. Время от времени он размахивал веслом, кричал и громко свистел. Свистел около пятидесяти раз. Реку, мчащуюся прерывистой линией, видел вдаль на 1,5 километра. Там никого не было. Он перешёл на следующий хребет. Шёл так, чтобы быть увиденным на фоне неба. Протиснулся через густой ивняк и вышел к речному перекату. На островке выложил высокий тур. Пересёк перекат и пошёл не вниз, а вверх по течению. Поставил там три каменных тура, снабдив их стрелками, показывающими направление его движения.

Вернулся к синей «герме» с фотоаппаратом. Километром ниже увидел единственный глиняный обрыв на левом берегу. Пересёк реку и под верхней кромкой, пристраховавшись достаточно тонкой, но прочной верёвкой, полутораметровыми буквами написал короткое слово: «Ялта». Осмотрел с очередного высокого бугра реку, чтобы не пропустить догоняющих его напарников, после чего километра полтора пробежал по зарастающей «вездеходке», идущей по левому берегу. По пути насобирав подосиновиков. Спустился к реке и, продравшись (другое слово не подобрать!) через очередной высокий ивняк, сумел преодолеть шумный перекат. И в этот раз черпанул воды через потёртости в «непромоканцах».

Здесь начинался километровый галечник, в самом начале которого он поставил очередной тур со стрелкой, показывающей движение вниз. Прошёл по галечнику до глубокого омута перед крутым поворотом реки влево. Решил, что нужно остановиться, иначе его не догонят. С месяц назад подобное уже было (тогда они шли вверх по течению). Напарники, зная, что он находится впереди и ищет место для стоянки, остановились на понравившемся им месте (на противоположном берегу) и стали спокойно разбивать лагерь. Тогда он прождал их более получаса и, поняв, что произошло что-то неладное, вынужден был вернуться. Смущения или раскаяния на лицах не обнаружил. Плохо, когда поступки превращаются в привычки и тенденции.

Кэп на берегу вбил в песок весло, чтобы напарники не пролетели мимо, а сам начал собирать дрова, чтобы, когда команда его догонит, было на чём готовить пищу. Вспомнил, что зажигалку, которая вышла из строя, он сжёг ещё несколько дней назад, о чём всем сообщил. До заветных спичек так и не успел добраться. Белыми камнями на чёрном песке выложил слово «Ялта», рядом поставил тур и стрелочкой из таких же камней изобразил линию своего будущего движения. Он казнил себя за нетерпеливость и уход со слияния. Наверное, в лодке серьёзно разодран баллон. Плохо, что второй год подряд ездим без раций. Сейчас бы всё прояснилось. Нельзя облегчаться до трусов.

В очередной раз пошёл дождь. В ивняке он нашёл укрытие и превратил сидуху в шапочку-зонтик. На плечи набросил полиэтиленовые мусорные пакеты. Прилетели комары, и он порадовался наличию сетки-накомарника и запасного репеллента (основной находился в «герме»). Дождь прекратился, и он из стволиков прошлогодних борщевиков сделал себе тёплый и сухой «каремат», т. к. на холодной гальке даже в низинке, не продуваемой ветром, особо не поспишь. Временно «каремат» поставил

вертикально, чтобы тот не намок от обильной росы. Кстати, сегодняшняя роса – это завтрашняя прекрасная погода. Съел несколько хрустящих от наличия песка сырых подберёзовиков и пошёл вверх по течению. Прошёл около полутора километров – никого. На свист никто не отвечает, а ведь будет обидно, если напарники не дошли до него каких-нибудь полкилометра. Вернулся. Завалился спать, расположившись на расползающихся борщевиках, прислонив к телу сидушку и «лишние» борщевики. Весло и пару больших камней положил рядом.

2. Правильный выбор

Спал не более 3-х часов – холодно, не более семи градусов. Побегал по острову, посочинял песни. Увидел, как по наклонной медленно восходит тусклое солнце. Высушил ноги, носки и сапоги. Проклеил пластырем потёртости на ногах. Сфотографировал свой «каремат» и надпись «Ялта». Из веток выложил надпись «Спал Гарич» (это его вторая кличка), чтобы команда, проплывая, увидела всё это и сориентировалась в своём движении. Что-то заклинило в фотоаппарате, и тот перестал снимать. Безуспешно прождал часа три, но его никто не догнал. Итак, нужно что-то предпринимать. Вероятно, начинаются настоящие приключения. Главное, быть не слугою обстоятельств, а их хозяином.

Способность распределять задачи обнаружилась только на второй день, когда Кэп понял, что надеяться можно и нужно только на себя. В принципе, в одиночестве достаточно много плюсов: никто тебя не перебивает, никто не мешает под ногами, никто не капризничает, некого опекать, поддерживать и ободрять. Есть плюсы, которые видны не сразу. Многослойная одежда – это тоже плюс (он вчера не успел сбросить с себя лишнее). Сидушка – это многофункциональный плюс. В первую очередь, это возможность сидеть на холодной скале или мокром песке. Во время дождя она, оказавшись на голове, служит зонтиком, в холодный день она может прикрыть особенно мёрзнущую часть тела. Река – это одновременно плюс и минус. Чистая вода, которую не нужно кипятить – это плюс, но эту реку в течение дня необходимо несколько раз за день переходить вброд, т. к. берег, по которому ты идёшь, непреодолим из-за густого ивняка или примыкающих к воде скал. А это уже минус. «Непромоканцы» (капроновые штаны) за месяц блужданий по тундре уже протёрлись в самом интересном месте, поэтому заходить в воду в них можно только чуть выше колена. Минусы другие тоже имеются: нет спичек,

палатки, спальника, каремата, посуды, продуктов питания и тех приятных мелочей, к которым в течение многих лет путешествий Кэп успел привыкнуть.

Зато километрах в ста пятидесяти имеется закладка продуктов. А это уже плюс. В песке, на месте впадения Щучьей в Сулу, им закопаны крупы, сахар, соль, подсолнечное масло и даже конфеты. Главное, чтобы медведь его не опередил. Но для того, чтобы туда добраться, необходимо пройти километров двенадцать вверх по Нижней Каменке, затем двадцать семь километров вверх по Лево́й Рассохе. Выйти к тундре и по её болотам пройти километров двадцать к Щучьей. При этом стоит сделать крюк к заброшенной буровой, где, возможно, удастся пожить плодами прежней цивилизации. На Щучьей, возле впадения в неё ручья Воргашор, ожидают его рулон бересты, дюралевая ветрозащита из пищевого алюминия с надписью «Ялта», оставленная им для тех, кому нужнее, и бутылка с жидкостью для розжига, необходимости в которой Кэп даже сейчас не испытывал. Там же ожидает белоснежный конус, который первоначально был принят им за кварцито-песчаник. Оказалось, что это просыпанная (или высыпанная) кем-то соль. Вдоль Щучьей предстоит преодолеть шестьдесят четыре километра, последние из которых пройдут по тайге. А это уже плюс. Правда, 64 километра по карте – это не менее 150 километров на местности, потому что река петляет не хуже зайца. Итак, нужно идти не вниз, а вверх. А отчаяние обречённого – это не о нём. Спасибо судьбе за подаренный шанс!

Сегодня нужно по дороге сменить стрёлки, которые сопровождали установленные им вчера прихотливые туры, на противоположные. Главное, чтобы его намерения стали понятны другим. Кэп не ожидал, что некоторые «другие» будут сопровождать его в течение двух недель. Вниз по течению Нижней Каменки идти смысла не было, т. к. она выведет к многоводной Суле гораздо выше водопада. Туда вряд ли в этом году кто-нибудь надумает идти. Да и пересекать широкий ледяной поток без плавсредств было бы проблематично. На правом берегу Сулы есть зимник, который на карте числится как домик телеграфиста. В прошлом году Кэп нашёл в нём банку голубцов, которую вскрыл найденным под нарами топором. Из-за топора идти к Суле (голубцы уже съедены) не стоило.

Для начала необходимо произвести инвентаризацию всего, что у него есть. Первое – это весло, с которым не стоит даже в тундре расставаться. В пятилитровой «герме» находятся фотоаппарат, бинокль, выключенный

телефон, кошелёк с деньгами и паспортом (кому он сейчас нужен?) и ключ от квартиры в Ялте. Здесь же притаились четыре запасные батарейки для фотоаппарата и презерватив, подобранный в московском такси. В карманах ветровки обнаружались строительные перчатки, четыре тонких мусорных пакета, небольшой рулон туалетной бумаги, два биндера (канцелярские прищепки), нож и мини-мультитул, с помощью которого Кэп разводил зубья ножовки, без которой ему теперь придётся обходиться. Были ещё рулон пластыря и остатки репеллента «для всей семьи», который пугал кровососов в течение десяти минут. В карманах брюк найдены и две тонких капроновых верёвки: три метра с половиной чёрной и метров семь белой. Это Кэп предполагал вчера вечером сменить порванные ураганным ветром верёвки тента. Для комфортного путешествия вещей было маловато, а для того, чтобы занять руки – много. Чтобы не изодрать верёвкой ветровку, нужно было снять с брюк широкий матерчатый ремень и пристегнуть к нему «герму», чтобы та висела на плече. Одна из верёвок пошла на поддержание брюк. Использовал узел «вяжи, куда ни хочешь», который лет сорок назад даже разрешалось применять на соревнованиях по туристской технике. Первоначально ни одну из верёвок резать не рискнул. Тратить время на добывание огня и приготовление пищи, которой пока ещё нет, или не тратить время и пройти участок Нижней Каменки до скал, среди которых можно найти навес?

Никого не спрашивая, Кэп принял правильным второе. Вчера были найдены и съедены 14 подберёзовиков. Разумеется, жареные они были бы вкуснее. А вот вчерашние красавцы-подосиновики потемнели и выглядели непрезентабельно. Решил их оставить. Ночной холод особо не напугал, так как в дополнение к лежащей на груди сидухе пошли белые стволыки прошлогодних борщевиков. На одних он возлежал, другие были привязаны к одежде сверху. Но роса – это уменьшенный дождь. Так что и комфортной ночёвку признать было трудно.

Утром полтора десятка стволиков были укорочены до 45 сантиметров и связаны в объёмный «сноп», который Кэп привязал к герме, чтобы таскать с собой. Итак, проблема сна решена.

По дороге нужно было подумать о питании. Илья Ильф и Евгений Петров когда-то учили: «Не делай из еды культа». Нужно радоваться тому, что появилась возможность избавиться от лишнего веса. Это в городе у нас всегда есть пища на ушах. В этот год лета не было, поэтому на ягоды в ближайшую неделю надеяться не стоит. Хотя вчера удалось съесть

несколько ягод розово-красной морошки. Черника ещё зелёного цвета. Рыбачить без блёсен и лески – это зря тратить время.

По берегу встречаются смешные короткохвостые лемминги и коричневые и серые лягушки размером чуть крупнее пятирублёвой монеты. Больших размеров они здесь не достигают. Кэп знал, что все они съедобны, но рука на них пока не поднималась.

Изредка попадает ярко-красный конский щавель, который щиплет язык. ПERNатые в этом году вылупиться не успели.

От реки удаляться надолго нельзя, т. к. необходимо возле вчерашних туров менять направление стрелок. Нельзя также забывать, что, при одиночном передвижении, и малейшая травма может стать фатальной. Всё время нужно помнить и о направлении ветра. Пока ветер дует со спины, можно не беспокоиться – зверь тебя почует и свернёт в сторону. Если же он дует тебе в лицо, идти нужно шумно, издавая резкие звуки (Кэп изредка звенел веслом по камням) – неожиданность может заставить зверя вести себя непредсказуемо или даже агрессивно.

Часов за пять-шесть дошёл до слияния. Зная, что на Лево́й Рассо́хе рыбы нет, Кэп решил попробовать поймать её на слиянии с Нижней Каменкой. Для начала необходимо было попробовать развести огонь. Пачка из-под сигарет, провалявшаяся в течение года (здесь в прошлом году побывала группа москвичей, некоторых из них он знал по Кольскому полуострову), надоумила и обнадежила. Кэп знал, что огонь – это несколько слагаемых: знание, трудолюбие, хороший трут (запалочный материал) и дрова. Со знаниями ему повезло, с дровами было похуже. Высокая вода притопила весь плавник, хотя в нишах скал несколько коряжек удалось подобрать. На сбор дров ушёл целый час. К счастью, никому не нужно было объяснять, что без костра рыбалка не состоится.

Кэп достал один ствол ик борщевика и внутреннюю часть растёр в труху, которую собрал в мусорный пакет (что-то пойдёт впрок). Из найденной сигаретной пачки он вынул фольгу с тонким бумажным слоем. Ножом отрезал полосу в 8 мм и достал из гермы запасную батарейку. Сложил фольгу вдвое и сделал плавное сужение в середине фольги. Из нагрудного кармана достал туалетную бумагу, которой очень дорожил, высыпал туда трут (запалочный материал). А дальше всё сделал так: процарапал ножом корпус батарейки вверху, возле знака «плюс», до металла, прислонил к нему полосу фольги и прижал скрученной канцелярской резинкой, которая обнаружилась во время очередного «обыска с пристрастием». Место сужения погрузил в растопку. Рядом находились уже наструганные веточки. Второй конец полосы фольги был присоединен к выводу «плюса». Видимо, всё было сделано правильно. Узкая часть фольги перегорела, воспламенив растопку. Раздувать даже особо не пришлось. Пламя занялось. Остатки фольги Кэп спрятал в нагрудный карман рубашки.

Солнце было ещё достаточно высоко. Этот трепетный огонь нужен был для рыбалки, а не для рыбы. Кэп достал биндер (канцелярскую прищепку) и бросил его в пламя. В это время он достал черную верёвку и стал с помощью мультитула тянуть из оплётки тонкую капроновую нить. Это оказалось не таким уж простым занятием. Правда, каждая последующая нить вынималась всё легче и легче. Нити были связаны любимым грепвайном (прочным и компактным узлом). Прищепка давно покоилась на камнях. Остыла моментально. Сталь пружины была отпущена. Для начала Кэп выпрямил проволочные «ручки» и начал, предварительно оббив края камнями, елозить по кварцитовой плоской гальке, пытаясь превратить их в двусторонние иголки. При этом приходилось отвлекаться на поддержание огня. Наконец одна иголка была сложена вдвое и изогнута в виде двузубого крючка, зазубрин у которого, к сожалению, не было. Осталось сделать блесну. Почерневшую в костре металлическую пластинку удалось разровнять. Разделив её вдоль пополам и отломав мультитулом лишнее, Кэп обточил о кварцит все неровности. Одну сторону удалось натереть до матового блеска. Пробить отверстие было нечем, поэтому пришлось, пожертвовав размерами блесны, сделать «ушко». Осталось соединить блесну-«колебалку» с крючком-двойником и шнуром. Вынужден был использовать кольцо от лямки бинокля.

Всё! Дрова подброшены, пора начать рыбалку. Проблема, которую пока не удалось решить, заключалась в том, что перекарт, на котором могут

быть хариусы, не имеет песчаного берега, а на крупном галечнике шнур цепляется за камни, и лёгкая блесна не может долететь до нужного места. Хариус – рыба пугливая и осторожная. Под ногами ловятся только караси, которые здесь не водятся. Один раз блесна резко изменила свою траекторию и едва не травмировала незадачливого рыбака. Кэп знает, что добывание пищи не должно забирать калорий больше, чем может дать сама пища. Он ещё не особо проголодался, поэтому всё это для него больше походило на забаву. Чтобы обеспечить гладкую поверхность, Кэп снял свою ветровку и на ней шлагами сложил верёвку. Противоположный конец он предварительно привязал к прибрежной иве. После нескольких забросов ветровку удалось сделать мокрой. Рыба же о своих намерениях сообщить не желала. И есть ли она здесь? Кэп обстучал блесну округлым камнем, пытаясь придать ей заводскую форму. Здешний хариус никогда блёсен не видел (в том числе и китайских). От укусов комаров Кэп всё больше становился похож на производителей блёсен, представителей Дальнего Востока.

И вот, когда он уже готов был прекратить безнадёжное занятие, шнур резко вздрогнул, и рука ощутила мускулистое биение сильной рыбы. Кэп старался тащить шнур, не давая слабину. Последний рывок был настолько сильный, что хариус (а это был он) взвился свечой в закатном солнце и тяжело шлёпнулся на гальку. «Граммов восемьсот», – подумал Кэп и решил закрепить успех. Но необходимо было исполнить ритуал. Первую пойманную рыбу надлежало отпустить. Ругая себя последними словами, не целуя, Кэп отпустил её.

После двадцати минут безуспешной рыбалки он понял, что вытащил и отпустил последнего хариуса в данной реке. Раздосадованный, он уже собирался идти готовить ужин из подсушенных у костра грибов, когда ещё один хариус проявил любопытство. «Это ж надо!» – подумал Кэп. Хариус был точно такой же или тот же самый. Памятуя, как медведь приходил к палатке из-за того, что он беспечно почистил рыбу в лагере, Кэп отошёл метров на сто вниз по течению и там почистил хариуса. Посуды никакой не было, оставалось жарить нежнейшую рыбу на рожнах (она просто насаживается на тонкую ветку). Рядом пузырились, отдавая влагу, подберёзовики. Сегодня они были без песка. Кэп вставил наклонную ивовую ветку в песок. Костёр делал своё дело. Хариус был хорош. Оставшиеся кости Кэп сжёг, притом никто не возмущался, что кости не так пахнут, как духи «Красная Москва».

Ветровка, висевшая на длинной верёвке, успела высохнуть. И хотя карликовые берёзы, как известно, дают карликовое тепло, перед сном удалось у костра, сняв сапоги, подсушить ноги и постиранные носки. Дров на всю ночь явно не хватит. Кэп, отрезав верёвку на поддержание штанов, начал вязать «циновку», чтобы укороченные стволы борщевиков не разъезжались в разные стороны. Несколько борщевиков, сорванных возле места стоянки, были привязаны к телу шнуром от «удочки-закидушки». Сидушка и в этот раз оказалась на груди, тая заветное тепло. Надвинув шапку до самых глаз, надев накомарник и натянув капюшон, Кэп лёг спать, предварительно положив возле себя весло и пару камней. Это к утру он понял, что вечером нужно заботиться о ветрозащите и отбойнике тепла. Разумеется, необходимо ложиться спать на той стороне реки, которую в три-четыре часа начнут освещать робкие лучи ходящего вдоль горизонта солнца.

3. Страшнее Кэпа зверя нет

Утро необходимо было потратить на добывание рыбы. Так теперь определялась им рыбалка. К сожалению, и в сапогах ЭВА диггер, дающих ощущение тепла, ноги потеют. Чтобы не получить «окопную болезнь», ноги пришлось мыть в ледяной воде и тщательно просушивать, стоя на всё той же сидушке. В этот раз во время рыбалки использовалась скользкая поверхность «непромоканцев». Кэп решил, что дрова будет собирать лишь перед приготовлением рыбы, если таковая будет. Желая найти мысок, с которого удобнее забрасывать шнур, Кэп по камням пересёк устье Рассохи и пошёл вверх по Каменке. Какой-то камень привлёк его внимание своим необычным тёмным цветом. Все окружавшие его кварцито-песчаники были рыжие от лишайников или ослепительно-белые. Каково же было удивление Кэпа, когда камень развернулся в его сторону. Нежданного рыбака в его ярко-красной ветровке с трепещущими на ветру чёрными «непромоканцами» медведь (а это был он) тоже увидел. Кэп поднял над головой «непромоканцы», которые на ветру обрели дополнительный объём. Медведю надувать, кроме щёк, было нечего. Кэп мысленно упрекнул себя за то, что пошёл на рыбалку без весла. Так как весла не было и у медведя, он, не проявив интереса к Кэпу, медленно побрёл по галечнику вверх по течению. Какой-то нелюбопытный медведь! Кэп не стал его преследовать, т. к. фотоаппарат находился в лагере (да и заработает ли он?).

Пришлось спуститься к месту вчерашней рыбалки, где рыбы могло и не быть. Перед этим Кэп вернулся в лагерь (это место, где лежала циновка и синяя герма) и взял в руки весло. Он был вооружён, но не очень опасен. Весло ему нужно было для самоуспокоения. Вот если бы ему было отпущено время снять одну из лопастей, вставить в трубку заострённую заранее палку, затем выбить нападающему зверю один глаз, он бы сумел выйти из смертельно опасной схватки победителем. А так оставалось пугать медведя резкими звякающими звуками.

Кэп, подойдя к реке с веслом, греметь им не стал, т. к. хариус пугливее медведя и человека. Он огляделся, чтобы увидеть, что его не обошли со стороны. «Непромоканцы» на гальке, шнур привязан к иве (высота её сантиметров 50). Всё как вчера, только появилось непреодолимое желание озираясь. Сегодня важен не процесс, а результат. Минут 15 безуспешных забросов. Вверх по течению идти расхотелось. На этой реке каждый ловит рыбу на отведённом ему участке. Какой из них уловистей, он не знал. Рывок оказался неожиданным. Отборнейший хариус был вырван из среды обитания ещё проворней, чем вчера. Кэп определил, что в верховьях реки водятся только зачётные особи. А далее как будто кто-то дал зелёную ракету. Практически каждый заброс сопровождался стремительной атакой. Два хариуса ушли, о чём Кэп не жалел.

В лагерь он принёс девять красавцев. Это было слишком. Вот теперь Кэп стал радоваться низкой температуре не только потому, что нет комаров, но и потому, что нежная рыба испортится не сразу. Он нарвал листьев конского щавеля и завернул в них пять хариусов и положил в тень. Четырёх он тут же возле реки почистил и выпотрошил. По ощущениям было уже часов восемь утра. Распределять обязанности между собой и собой очень просто. И собирать дрова, и разжигать костёр, и готовить рыбу придётся одному человеку. И Кэп знал, кому именно.

Свои прихоти стоит выполнять. Кэп надумал добыть огонь каким-нибудь другим способом (он их знал немало). В этот раз он разведёт костёр с помощью лука. Он нашёл расщеплённую иву, которая весенним паводком была забита в щель. Она была абсолютно сухой. Кэп отрезал от циновки излишек верёвки. Веретену высотой в 40 сантиметров и диаметром более 5 сантиметров он придавал форму морковки, заузив верхнюю часть. Основному телу веретена он нанёс увечья, сделав его полигональным. В куске бревна он ножом выскреб неглубокое отверстие, от которого провёл расширяющийся паз. Кэп засыпал в углубление щепотку кварцевого песка и сунул уголёк от ночного костра. На берегу он

нашёл кусок кремня с небольшим углублением. Всё было готово. В мешке был взят вчерашний трут (запалочный материал), на который по пазу должны сыпаться горящие угольки. Гладкий груз имел минимальное трение, но Кэп дополнительно намочил камень (он бы намазал его маслом, если бы оно у него было). Тереть луком пришлось не более пяти минут. Угольки оказались в нужном месте. Ветер помог раздуть огонь. Четыре хариуса разместились на рожнах. Кэп успел подобрать с десятков древесных угольков от вчерашнего костра и спрятать в полиэтиленовый мешок с остатками запалочного материала. Карманы должны быть всегда набиты им. Хариусы помещены со стороны ветра. Если огонь будет временами касаться рыбы, она приготовится быстрее, но будет горчить.

Пока рыба готовилась, Кэп, не забывая её поворачивать, нанизал пятерых оставшихся без внимания хариусов на кукан (ивовую ветку с сучком внизу), ещё раз обернул их листьями конского щавеля и примотал шнуром-закидушкой к кукану. Получившийся свёрток замотал в циновку. Это отдаляло рыбу от солнца и позволяло сохранить её до вечера. Двух хариусов Кэп сумел одолеть. Двух же оставил на потом. Пока светило солнце (было уже около 11 дня), Кэп истёр стволлик вертикально стоящего прошлогоднего борщевика до трухи. Туда же пошли и остывшие угольки утреннего костра. В найденную сигаретную пачку он сунул кусок разбитого кремня, чтобы тот, имея раковистый скол, не разрезал герму. Потеплело, и появились многочисленные комары. Обрастание хозяйством привело к тому, что снова были заняты обе руки. Пришлось развернуть циновку и к сырым хариусам добавить укутанных в листья конского щавеля жареных. Циновка обрела дополнительные объёмы, зато одна рука освободилась.

Кэп веточками выложил стрелку возле тура, показывающую, что он собирается идти к верховьям Левого Рассохи. Палочками он выложил

слово «Гарич». Сегодня его ничто, кроме жажды, не держит возле реки. Позвякивая веслом, он начал подниматься по скальному гребню в сторону Каменного города. На всякий случай посвистел попавшим в беду напарникам, «а в ответ – тишина!»

Он и не подозревал, что они вчера часа за четыре «просадили» по быстрой воде около 30 километров и теперь дожидались, когда он их наконец догонит. Можно пешком преодолеть за день и 15 километров, но для этого нужно всё время идти не по ивию и высоким карликовым берёзкам, а по колено (иногда по пояс) в ледяной воде. Да и от воды отрываться нельзя, так как можно обогнать тех, кого догоняешь. Вода (в отличие от Кэпа) следов не оставляет, поэтому он так и не понял, что с его напарниками произошло. Можно сказать, что они бесследно исчезли. Вывод напрашивался один: как ни в коем случае нельзя открывать зелёнку зубами, так нельзя идти в сложное путешествие с неадекватными и непредсказуемыми людьми.

«Непромоканцы» приходилось беречь, поэтому они служили амортизатором на плече, через которое висел основной груз. Местами карликовые берёзы были выше колена.

Выйдя на продольный хребет, который находится на левом орографическом берегу реки, Кэп ещё раз увидел белоснежные шары и конусы, сквозные арки и гроты, столбы и причудливые изваяния Каменного города, который своими размерами в 8-9 раз превышал Долину Привидений в Крыму. Да и фантазия северной природы, дарившей открыточные красоты, была значительно богаче.

Наклонные широкие улицы делили сказочный город на кварталы, у каждого из которых была своя архитектурная доминанта. Кэп обнаружил,

что по хребту со стесанными ветрами конусами из белоснежного кварцито-песчаника идти легче, так как здесь карликовые берёзки сохранились только в глубоких низинах, ведущих к реке. Он был первым в мире человеком, который дважды имел счастье любоваться Каменным городом Левой Рассохи Нижней Каменки.

Природа здесь богаче любого фотошопа.

На противоположном берегу тоже было неплохо, но он был там два дня назад, когда совершил радиальный выход. Солнце палило так, как оно не палило в течение месяца ни разу. Вдали появился знакомый разлив реки у водопада. Метрах в четырёхстах – место прежней стоянки. Смысла спускаться не было, т. к. консервной банкой там не разживёшься. В этом году на Север не была взята ни одна консервная банка. Даже если бы банки были, то Кэп их все обжигал, плющил молотком и прятал среди камней на десятки лет, чтобы они никому не портили настроение. За Каменным городом шёл километровый каньон, который не позволял спуститься к реке. Карликовые берёзы здесь снова подросли. Это по траве можно прошелестеть сапогами и не запутаться, а из переплетения карликовых берёз ногу нужно вынуть, пронести над тёмно-зелёным кружевом и вставить. Второй ногой нужно повторить действие. И так до бесконечности. Сапоги и брюки рвутся очень быстро.

Кэп, которому очень хотелось пить, стал убеждать себя, что по галечнику идти намного легче. Удалось спуститься к реке, где был обнаружен олений рог, который несколько дней назад Кэп уже держал в руках. И в этот раз он не нашёл ему применения.

Напившись, достал жареную рыбу, однако решил съесть только одну, оставив другую на ужин. Грибы, которые росли на хребте, давно перекачывали в синий мусорный мешок, который Кэп привязал к веслу, чтобы сохранить свободную руку. Кстати, Кэп давно научил себя пить ледяную воду и не страдать от ангины. Всё очень просто: делается глоток воды, затем следует глотательное движение без воды, снова глоток воды, за ним «холостой» глоток... Пекущее солнце и ледяная вода выворачивают губы, ведут к их растрескиванию. Поэтому нужно пить через трубочку, чтобы губы оставались сухими. Если нет пластиковой трубочки, подойдут соломинки. Здесь они были очень узкими, зато губы будут, как у Софи Лорен.

Возле реки назойливые комары, истерзанные ветрами, неистовствовали. На ярко-зелёной зелени болота, обрамлённого оранжево-ржавыми ручейками, белела пушица. Кэп отложил весло и стал

рвать заполярный «хлопок», чтобы пополнить запасы трута (запалочного материала). Сработал инстинкт, который заключается в словах: «Закон тайги: видишь – бери!».

Рядом было болото с кочками, поросшее зеленоватой морошкой с пятилопастными морщинистыми листьями. Ел впрок даже тогда, когда уже не очень хотелось.

В глубоком ущелье непролазный ивняк идти не давал. Пришлось подниматься на правый орографический берег, где карликовые берёзки присели на корточки, что ускорило движение. Да и комар сдувался встречным ветром. Кэп потерял бдительность и слишком поздно увидел медведя, который неспешно поднимался от реки по ивняку очередного поперечного ущелья, которое предстояло преодолеть. В ущелье спускаться сразу расхотелось. Два медведя в день – это уже слишком! До огромного грота оставалось около километра. Может, и он уже оккупирован медвежьим племенем? Голову присевшего Кэпа медведь не видел. Отступать желания не было. И когда их отделяло метров 150, Кэп вместо того, чтобы незаметно ретироваться, вставил два пальца в рот и громко засвистел. Медведь, впервые в жизни услышавший этот жуткий звук над своей головой, остановился. Кэп решил показать, кто в доме хозяин, и засвистел вторично. Медведь заторопился вниз. Но куда он направился: влево или вправо? Кэп отметил, что медведь был намного выше леса. Но это не он был огромным, а лес маленьким. Кэп на всякий случай стал обходить ущелье, мысленно проклиная хищника и радуясь

своей дальнотзоркости. Время от времени он подходил к обрывистому берегу, но никого не видел.

Спустившись к гроту площадью около 70 квадратных метров, Кэп стал прибрассывать все плюсы и минусы возможной стоянки. Главный минус – это время: можно было ещё часа полтора идти. Да и сыровато здесь. Да и медведь где-то недалеко бродит. Плюс – это крыша над головой и несколько сбитых камнепадом взрослых деревьев на противоположном берегу. Если вверху его ждёт сплошная тундра, то здесь, в каньоне, растут настоящие деревья, которые дадут настоящее тепло. Да, это были деревья из другого мира, которые вырывались своими размерами из долговязого ивняка и низкорослых карликовых берёз. Кэп обнаружил в себе соглашателя и сбросил с плеча ненавистный груз. Он отвязал циновку и съел утреннего хариуса, который тут же стал вечерним. Развернул сырую рыбу, которая в первый тёплый день могла испортиться. В листьях конского щавеля она сохранила свой блеск, но была уже мягковата. Жабры и глаза не потеряли свой цвет. Кэп решил, что все сбитые камнепадом деревья (дрова) нужно перетащить на правый берег к гроту. Вероятно, он страдал гигантизмом, поэтому таскал дрова больше часа. Здесь впервые за три недели было, что таскать. Он вытащил циновку, которая за день обрела запах рыбной лавки, и вывесил её на солнце.

Ни с помощью бинокля, ни с помощью объектива от фотоаппарата даже абсолютно чёрные угольки не удалось поджечь: солнце стояло очень низко. Запасливый Кэп в течение всего дня носил с собой «морковку»-веретено. Своим «опинелем» (французский нож) он проковырял углубление, прорезал паз и луком начал терзать расщеплённое бревно, под которым расположил пушицу и даже лохмотья бересты. Он вновь добавил щепоть кварцевого песка и уголёк. Возиться пришлось достаточно долго, т. к. пушица только с виду казалась абсолютно сухой. Затем до потемнения в глазах дул на угольки, которые с трудом разожгли костёр. Кэп отошел от грота подальше и выпотрошил и почистил хариусов. Он нанизал их на рожны, которые вставил в песок, и поставил вертикально плоскую глыбу-отбойник, чтобы хариусы грелись и с другой стороны. Он часто вращал рыбу, чтобы кожа «схватилась» и не дала мясу рассыпаться. На такой аромат могли прийти не только медведи, но и тощие, облезлые песцы. По ощущениям уже было часов 8 вечера, а у него всё было готово. Кэп с противоположного берега притащил ещё несколько стволов, чтобы сделать нодью (таёжный тип долго горящего костра), чтобы та не только

согревала его, но и охраняла от незваных гостей. Кстати, незваных гостей в этот тёплый вечер прилетело достаточно много. Репеллент, который Кэп в течение дня сэкономил, с ними не справлялся. Ручка ножа набухла от влаги, внутрь попали песчинки, поэтому открываться он стал неохотно. Кэп выбрал в гроте место, где стена была наклонена под 45°. Это отбойник тепла, который позволит по-настоящему спать, а не вращаться, когда груди жарко, а спине холодно. В метре от себя он параллельно цинковке расположил брёвна, лежащие друг на друге. Чтобы конструкция не развалилась, он камнем вбил колья, которые даже не пришлось заострять. После ужина (он съел полтора хариуса) на десерт думал приготовить подберёзовики, но раздумал и вывернул мешок, чтобы те не сопрели. Решил завтра пройти всю Рассоху до конца. Оставшихся жареных хариусов он положил на полку, которая не позволит леммингам пировать за чужой счёт. Кэп прекрасно знал, что те питаются исключительно растительной пищей. Лопастью весла он перенёс огонь к ноде. Сегодня он решил не обвязываться стволиками борщевиков. Предстояла очень тёплая ночь. «Вечернее потепление не к добру», – пробурчал Кэп и зашторился капюшоном.

4. Дождь определяет поведение

Вероятно, костёр горел до самого утра. Когда Кэп проснулся, несколько головёшек ещё дымилось. Это хорошо, разжигать не придётся. На улице идёт промозглый дождь. Небось, нашёптывал свою неспешную балладу всю ночь, а Кэп даже не слышал. Определить время не удалось. Думается, не более 7-7³⁰. Вода в речке стала менее прозрачной, но не настолько, чтобы её следовало фильтровать.

В той части грота, которая всю ночь грелась костром, было сухо. Сегодня речку преодолеть было бы трудно. Скалы абсолютно мокрые. Дрова в гроте сухие, но на обогрев грота во вторую ночь их маловато. На плоском камне разогрел полтора хариуса. Заел их вялыми листьями конского щавеля. Грибы поджаривать на прутьях не спешил. Огонь решил поддерживать. Разулся и старательно просушил носки, сапоги и ноги. Срезал кору со ствола берёзы. От нечего делать стал расслаивать её на плёночки-чешуйки, которые дополнительно подсушивал у костра на камне. Растопки много не бывает.

К полудню дождь стал стихать. Кэп подбросил дрова и стал подогревать одного из хариусов на камне. Заодно подсушил деревянную ручку ножа, чтобы легче было его открывать.

Впервые за два дня нужно было облачаться в «непромоканцы». Это делается так. Сначала их штанины надеваются на сапоги, а сами они спускаются до щиколоток. Затем ты засовываешь ноги в сапоги, после чего на брюки натягиваются «непромоканцы». В этом случае они находятся поверх сапог. Кэп вдавил в себя хариуса. Одного решил тащить с собой. Скрутив вокруг «морковки» циновку, которая несколько поистрепалась, он завернул её в полиэтиленовый пакет. Если осмелиться начать движение, то можно дойти до «чистой» тундры, где будет густой низкорослый лес (из карликовых берёз), но не будет дров (ни сухих, ни мокрых). В верховьях, возможно, удастся найти скальный навес, который спасёт от дождя. Как тяжело давать самому себе волшебный пендель, который стимулирует твоё правильное действие. Пинок – это тот же подзатыльник, только этажом ниже.

Вот если бы был Интернет, узнал бы прогноз погоды на сегодня и на ближайшие дни. Какое счастье, что его нет! Появилась возможность слышать природу и самого себя. Он понимал, что сблизиться с природой – это не обязательно озвереть, хотя было бы хорошо, чтобы не только он понимал природу, но и она его.

Но вердикт погоды был неумолим. Вновь припустивший дождь отменил все сомнения в пользу грота. Отказ от решения – это тоже решение. Главное, чтобы не начался паводок. В горных реках вода легко вздувается

и на три, пять и более метров. В Горной Шории, на реке Мрассу⁴, Кэп с командой вздумал переждать дождь в гигантском гроте, внутри которого их плот без всяких вёсел ходил по часовой стрелке. Время не тратили даром. Рыбалка была удачная, только грот что-то очень быстро стал уменьшаться в размерах. Успели выгresti из него и увидели, как в течение двадцати минут тот исчез под водой. А его первоначальная высота была не менее пяти-шести метров.

Завтра придётся пройти более двадцати километров по заболоченной и переувлажнённой тундре. До заброшенной буровой не будет ничего, кроме ветра и воды. Сегодня ещё был шанс поискать какую-нибудь нишу в последних скалах верховий Рассохи. Это была бы холодная ночёвка с минимальным по размерам укрытием от дождя. Кэп приставил к костру пару брёвен, начал заготавливать на будущее запалочный материал из подсохшей бересты. Чешуйки, отделяемые от коры, на камне съёживались. Завтрашний день – это сплошное многоточие. Занимаясь повседневностью, сочинил песню, которую смог записать несколько позже:

Чей-то компас смотрит на юг,
Ну а мой выбирает лишь север,
Этот тайный и явный недуг
И не полностью взломанный сервер.
Бездорожье – начало пути,
Бесконечность – его продолженье.
Мне б в природе хотелось найти
И себя, и своё отраженье.

День лениво к закату приник,
Моя лодка стоит у причала.
Рядом друг мой, почти что двойник,
Не умеющий жить вполнакала.
В продуваемый ветром костёр
Мы швыряем дневные невзгоды.
Нам пока что не ставят в укор
Расстояние, скорость и годы.

⁴ Река Мрас-су, приток реки Томь (бассейн Оби).

Пессимисты сидят по домам,
Оправдания расцветив словами,
Предпочтя интернетский бедлам
Путешествию вместе с нами.

Только здесь, на краю земли,
Там, где тундра тонет в болотах,
Мы себя наконец нашли,
Хоть искали другого чего-то.

Свободное время Кэп решил использовать для изготовления второй блесны. У него появилось желание заточить вторую иголку первого биндера до идеального состояния и сделать очередной крючок-двойник. Второй биндер тоже был отправлен в костёр. Необходимо было сделать не «колебалку», хотя она зарекомендовала себя прекрасно, а «вращалку». Всё было понятно, кроме одного: как сделать в лепестке отверстие? Пока решение не найдено. В просвете между дождями Кэп с противоположного берега притащил ещё несколько стволов. Это были последние настоящие деревья, которые он видит. Снова разместил стволы один над другим. Нодья готова. Решил пораньше лечь спать, чтобы попробовать за следующий день дойти до буровой. Достал циновку из мусорного пакета и минут пять подержал её у костра. Второй день ожидал своего часа открытый мусорный пакет с подберёзовиками, которые уже стали подсыхать. На большом плоском камне им предстояло сохнуть всю ночь. Кэп вдавил в себя последнего пресного хариуса. Завтрашний день рыбным не назовёшь. На открытом воздухе холодно. А это плюс. Комары залегли в засаду и ждут потепления. Кэп стал, было, искать глубинный смысл в неясном бормотанье дождя, но стена-отбойник так хорошо грела спину, что он заснул мгновенно. Спал без снов, как гиря, и не слышал, как бессонный беспощадный ветер разгонял тучи и прибывал к земле пронизанные сыростью былинки и карликовые берёзки.

5. Длинные километры болот

Этот серый, как карандашный набросок, день был длиннее жизни. А было это всё так.

Утром костёр ещё дымился. Грибы скрючились и хрустели на зубах. Часть оставил на перекус. Основные новости утра – отсутствие дождя и полное отсутствие комаров. По ощущениям было градусов 6-7. Главное,

чтобы ветер был, но не сильный. Он нужен, чтобы стряхнуть с берёзок остатки дождевых капель. Собрался быстро. Выложил веточками надпись: «Кэп здесь спал». На всякий случай поставил дату второй ночёвки. Вряд ли здешние медведи читать умеют. Вышел на поросший карликовыми берёзками высокий правый берег. Без перчатки весло держать очень холодно. Звенел периодически. Нахохлившиеся берёзки шуршали по непромоканцам, поэтому гулкой тишины тундры он не слышал. После глубокого каньона с остатком прошлогоднего снега спустился в широкую речную долину.

Справа дыбится огромный чёрный вулканический массив. Слева чёрные курумы (навалы из огромных камней). На одном из них Кэп увидел то, что будет ему сниться не один год. Рядом лежали выкатившиеся из своих гнёзд два агата, каждый из которых был размером с человеческую голову. Кэп сгоряча схватил их в руки. Подобные он видел только в лучших минералогических музеях Европы. Один из них был кахолонговый, второй – из тёмно-синего халцедона. Вынести их отсюда вручную невозможно. Разбивать их, бросая со скалы, было преступлением. Наверняка, кто-то более удачливый когда-нибудь увидит их и сможет вывезти. Кэп положил их рядом.

Когда-то он на Приполярном Урале, не будучи в силах донести другу горного хрусталя весом не меньше 12 килограммов, которая могла бы стать гордостью любого минералогического музея мира, оставил её прямо на тропе, чтобы она порадовала того, кто когда-нибудь пройдёт здесь. Несколько лет назад на мысе Корабль на Кольском полуострове он в прибойной зоне трое суток безуспешно крушил молотком каменную глыбу с аметистовым занорышем. Друзья посоветовали зубилом повырубать фиолетовые кристаллы размером с указательный палец. Кэп отказался это сделать, сказав: «Пусть её найдёт удачливый человек, у которого более совершенные инструменты».

Кэп поднялся на шипованную тёмно-синими агатами скалу, возле которой несколько дней назад стоял их лагерь. Все агаты были с кулак и более. В полукилометре находилась гигантская дуга известняковой горы, на которой он вчера предполагал найти нишу-навес для сна. Обнаружить что-то подходящее не удалось. По ощущениям было уже часов около девяти. Кэп искал, где можно безаварийно преодолеть Левую Рассоху. Нашёл в русле несколько глыб, по которым перескочил на другой берег.

Всё! Прощай, Рассоха! Остаётся километр до «вездеходки». Кэп начал карабкаться вверх по карликовым берёзкам наклонного берега. Увидел

медвежонка и тут же стал сползать к реке, с которой только что простился. Решил, не пересекая реки, пройти вниз по течению, а затем возле скал попытаться подняться на плато. Сверху он увидел, что малыш гулял в сопровождении заботливой мамы. Ветер дул на Кэпа, и он, инстинктивно присев, особо не опасался, если, конечно, папа не пошёл на сторону. Достал фотоаппарат и, крадучись, сделал снимок.

По водоразделу дошёл до «вездеходки». Дальше всё ему было известно. Здесь он когда-то челноком таскал рюкзаки. Первые пять километров вездеходной дороги – это подъём на плато. А далее – гигантская затопленная водой низина-котловина с многочисленными болотами, в которых «вездеходка» тонула.

Все болота можно разделить на два основных типа. Первые из них образовались из-за переувлажнения почвы. Они неприятны, но не так страшны, как другие. «Другие» образуются за счёт зарастания водоёма. Образовавшаяся сплавина имеет неодинаковую толщину. Если вы, преодолевая данное болото, прорываете сплавину, у вас мало шансов самостоятельно выбраться из затруднительной ситуации. Хорошо, если в руках есть слега. Слега – это длинная палка, опираясь на которую, можно попробовать вылезти из трясины.

У Кэпа такая слега была. Это весло, с которым он не расставался даже ночью. Полуметровые колеи были заполнены водой. Приходилось идти по центру, заросшему травой или березняком. Третья точка опоры была просто необходима. Хуже было, когда «вездеходка» утопала в воде полностью. Приходилось идти по тусаку. Тусак – это высокая травяная кочка, которая напоминает горб верблюда и мотается из стороны в сторону. Нужно прыгать от одной кочки к другой. Глубина жижи между кочками в полвесла. По цвету травы можно определить, удержит ли заросшая борозда твой вес. Но эти знания можно обрести, когда поймёшь, что плавать умеешь, а купаться не хочешь.

Справа было озеро, которое после вчерашнего дождя увеличилось вдвое. Приходилось читать отчёты, в которых сообщалось, что в этом озере летом не было воды. Сейчас лето.

В нескольких местах по болоту параллельно проходило до двух десятков «вездеходов», каждая из которых пыталась не утонуть в новом месте. Кэпу приходилось искать свой путь. Пять километров удалось преодолеть за пять часов. Временами дорога под водой вообще не была видна.

Со стороны Кэпа можно было принять за вьетнамского рисовода, который бредёт по своим чекам. Разница была в температуре воды. Иногда передвижение напоминало аттракцион, в котором под водой стоят гуськом 50 верблюдов, опустивших головы. Необходимо было пройти по их шатким горбам. Здешние болота в похвале не нуждаются, поэтому не увидел ни одного кулика. В этих суровых условиях единственный, кто тебя поддерживает, это твой позвоночник.

Дорога свернула влево. Дефицит ярких красок восполняли сиреневые и бордово-красные соцветия кровохлёбки. Местами трепетала не ветру белоснежная пушица. На одном из болот она была ярко-оранжевая, но сил достать фотоаппарат не было. Вдалеке неясным миражом манил к себе Белый Кечвож. На бугре находилось короткое брёвнышко, на котором удалось посидеть и перевести дух. Заодно съел подсушенных грибов. Заканчивалась неброская, бесприметная часть пути, болота пронумеровать было проблематично. Пальцев обеих рук не хватило бы. За следующий час удалось дойти до Воргашора, который нужно было пересечь, но он вздулся настолько, что пришлось идти вверх против течения метров триста в поисках переправы. Странно ведёт себя фотоаппарат: то он работает, то категорически противится съёмке. С высокого берега миражом была видна заброшенная буровая.

До неё осталось километра 3-4. Но какие километры?! Дорогу скатертью здесь не назовёшь. Здесь были болота обоих типов. Кэп гнул ивняк и пытался, пока тонет первый, дотянуться до второго. Ключевой участок в 200 метров был пройден за час. Удалось дойти до завязанных им же красных ленточек, которые дугой вели к слиянию Воргашора со Щучьей. Увы, ему предстоял другой путь.

Чем ближе к буровой, тем чаще приходилось прыгать по тóсаку. Перед громадинами буровой пришлось перепрыгнуть через достаточно чистый ручей, водой которого он без всяких трубочек еле напился. Буровая находится на открытом всем ветрам бугре. Кэп давно задумал здесь переночевать. Сбросил весь груз и начал очередной «обыск с пристрастием».

Он пока не знал, что именно он ищет. Он искал всё! Он нуждался в небольшой ёмкости, которая бы на время стала играть роль посуды. Ему нужно было найти место для ночлега. Он стал обходить все бараки по очереди. Каждый из них был на огромных трубах-полозьях. И крыша у них у всех была, но столярка за десятилетия была неоднократно использована страждущими в качестве дров. В одном из них на ржавом гвозде висела огромная фланелевая рубаша. В углу валялся толстый сборник кроссвордов. Увы, кроссворды были разгаданы все.

В одном из барачков была буржуйка. Окно забито полиэтиленом. Да, это жилая зона. Но раз люди здесь бывают, то не одними же грибами питаются. Кэп, веря, что местные бомжи его не опередили, стал искать мусорник. И он-таки нашёл его. Здесь выбор был. Кэп выбрал поллитровую банку из пищевого алюминия и ещё одну, которая входила в первую. Взял ещё банку для операции, о которой он ещё расскажет. Стал искать дрова. До него кем-то их было заготовлено много. Осталось только перенести их в «свой» балок. В серо-синей пачке было найдено то, чего ему не хватало – граммов граммов 150-200 окаменевшей от сырости соли. Кэп сходил к ручью и вымыл «посуду». Ложку он себе ещё не сделал. В помутневшей двухлитровой бутылке из-под «Пепси» принёс воды. Нашёл драный полиэтилен, который прибил ржавыми гвоздями камнем над дверным проёмом, заменив отсутствующую дверь.

Ящик из соседнего барака, использовавшийся в качестве стола, ему нужен был для добывания огня. Этот способ ему давно был известен, но он никогда им ранее не пользовался. Кэп развернул сантиметров 20 туалетной бумаги (невиданная роскошь!) и посыпал её толчёным древесным углем, который достал из мешка, всё это он присыпал кварцевым песком. Настрогал щепок, добавил к ним щепоть растопки, состоящую из смеси растрёпанного борщевика, пушицы и берёзовой коры. Оторвал от ящика одну доску. Свернул туалетную бумагу в тугой рулон. Несколько раз сделал скользящие движения руками, чтобы уплотнить его. Даже слегка смочил слюной, чтобы тот не рассыпался. Затем начал доской интенсивно катать рулон по полу, усиливая нажим и ускоряя движения «вперёд-назад».

Когда минуты через три приподнял доску, ожидая, что растёр рулон в пыль, обнаружил, что появился лёгкий дымок. Он разорвал рулон пополам и увидел два застенчивых огонька, которые легко раздул и сунул в растопку, лежащую в совковой лопате без черенка. Огонь был добыт

«зековским способом». Только они обычно растирают ватин своих телогреек. Есть ещё один способ, который они используют: оборачивают горящую лампочку ватином и ждут... Кэпу электричества можно не ждать, т. к. генератор давно украден.

Дальше он сделал то, что могло бы удивить и возмутить многих. Вместо того, чтобы нацепить найденную рубашку на себя, он начал её резать ножом на части. Сначала отрезал рукава. Затем – воротник. Далее отрезал «спину» и разрезал её вдоль пополам. У боковины отрезал пуговицы и сунул их в карман рубашки.

Если вы ещё не поняли, что было дальше, расскажу. Он разулся и вынул распухшие ноги с давно побелевшими водянистыми стопами и вымыл их принесённой водой. После этого он «полотенцем»-боковиной тщательно вытер ноги. Подсушил их, сидя на ящике возле буржуйки, которая постепенно стала давать тепло. Этим же «полотенцем» вытер внутреннюю часть сапог. Вот теперь он сделал то, о чём мечтал целый месяц. Он тщательно замотал свои ноги тёплыми, сухими и мягкими портянками. У него теперь их две пары. Рукава тоже пойдут в дело. Кэп вывернул их и в месте отреза крепко связал узлами из обрывков найденной пропиленовой верёвки. Лишнее отрезал и положил в консервную банку, которую засыпал песком и плотно закрыл крышкой. Он поставил банку на буржуйку, подбросил дров, а сам пошёл за водой.

На обратном пути срезал веточку можжевельника, набрал листьев брусники с абсолютно зелёными ягодами, а возле барака сорвал несколько верхушек иван-чая (кипрея), который сопровождает все места человеческой деятельности или старые пожарища.

Сегодня впервые он будет пить настоящий чай (правда, без сахара). Доел вчерашние хрустящие подберёзовики и на лопате разложил сегодняшние, слегка посыпав их разбитой солью.

Было уже часов 8 вечера, солнце, вышедшее из-за туч, осветило окрестности. Кэп походил по бугру и срезал десятка полтора прошлогодних борщевиков. За ночь они должны подсохнуть возле буржуйки. Ещё он нашёл кусок проволоки диаметром 2 мм и длиной менее полутора метров и мощный болт, который сунул в карман. «Карманы нужно разгружать» – подумал он.

В бараке после трёх закладок дров и банки обжигающего чая стало тепло. Кэп не ожидал от себя подобной смелости. Но он впервые спал не только без «непромоканцев», но и без сапог. Он, правда, усилил портянки боковинами от рубахи.

Рыхлая, пожелтевшая бумага с кроссвордами его тоже порадовала. Он аккуратно вынул скрепки, которые должны впоследствии ему ещё понадобиться, и спрятал их в заветное место. Он обрадовался найденному карандашу и написал на полях кроссвордов песню:

Прощанье

На прощанье взмахни рукой

Или просто сожми кулак.

Знаю я, как никто другой,

Что мне нужно держаться так.

Оглянусь и запомню всех,

Это был ведь не весь вокзал.

Никогда не забуду тех,

Кто мне что-то тогда сказал.

Я иду через топь болот,

Выверяю свой каждый шаг,

Нужно выиграть каждый лот,

И иначе нельзя никак.

И теперь на исходе сил,
Стиснув зубы, я всё ж иду,
Помню, как я тебя просил
Никогда не пускать слезу.

И когда на закате дня
Не могу даже снять рюкзак,
Всяк за слабость себя кляня,
Кто-то скажет: «А сделай так!»

Расставанья – повод для встреч,
А вернуться я слово дал,
И теперь нельзя пренебречь
Тем, что каждый из нас сказал.

Затем сдвинул журнальные листы кроссвордов, чтобы площадь их была больше, и засунул их под жилет. Ему уже приходилось раньше «усиливать» одежду газетами и даже географическими картами.

Сегодня, вероятно, был самый сложный день путешествия. Как славно, что некому кивать на собственную слабость. Вместо того, чтобы буркнуть что-нибудь в адрес вымотавших его за день болот, он, засыпая, произнёс: «А медвежонок симпатичный!» А дальше провалился в глубокий сон и не слышал, как все комары слетелись на организованное для их комфорта тепло.

6. Как идти прямо по кривой

По анкетам все мы молодцы. Кэп пытался соответствовать анкетам, Но соответствовать паспортной фотографии было труднее. Утром глаза открыл с трудом. Лицо опухло не от излишнего чая – комары постарались. Из-за этих назойливых косметологов, орудовавших ночью, он смотрел на этот мир с ленинским прищуром.

Кэп вспомнил о заветной баночке с тряпками, которые обуглились. Высыпал песок и осмотрел почерневшее без доступа воздуха содержимое. Это то, что нужно. Кто может похвастать тем, что он добыл огонь с помощью болта? Достал растопку, настрогал щепок от ящика. Из гермы вынул коробок из-под сигарет, в котором хранился кусок кремня. К кремню прислонил кусочек обугленной тряпки.

Несколько ударов ребристого болта – и тряпка стала тлеть. Осталось сунуть её в трут (запалочный материал) и раздуть. Способ очень простой.

Растопка, сложенная на лопате, моментально разгорелась. Осталось всё это сунуть в буржуйку и подбросить дров. Вытряхнул вчерашнюю «заварку» из банки. Сбегал за новой. Теперь иван-чая и брусничных листьев было больше. Подсоленные сухие грибы были вкуснее, чем вчера.

Кэп выпотрошил из себя журнальные листы с кроссвордами. Скрутил их в рулон и сунул в герму. У него теперь, кроме гермы, ещё две ёмкости из рукавов. Обрезав стволы борщевиков, он подновил свою цинковку и отправился на поиски всего, что может ещё пригодиться. Перед этим большим камнем тщательно растолок в мелкое крошево «обрезки» от борщевиков и на совковой лопате стал их дополнительно подсушивать, хотя прекрасно знал, что лучшее – враг хорошего.

В нём проснулись плюшкинские наклонности, которые он в обыденной жизни тщательно скрывал. Он методично осматривал скопления металла и мусора. От лопнувшего троса отломал несколько проволочек. Из пачки электродов взял два. Нашёл маленькую сухую бутылочку, но без пробки (пробка нашлась позже). Надробил соли и высыпал её в эту бутылочку. Простирая носки и успев просушить возле печки. С помощью мультитула сделал пару лепестков блёсен.

В бараках он собирал все обрывки веревок. Гвоздём пробил отверстия в лепестках блёсен, в том числе и том, что изготовил прежде. Из нескольких кусков полиэтилена выбрал наименее ломкий, который не прошёл через полярную зиму. Он тщательным образом плотно сложил его и упрятал в один из рукавов. Туда же пошли запасные портянки. Во второй рукав пошли две консервные банки (одна в другой) и две пластиковые бутылки (маленькая с солью). Решил ещё раз обойти «свои» владения.

Вот это да! Это было то, что он должен был найти ещё вчера, – длинный кусок брезента. С помощью гвоздя он «прошил» пропиленовой верёвкой противоположные края, вложив в них стягивающую верёвку. Сложил брезент вдвое и «сшил» верёвкой боковины. После этого он вывернул получившийся «вещмешок». В углы вложил камешки, которые стянул узлами. Ремень был отвязан от гермы и с помощью дополнительных веревок превращён в две рюкзачные лямки.

В вещмешок вошли и герма, и рукава. Сюда же поместилась обновлённая цинковка, и даже несколько коротких досок, оторванных от ящика. Пяток гвоздиков он прихватил «на всякий случай». Надо уходить, иначе захочется унести с собой всю буровую. В городе так не работают, как он здесь отдыхал, собирая силы для «прогулки» к Щучьей.

Два километра ненавистных болот. На одном не только наелся морошки, но и что-то взял с собой для будущего компота. Некоторые болота обходил сложными зигзагами. Несмотря на то, что знал, куда идти, не смог пройти к реке прямым путём.

Вышел на километр ниже впадения Воргашора в Щучью. Пришлось идти к нему по высокому правому склону. Не забывал звякать веслом. Спустившись к реке, понял, что Щучья непреодолима, хотя в этом месте он пересекал её несколько раз. Бурная стремнина была глубиной около метра. Этого было достаточно, чтобы его опрокинуть. Он принял решение подниматься вверх вдоль заросшего ивняком Воргашора.

Вчера ему с трудом удалось преодолеть этот ручей. С ещё большим трудом он сумел пересечь этот приток в полукилометре. Затем по густому ивняку спустился к Щучьей. Но и здесь её пересечь было невозможно. Стал подниматься по правому берегу Щучьей до первых разбоев (мест, где горная река разбивается на несколько самостоятельных русел).

Оказавшись на левом берегу, он понял, что поступил очень правильно. Сбросил вещмешок и решил пополнить запасы провизии. Пополнить – это громко сказано! У него ничего не было. Недели три назад он в этих местах выловил одного хариуса и выпустил, т. к. тогда рыбы у них было много.

Он достал закидушку. Привязал один конец к карликовой берёзке и сделал контрольный заброс. Таких забросов было много. Сходил вверх по реке, привязал конец верёвки к руке и безуспешно побросал блесну выше разбоев. Спустился к Воргашору. На слиянии первый же заброс оказался результативным. Рыба считается пойманной, если она находится на берегу. Кэп поторопился, и хариус ушёл.

Всё равно удалось поймать пять особей, которых тут же почистил, выпотрошил и разрезал на куски. Всех хариусов он засолил во взрезанной двухлитровой бутылке. Затем подошёл к яме, в которой когда-то зарывал продукты, когда уходил несколько недель назад к Белому Кечвожу. Рука инстинктивно дёрнулась в сторону лежащего на берегу весла: яму старательно докопал своими когтистыми лапами медведь. Его понять можно. В ней раньше сушился хлеб, просыпались раскисшие от дождя сладкие сухари.

Кэп сходил к «чужому» кострищу, где он оставлял ветрозащиту и жидкость для розжига. Здесь же была баночка соли, которую он оставлял для нуждающихся. Всё осталось нетронутым. Медведь этим не заинтересовался.

Кэп сначала забрал все находки (кроме соли) с собой, но потом достал жидкость для розжига, отрезал ножом кусок воротника от найденной рубахи и облил его. Достал кусок кремня и болт. Раза три стукнул кресалом по кремню. Искр он не увидел, но огонь занялся. «Это средство для шашлычников, а не для путешественников!» – решил он и отложил жидкость в сторону. В кустах лежали консервные банки. Кэпа заинтересовала одна из них с надписью «Globus», она была на 750 граммов.

Он развернул рулон заготовленной им в низовьях Щучьей бересты. Внутренние слои были абсолютно сухие. Он стал отделять от них отслоившиеся чешуйки. Четыре куска взял с собой, остальные оставил. Подошёл к тому месту, где находился белый конус соли. Тот за неделю под действием дождей значительно уменьшился. Чтобы не соединять сырую мелкую соль с крупной сухой, насыпал её поверх мусорного пакета, скрутил и сунул в карман.

Осталось на этом «перекрёстке» поставить тур и указать свои намерения. Помня о вечных российских вопросах («Кто виноват?», «Что делать?»), на куске бересты (Кэп знает, что берёсты) найденным карандашом печатными буквами написал, что собирается делать: «Я попытаюсь за неделю от Воргашора вдоль Щучьей дойти до Сулы». Он поставил дату, подпись и укрепил бересту возле сложенного тура.

Вверх от левого берега тянулась зарастающая вездеходная дорога. Кэп, преодолев низинное болотце, пошёл по дороге вверх. Дошёл до перекрёстка. Влево шла дорога на Белый Кечвож (Кэп ходил к нему другим путём), вправо дорога вела к скалам над Щучьей. Кэп так и не вспомнил, куда вела дорога, идущая прямо. Жаль, что не было с собой карты. По дороге он резал подберёзовики, брал только самые молодые. В тундре было бы правильнее подберёзовики и подосиновики, которые в некоторых местах высятся над карликовым лесом, называть надберёзовиками и надосиновиками.

Идти по низким карликовым берёзкам сутулых холмов тундры – да это же не поход, а прогулка! Справа великолепные галечники с огромным количеством агатов. Парочка из них уже отягощала карман его ветровки. Самодельный рюкзак – это лучшее, что он в этом путешествии сделал своими руками.

Нужно было пройти ещё не меньше пяти километров. Через два часа он стал подумывать над тем, как перебраться на правый берег, где манили к себе покатые берега. Спустившись со скалистого берега к реке, он стал искать возможность перейти на противоположный берег.

Огромные глыбы, скатившиеся с горы, позволили пересечь реку, которая делала крутой правый поворот. На чёрном фоне синие жеоды агатов смотрелись эффектно.

Кэп начал себя обвинять в том, что не туда смотрел, когда шёл вверх по течению. За полчаса здесь, в аллювии, он собрал с десятков агатов размером в два мужских кулака. Подумав, он сложил их горкой и пошёл далее налегке (рюкзак весил не более 7-8 килограммов). Чуть позже он стал о своём скоропалительном решении сожалеть. Нигде и никогда более таких агатов и в таком количестве он не видел и, возможно, не увидит. Километра через два он даже порывался вернуться за ними.

Потом, устав прыгать по крупной гальке и обломкам скал, поднялся на правый берег. Для этого ему пришлось преодолеть густой ивняк и зону высоких карликовых берёз. Вдоль склона в полукилометре от реки шли набитые олени тропы. Он видел сотни следов, но не видел ни одного оленя.

В какой-то момент один из них как будто соскучился по общению, встал перед Кэпом в картинную позу и стал терпеливо ожидать, пока тот

трясущимися руками не вытряхнет всё из вещмешка, чтобы успеть выхватить фотоаппарат. Ему удалось запечатлеть белогрудого красавца, который проявил к Кэпу не меньший интерес.

Река круто повернула влево. Теперь ветер дул в спину, и можно было особо не осторожничать, но нужно было искать место для ночлега. Условий к месту выдвигалось не так уж много: во-первых, это должен быть мелкий галечник, а не песок, во-вторых, должны быть хоть какие-то дрова, в-третьих, место должно быть защищено от ветра, в-четвёртых, должна быть какая-то скала или глыба, которая будет отбойником для тепла, в-пятых, рядом должен быть пережат для успешной рыбалки, в-шестых, поблизости не должно быть ни одного медвежьего следа. Ещё через час из шести условий осталось два: наличие дров и защита от ветра. Перед ним простиралась гигантская котловина, опоясанная рекой и крутосклонным правым берегом. В котловину не сунулся, хотя желание было. Пошёл по периметру длинной дуги.

Он прошёл мимо свежего обвала, свидетелями которого они были месяц назад. Рухнуло метров 300 берега с елями и берёзами. Тогда вся река стала кофейно-коричневой. Прошёл место своей же стоянки, которое узнал по осколкам битых агатов.

Других следов после него нет и быть не может: ни конфетного фантика, ни консервной банки — ничего после него, кроме пепла от костра, не оставалось. Кстати, выбивать агаты из шипованных ими стен бесполезно, т. к. те становятся трещиноватыми и абсолютно потерянными.

В связи с этим он вспомнил случай из прежней жизни, когда со своим другом на Большом Тагане (Южный Урал) он отправился на поиски гранатов-альмандинов. Они добрались до горы Ицил, которая оцетинилась малиновыми кристаллами. За несколько часов им удалось расплющить свои молотки, изничтожить шпунты, закольники и зубила. Ни одного целого альмандина выколотить не удалось.

Прозрение пришло, когда они увидели мужичка в обтёрханной штормовке, который шёл вдоль ручейка и часто нагибался, как могут нагибаться удачливые грибники. Сложив в рюкзаки абсолютно бесполезные инструменты, они выбрали один из ручейков и за полчаса насобирали по мешочку гранатов, которыми в течение нескольких лет одаривали друзей. Включающая порода чуть мягче, поэтому со временем и агаты, как и гранаты, оказываются в аллювии (речных отложениях).

Прошёл ещё около полутора километров. Перед крутым левым поворотом реки место для стоянки было найдено. Половодьем в

прибрежный ивняк забило много плавника, который давно ожидал его. Дрова были в одном месте, поэтому сбор их забрал не более двадцати минут. Привязав коньковую верёвку к иве, вбил в песок кол. На натянутую верёвку набросил полиэтилен. К краям привязал оттяжки, не забыв вставить небольшие камешки. Тент был готов. Перед верхней частью тента привязал обрывок верёвки, по которому в случае непогоды будут сливаться капли дождя. Очень хотелось снять сапоги. Он решил это сделать.

В течение десяти минут из двух кусков берёзовой коры создал «мокроступы» (термин придуман адмиралом Шишковым ещё в XIX веке). Гвоздём проколол по краям коры дырки. Переднюю часть он стянул узлом. В образовавшиеся треугольники вставил ноги в свежих портянках (слава Советской Армии, которая научила их вязать). Хорошо, что не служил в «диванных войсках». «Носки» притянул к ноге, как и «пятки». И использованные портянки проветривались на коньковой верёвке под полиэтиленом. Достал электроды и положил их параллельно на камни. Образовался таганок, который был отделён от ветра изогнутой дугой ветрозащиты.

Осталось добыть огонь и сварить еду. Кэп решил сделать всё побыстрее, поэтому достал заветный кусок кремня (кстати, он их под ногами больше не видел) и болт. Кусок обожжённой ткани стал дымиться после нескольких ударов кресала по кремню, к которому эта ткань была присоединена. В смесь для розжига он прислонил дымящуюся тряпицу.

Ветерок помог раздуть огонь. Щепочки, наструганные ножом, моментально вспыхнули. Сухие дрова были не совсем сухими, но тоже загорелись. В «Globus» он положил несколько кусков хариуса, залил водой и стал варить уху. А пока она варилась, съел парочку кусков малосолки. Низкая температура позволяла использовать минимум соли. В другой банке закипала вода с морошкой и листьями брусники.

Кэп стал попрекать себя в непредусмотрительности, т. к. возле буровой не заготовил иван-чая (кипрея). А его, точно, нигде больше не будет. Посыпанные мелкой солью грибы подсыхали на дощечке от ящика. И этот день ему казался невероятно длинным, а ведь было не более восьми вечера.

Огрызком найденного в бараке карандаша успел дописать песню на полях кроссвордов.

Условное название – «**Только здесь-2**»:

У тундры километры очень длинные,
В них лето не могло не заблудиться,
И облака тяжёлые перинные
Грозят очередным дождём пролиться.

Безумный ветер зря вовсю старается –
Не в силах он разрушить наши планы,
Нам даже здесь удача улыбается
Актрисою с широкого экрана.

В болотах «вездеходки» здесь теряются,
И комары скучают в ожидание.
Скучая, повсеместно размножаются
И рокового с нами ждут свиданья.

Болотный пир – сплошная вакханалия:
Облепят и кусают неустанно.
Съедобен ты, и вкусен, и так далее,
Почётный донор вражеского стана.

Но здесь в каньонах речки быстрозвонные,
Причудливые скалы в них глядятся,
И водятся здесь рыбы эталонные,
И ловятся, куда же им деваться?!

Грибы здесь выше леса и не прячутся,
Медведь предпочитает нам морошку,
Олени бродят, лемминги дурачатся,
Здесь всё по правде, люди – понарошку!

Рыбный супчик был хорош. Кэп даже не заметил, что уже несколько дней живёт без ложки. Вероятно, губы почернели от копоты. Варёная рыба – это некоторое разнообразие в меню, как и компот. Оставшиеся дрова положил под нависающей скалкой. Рыбалка была безуспешной.

Обманчивое однообразие вечеров наполнено желанием обмануть холод ночи. Перед сном обернулся кроссвордами и закрутил вокруг ног вторые портянки. Вещмешок с дровами положил под голову, весло с камнем под руками. Немного подумав, вытряхнул дрова и сунул ноги в вещмешок. Ночью всплакнул лёгкий дождик. Хорошо, что есть коньковая верёвка и тент натянут достаточно низко, а ветрозащита бережёт спину. Что ещё хорошо, Кэп не знал, т. к. провалился в сон, ведь спать без комаров и без ветра – это здорово!

7. Парк девонского периода

Утром обнаружил, что сухо только под тентом. «Мокроступы», разобрав, оставил для сухой погоды. Снял одни портянки и влез в сапоги и «непромоканцы». Отметил, что кроссворды были хороши не только вокруг тела, но и на коленях, которые он надумал утеплить. Он бы сумел использовать и годовую подписку газет, главное, чтобы бумага не была глянцевой, т. к. она греет плохо.

Пока не пошёл дождь, отправился к урчащему перекату под чёрной скальной стеной. Весло на всякий случай, если местные медведи страдают бессонницей, взял с собой.

Хариусы не артачились и стали хватать блесну-самоделку. А ведь в запасе есть ещё блёсны-полуфабрикаты. Каждый второй хариус срывался. Разумеется, Кэп обвинял в этом их, а не себя.

В лагерь принёс семь особей, которых тут же почистил, выпотрошил и порезал. Из бутылки на ветрозащиту вытряхнул вчерашнюю рыбу. Бутылку тщательно вымыл и засолил сегодняшних хариусов. Рыбу сполоснул от избытков соли и нанизал на проволоку, предварительно

сложив её вдвое. Каждый кусок, чтобы не вздумал вращаться, был пронизан проволокой в двух местах.

Нет особой поэзии и магии в повторяющемся ритуале утра – добычании огня. И в этот раз он добыл его с помощью кремня, болта и жжёной тряпки. Нажёг побольше углей. В это время «шашлык» подсох. Между двумя электродами готовился деликатес.

Кэп временами подбрасывал в угли веточки можжевельника, не забывая поворачивать рыбу. Дух был такой, что поздно проснувшиеся медведи могли прийти на дегустацию. Приходилось постукивать веслом по камням. Да, это был, действительно, деликатес! Посуду перемыл и понял, что не хочется перепачкать сажей всё. Один из рукавов был заново перевязан. В широкую часть рукава банки помещались. Цинковку скрутил вокруг «морковки», которой давно не пользовался. Пошёл мелкий дождь. Пришлось разложить цинковку. Голову прислонил к большому камню, утеплив и смягчив его сидушкой. Обкладываться кроссвордами не стал.

Надумал написать песню, используя ритм, подсказанный рекой. Получилось следующее:

Возможность и повод встречаться найдём,
Пока интересны друг другу.
И вновь, уходя, до конца не уйдём,
И будни деля, и досуги.

Слагались традиции наши не вмиг,
И тропы предстали стезями,
И счастье готовы делить напрямик
С родными и только с друзьями.

Не свыше нам общая память дана –
Прошли через годы мы сами,
И горькую чашу мы выпьем до дна
За тех, кого нет вместе с нами.

Друг друга ценить и беречь до конца
Учились мы тоже годами
Мы разные все, но ведь нет подлеца
И нет недомолвок меж нами.

И в трепетном пламени наших костров
Предстанут и реки, и дали,

И дымки туманов чужих берегов,
Которые мы повидали.

Мы вновь соберём и рассвет, и закат,
Что лучше, мы так и не знаем,
Шумит нашей жизни речной пережат,
И вызов мы вновь принимаем.

Решил, что при любом раскладе нужно начать движение. Дождь прекратился, и Кэп быстро сложил пожитки в вещмешок. Полиэтилен положил сверху. Как приятно ходить в сухих портянках. Рулон пластыря после того, как завёл портянки, оказался лишним. Нужно следить за тем, чтобы малосолка всегда была в вертикальном положении. Но на всякий случай на время движения разрез бутылки он будет заклеивать пластырем.

Весло в руке. Решил выйти вверх к оленьим тропам. Здесь карликовые берёзки чуть ниже колена. По оленьим тропам идти легче, чем по крупному галечнику. Снова вышел на морошковое болото. Часть морошки близка к созреванию. Немного ягод взял с собой. Цинга ему не грозит, а избыток фосфора в организме скрасит отсутствие фонарика, хотя ночи пока ещё

не очень тёмные. Звёзды появятся в сентябре. Не хотелось бы их увидеть, хотя в беззвёздном небе желания не загадаешь. Питаться ягелем он ещё не пробовал, но не исключал такой возможности при крайней необходимости.

В километре от себя увидел огромное тёмное стадо оленей. Среди них было много альбиносов. «Ничьими» бывают только одиночки. Кэп распотрошил вещмешок и достал бинокль. Он полчаса смотрел вдаль. Ни людей, ни нарт! Пойти попасти оленей желания не возникло, да и ярко-зелёный цвет вязкого болота остановил. Достал из «гермы» фотоаппарат. Зумом приблизил оленей к себе и сделал снимок. Но тут же снова что-то заклинило. Безуспешно попробовал сделать ещё хоть один, но фотоаппарат в очередной раз так и не заработал.

Стал накрапывать дождь. Пришлось достать полиэтилен и накрыться. Движение замедлилось, да и медведей боковым зрением трудно было высматривать. Кэп сам себе напоминал лошадь с шорами на глазах. Через полчаса дождь прекратился. Хотелось спуститься к реке, но для этого предстояло пересечь густой ивняк. А это явная возможность стать абсолютно мокрым. Обернулся и обнаружил, что ранее видел не всех оленей. Основная часть стада была с другой стороны склона. Их было несколько сотен.

Людей не видно! Уныл простор, заполненный лишь ветром и дождём, но необходимо было двигаться и соблюдать условия принятой игры.

На карте Щучья представляет собой огромную букву «П». Кэп шёл по извилистой левой «ножке» данной буквы. Через час он начал хрустеть подсушенными подберёзовиками. В городе их можно было бы выдать за чипсы. Полиэтилен был давно спрятан в вещмешок.

Увидев, что река делает гигантскую петлю, он решил пойти по хорде. Решение было неправильным. Через полчаса его остановили непреодолимые болота. Не болото, а болота. Пришлось вернуться.

Никаких сократов! Кто ходит по сократам⁵, тот дома не ночует! Идти можно или по галечному, или по водораздельным хребтам. По густому ивняку даже медведи не любят ходить.

Чёрные вулканические склоны стали чередоваться с кремовыми известняковыми. Один раз тропы повели в сторону от реки на полтора километра. Вышел к ней километра через четыре. Спустился к реке и увидел, что галечник уже не чёрный, а рыжий и белёсый.

⁵ Сократы к Сократу отношения не имеют, это от слова «сокращать». Поэтому у Гарича поговорка туристическая: «Кто ходит по сократам, тот дома не ночует». Погибнуть можно, если идешь без тропы, если торопишься и сокращаешь дорогу. (Ред.)

Стали попадаться окаменелости девонского периода. Это практически в три раза старше того, что можно найти в Крыму.

Преодолеl не менее 9-10 километров. Нашёл место стоянки водников из Новомосковска. Надписи на песке не сохранились. Катамаран, спрятанный за зарослями можжевельника, отсутствовал. Значит, ребята уже ушли. Ничего полезного для себя на месте их лагеря не нашёл, хотя искал тщательно. Правда, на кусте можжевельника обнаружил «бороду», которую кто-то отрезал. Для нерыбаков объясню, что «бородой» называют спутавшуюся леску, которую проблематично распутать. Обычно «бороду», если есть запас лески или шнура, безжалостно отрезают. У Кэпа запаса не было, поэтому он взял «бороду» с собой. Нужно было попробовать распутать нераспутываемое.

Хорошо, что шёл по правому берегу, слева втекала Юнко-Щучья, которую пришлось бы переходить вброд. Прошёл место, где при подъёме по реке встретились с медведем, который не любит звон весла и уступает дорогу. Узнал стоянку, где всю ночь вокруг палатки кружил медведь, любящий запах жареных хариусов. Здесь была когда-то удивительно продуктивная рыбалка, но ночью вокруг палатки бродил медведь, страдающий бессонницей.

Снова обнаружил свежие медвежьи следы и рыбачить не стал. Опасаясь продолжения знакомства с хищником, прошёл ещё не менее километра. Неудачи преследуют всех, но настигают только неудачников, к которым Кэп себя не причислял. Сумел не поломать ноги в очередном каньоне.

Неотступный оптимизм предполагал, что есть места, которые медведи обошли своим вниманием. И Кэп безуспешно искал эти редкие места. Начались серые галечники, которые украсили себя кустиками прибитой дождём дикой гвоздики.

Нужно искать место для ночлега. К вчерашним требованиям добавилось наличие наклонной скалы, которая не вздумает ночью развалиться. Через час понял, что надо искать место с дровами. Галечник уже высох, а песок оставался мокрым. Нашёл небольшую скалку, под которую забило несколько коряг. Это определило выбор. Разумеется, проверил место на отсутствие медвежьих следов.

Настоящая работа лишена дешёвой суеты. Нет мелочей, от которых можно отвертеться. Последовательность действий определяется обстоятельствами. И в этот раз сначала поставил тент, а потом стал искать дрова. Здесь тундра богаче на дрова, чем на Силоваяхе или Каре. Решил закрепить свои навыки и, достав «морковку» и дощечку от ящика, стал добывать огонь с помощью лука. Всё, как полагается: ямка в дощечке, расходящийся паз, уголёк, запалочный материал, щепки, дрова...

С первого раза не получилось. Добавил ещё древесный уголёк и песок и снова начал луком энергично крутить «морковку». Огонь добыт. Осталось разжечь дрова. Как всегда, не хватало ножовки. «Морковку» и дощечку сразу спрятал в вещмешок, чтобы не отсырели. Малосолка, отварная рыба с бульоном, несколько грибов и компот. Часть грибов снова стал сушить. В этот раз нанизал их на проволоку. Вздумал из ивы сделать гнутую лопаточку – замену ложке. Если так пойдёт, и до вилки дойдёт! Вымыл ноги и, подсушив у костра, накрутил на них свежие портянки и

подвязал «мокроступы». Ноги должны отдыхать. Прошёл по галечнику, пособирал плавание на завтра. Сделал несколько ходок. Дрова забил под скалу. Заметил, что сегодня ни разу не пришлось пересекать реку. Белая пена далеко не безмятежных облаков уносилась беспокойным ветром вдаль. Распогодилось, и даже удалось наблюдать долгий закат.

Стало холодать. Кроме журналов, решил использовать для утепления два скрученных в свиток куса бересты. Они обжали тело в районе грудной клетки и поясницы, чтобы сберечь заветное тепло. Дров недостаточно, чтобы грели всю ночь. Спал в сапогах, поэтому запасные портянки утепляли ягодицы. Колени между спортивками и штанами были обёрнуты кроссвордами. Спалось хорошо, хотя температура воздуха была около 3-4 градусов тепла. После пяти утра стало теплеть, но об этом он не догадывался. Замерзают те, кто потеет. В эту ночь вспотеть было трудно. Спал очень долго.

8. В тундре тоже бывает солнце

Как много это утро обещает! Ликует день после продрогшей ночи. Весь день в бликах щедрого солнечного утра.

Яркое солнце привело к мысли добыть огонь экстравагантным способом, о котором он своим воспитанникам никогда не рассказывал. В положительном исходе он сомневался, тем более, что ни с биноклем, ни с фотоаппаратом ничего не получилось. Но в запасе есть и «морковка», и батарейка.

Он приготовил запалочный материал, настрогол щепок и достал из гермы найденный презерватив. Наполнил его водой и получил шар диаметром сантиметров в 12-13. Сфокусированный луч солнца он направил на чёрный древесный уголёк. Чтобы исключить дрожание руки, он прислонил её к скале. Уже готов был отказаться от идеи, когда увидел скромный огонёк. Он продолжал свой опыт достаточно долго. Понял, что направлять луч лучше на боковину уголька, а не на торец. Кто из мальчишек не увлекался выжиганием? Прислонив второй уголёк, он активно начал тренировать свои лёгкие. Когда занялся и второй уголёк, дошла очередь до трута (запалочного материала).

Он сделал это! Стружки загорелись и подожгли дрова. Попробовал поджечь обуглившуюся ткань. Получилось ещё быстрее. Воду из презерватива слил и решил готовить завтрак. Кстати, своим воспитанникам недавно он показывал, как добыть огонь с помощью

обычной стретч-плёнки. Попросив у юной вышивальщицы её пяльцы, вставил вместо ткани эту самую стретч-плёнку и налил воды. Эластичная плёнка растянулась, и получилась великолепная линза, которая легко подожгла растёртую сухую траву. Думается, что если бы у Кэпа была данная плёнка, он бы догадался натянуть её на имеющуюся у него проволоку. Он бы мог рассказать, как из этой плёнки сделать убежище от дождя и даже лодку, но завтрак за него никто не приготовит.

Перед готовкой вывесил циновку на просушку. В этот день нужно сушить всё, что в этом нуждается. Малосолку сполоснул и, слегка подсушив на ветру, нанизал на сложенную вдвое проволоку. Нажёг побольше углей. Продолжил сушку грибов. Во время создания кулинарного шедевра вновь использовал веточки можжевельника. Чай из брусничных листьев и нескольких ягодок морошки и совсем зелёной черники был кисловат. Грибы напоминали сухарики.

Много лет назад в тайге Архангельской области он запретил команде есть незнакомые ягоды. Изо дня в день, по яголке-другой сам их пробовал. Ухудшения здоровья не наступало. Он втайне поедал их, так как они хорошо утоляли жажду. За неделю до окончания маршрута команда отправилась в гости к лесничихе бабе Симе, которой было 82 года. Шестнадцать последних лет она жила в тайге одна (муж умер). Геологи подбрасывали ей продовольствие. Кэп достал из кармана горсть ягод и задал давно мучавший его вопрос:

– Баба Сима! Это не волчьи ягоды?

– Нет, сынок, – ответила баба Сима. – Это не волчьи ягоды!

Кэп с облегчением запустил всю жменю себе в желудок.

– Это не волчьи ягоды, – продолжила баба Сима, – это ягоды психа. Психуша по-нашему.

Впоследствии выяснилось, что эти ягоды являются разновидностью водяники, которой и здесь достаточно много.

С утра ходил в «мокроступах», что позволило подсушить ноги. Устроил большую стирку. Постирал футболку, трусы, шерстяную шапочку и одну пару портянок. Светло-серая шапочка в месте соприкосновения с головой от крови имела тёмно-коричневую полосу. Часа через два всё было сухим. Запалочный материал тоже хорошо подсох. При малейшей возможности он его пополнял.

Необычайно яркий день позволил взглянуть в красоту мелькающих деталей, даримых безвозмездной природой. Каждой копытной лужице утро подарило по солнцу. Временами приходилось щуриться. Кэп увидел порхающую бабочку, которая радовалась жизни не меньше, чем он, и даже успел сфотографировать её.

Вышел из лагеря не раньше 11-12 дня. Галечник притоplen, поэтому приходилось идти по наклонному глиняному склону, часто пересекаемому ручьями, идущими по ржавому ложу. Здесь можно увязнуть надолго (нельзя сказать, что навсегда, но сил эти участки забирают много). Тундра постепенно переходит в горную лесотундру. Всё время кажется, что по противоположному берегу идти легче. Правый берег стал представлять из себя горную гряду, обрывающуюся к реке вертикалью скал.

Всё время приходится делать выбор: или карабкаться вверх, или попробовать пересечь поток глубиной до метра. Здешние выборы проходят без голосования. Кэп решил поступить неправильно. Он снял с себя всё, что ниже пояса. Потом, одумавшись, надел на босые ноги сапоги. Он сбережёт свои ноги от острых обломков камней. Главное, поджав пальцы ног, воспротивиться потере сапога в потоке (в одном сапоге далеко не уйдёшь).

Весло помогло не упасть и не потерять весь скарб, который он решил перенести в один приём. На противоположном берегу воду из сапог слил. Сапоги и ноги тщательно высушил. Сам в это время поел малосолки. Хороша, чертовка! Прошёл излучину, на которой стояли лагерем при подъёме. Зайдя в ивняк, увидел спилы деревьев. Нахватал комаров, которые ждали его появления несколько недель, ретировался очень быстро. Репеллент впервые за несколько дней понадобился в изрядных количествах. Справа высокие скалы. Щучья красивее Сулы, но сюда и добраться труднее. В прошлом году она была почти без воды, и попасть к этим красотам не удалось. Передвигаться сегодня было легко, потому что он ходил без непромоканцев, всё время сдерживавших его шаги.

Не поленился с веслом в руке подняться на высокий левый склон, на котором находится хекур (ненецкое святилище). Увидел два высоких рукотворных пилона, сложенные из плоских окатанных камней. И всё! Никаких оленьих черепов, рогов, костей. Камни кто-то таскал от реки.

В Северной Осетии возле подобного святилища Реком было много черепов баранов и туров и ползали многочисленные змеи. Здесь со змеями плохо. А ведь они все съедобны, а вкус зависит от умения повара. Лучший повар – это чувство голода, которое Кэп особо не испытывал, почему и задумался об изысках.

Главное открытие – тундра резко переходит в тайгу. Да, за его спиной беспредельная и бесприютная тундра. Впереди – «зелёное море тайги». Он ещё раз огляделся и увидел бугор, с которого при подъёме по Щучьей они осматривали предстоящий путь. Возле реки тундра давно перешла в лесотундру. Думалось, что все ненастья позади. Начались каньоны, сложенные из плитового девонского известняка.

Пару раз попал в непроходимые ивняки, которые уговаривали поменять берег. Комары требовали остаться. Кэп чувствовал своё бессилие перед торжествующим ивняком. Когда силы были уже на исходе, он обнаружил на противоположном берегу место, которое уже выбирал для лагеря, но которое тогда не было использовано в этом качестве, т. к. напарники, забыв о его существовании, остановились полутора километрами ниже. Ему тогда после безуспешных ожиданий пришлось вернуться, чтобы выяснить, что авария не у лодки.

Решил, что превысил допустимую норму продвижения, но километра полтора ещё пройдёт. Удивился цепкости своей памяти: некоторые участки движения помнил, будто проходил их вчера. Вот и стоянка. Узнал по прибывшим дождями углям костра. Хотя уходили с места стоянки спешно, т. к. срывался дождь, но, к сожалению, ничего не забыли и не потеряли. Пошёл по открытому галечнику вниз по течению, чтобы не собирать дрова после самого себя. Кроме того, он ещё раз должен был удостовериться, что на берегу нет медвежьих следов. Напротив скала, под которой он

когда-то обнаружил братскую могилу кротов (четыре штуки). Кому они понадобились?

Пережат здесь достаточно бурный. Обломки острых скал не дадут возможности преодолеть реку. Да и не нужно! Дров достаточно много. Решил, что спать можно без тента, который сегодня послужит отбойником для тепла. Оттяжки закрепил крупными камнями, т. к. никакой кол в крупный галечник не вобьёшь. В ивовый лес, по которому в половодье гуляет вода со льдом, ходил несколько раз, подбирая высохшие стволы. Преимущество отдавалось стволикам, стоящим вертикально. Они, явно, суше. Дров натаскал на несколько ночей. Это было первое место за много дней, где дров было по-настоящему много. Но это ещё не настоящая тайга, так как елей нет. На высокой скале на фоне латунно-жёлтого неба сидел понурый стервятник и равнодушно смотрел на безумствующую реку и того, кто вторгся в его пределы.

Осмотрел двухлитровку: рыбы было на сегодняшний вечер и завтрашнее утро. В течение дня наблюдал, что грибов стало гораздо меньше. Если раньше он брал только светлые экземпляры диаметром до 5-6 сантиметров, то сегодня брал и сереющие от переизбытка влаги грибы. Посреди галечника было солнечное пятно, скалы правого берега ярко освещены. В пережатке сверкал вдребезги разбившийся закат.

Закреплять утренний опыт по разжиганию костра не стал, т. к. солнце стоит достаточно низко. Однако есть идея, которая блуждала в его голове несколько дней, и сегодня он попробует добыть огонь по-другому. Он насыпал запалочный материал (чешуйки бересты, пушицу, труху от борщевика) в туалетную бумагу, которую давно заменил проточной холодной водой. Фаршированную туалетную бумагу скрутил в жгут. Настрогал щепок и щепочек, наломал для закрепления успеха тонких можжевельных веточек (горят гораздо лучше ивовых) и достал из вещмешка проволоку, которую до этого использовал в качестве шампура. К концам проволоки прикрепил ручки, чтобы она напоминала двуручную пилу. Рифовым узлом (узел, который моментально развязывается) сверху притянул жгут с запалочным материалом к стволику ивы, лежащему наклонно.

Прижимая ствол ногой к земле, Кэп стал самому себе показывать, как работает цепная пила, которой у него нет. Отпущенная в огне проволока стала действительно въедаться в тугую древесину. Кэп перехватил ручки и стал тягать проволоку, идущую «наперекрёст». При этом он следил за тем, чтобы разогревшаяся от трения проволока начала касаться

привязанного сверху жгута с запалочным материалом. Этот способ хорош, когда наблюдается переизбыток сил и недостаток температуры окружающей среды. Согревает хорошо. Скромный дымок от соприкосновения с нагретой проволокой заставил работать ещё быстрее.

Всё! Свершилось! Резким рывком Кэп рванул конец верёвки, отвязал жгут и начал раздувать огонь, размахивая им, как дымокурором. Дальше всё было отработанным до мелочей. Огонь пылал, отодвигая комаров в сторону. Решил, что нужно сделать уху. Рыбу на всякий случай слегка промыл. На похудевшие электроды поставил банку с рыбой. Рядом грелся компоточай (зелёная брусника, такая же черника и полуспелая морошка). Нацепил «мокроступы», чтобы просушить ноги и сапоги.

Хороший день решил завершить хорошей рыбалкой. Перед ним стремительная, клокочущая река. Он слышал её жизнеутверждающую звонкую песню. Метрах в трёхстах месяц назад рыбалка была удачной. Каждый заброс – это рыба. А здесь первый же заброс – и зацеп! Досаде нет конца! Кэп пошёл вниз по течению – безуспешно! Вверх по течению – с тем же результатом. В кипящую воду с обломками острых камней войти нельзя – опрокинет и переломает все кости. Кэп ещё несколько раз ходил вверх и вниз. Его беспокоило, что верёвка оборвётся где-нибудь в середине, и он останется без шнура закидушки. Начал тянуть верёвку всё сильнее, втайне надеясь, что двузубец крючка разогнётся. Всё обошлось не так, как он предполагал. Разогнулось кольцо от бинокля, ушла блесна, но верёвка сохранилась.

Поел уху, съел подвяленную малосолку, грибы ещё подсыхают. А сам всё время думал, как прикрепить лепесток «вращалки», чтобы он выполнял свою функцию. Вспомнил, что у лямки его бинокля есть ещё одно кольцо.

Вот когда пригодилась, и проволочка от троса! Лепесток блесны оббил, придав ему объём. Подбросил дров. Боясь зацепов, ушёл туда, где рыбу уже ловил ранее. Так не хотелось ложиться спать, не удостоверившись, что блесна работает. Он шёл в «мокроступах» наверх, а сам на всякий случай продумывал, как «вращалку» превратить в «колебалку», которая была утрачена, если рыба от «вращалки» откажется.

Первый же заброс – и зацеп! Это уже слишком! Снова ходил вверх-вниз! И начал тянуть верёвку всё сильнее и сильнее, предполагая, что растянется и это кольцо. Внезапно река отдала блесну. Кэп решил не сдаваться, но оставил рыбалку на завтрашний день.

Вернулся в лагерь и стал сооружать нодью. Сегодня никаких кроссвордов! Пусть работает отбойник тепла. Спать пришлось в накомарнике, зато без сапог. Две пары портянок – это хорошо. Сначала лицу было жарко, потом...

Что было потом, он не помнил. Весло возле себя не положил: надеялся на костёр, который за ночь догорел дотла. Сонная беспечность и усталость часто бывают наказуемы. В этот раз обошлось. Утром не было ни одного уголька, который можно было бы раздуть.

9. Кто страшнее: комары или медведи?

Утро он начал с вопроса, который никак не мог сформулировать. Сейчас он съест последних хариусов, поймает ли следующих? Здесь он уже своё рыбацкое счастье испытал. Нужно искать пережат без обломков скал. Огонь добыл с помощью куска кремня, болта и обожжённой тряпки. Трут затлел после нескольких ударов болта. Кэпу было жалко, что никто не учился его мастерству. Раздуть огонь труда не составило.

Выпрямил концы проволоки и нанизал остатки промытой малосолки, которая за вчерашний день приобрела запах рыбы «поморского посола». Когда-то на Онеге его уже угощали рыбой с душиком. Тщательно прополоскал бутылку. На сегодня, кроме десятка слегка подсолённых и подвяленных грибов, есть больше будет нечего. Кипяток с брусничным листом и несколькими иголочками можжевельника нуждался в сахаре, которого он давно не видел. Но он знает, где этот сахар (и не только он) закопан. Если не произойдёт что-то экстраординарное, то постарается преодолеть расстояние за три-четыре дня.

Вышел часов в 10. В каньонах по обломкам скал ходить так же трудно, как и по ивняку. Появились многочисленные окаменелости. Обломки колоний кораллов весят от пяти до десяти килограммов. Оставалось только вздыхать. Река представляет собой сплошной пережат с огромными полями калужницы, которая в предыдущие дни была слегка утоплена.

Вода постепенно стала убывать, что позволяло без особой надобности не посещать тайгу и не карабкаться по скалам. Прошёл стоянку, на которой когда-то отпустили пойманную щуку. Правый берег стал терять крутизну. В воде стало меньше попадаться обломков, это не касается поворотов, где были даже небольшие порожки. Нашёл возможность перебраться на правый берег. Слева яркая высокая стена, вдоль которой

пускали ракету, чтобы проверить работу «Сигнала охотника». У Кэпа тоже есть сигнальное устройство, с которым он не расстаётся ни на минуту. Это весло. Любвеобильные комарихи тоже не отстают ни на минуту. Репеллент экономить не приходится, потому что хочется побыть без поклонниц. Каньоны – это красиво, но весьма травмоопасно. Идти по обломкам скал приходится осторожно и достаточно медленно.

Вышел к обычной быстротоке после переката. Нужно заготовить хариусов, потому что тайга грибами пока не радуется. Правда, углубляться в неё не очень-то и хочется, потому что и на берегу комаров хватает. Решил порыбачить. Несколько безуспешных попыток привели к мысли, что «вращалку» нужно переделать в «колебалку». А вдруг виновата не блесна, а место лова? Кэп поднялся к перекату. Первый же заброс – и зацеп! Река отдала блесну достаточно быстро. Второй заброс – и второй зацеп! Кэпу оптимизма не занимать. Поэтому он решил, что неудачи – явление временное. Ему очень хотелось протестировать «вращалку», и он сделал очередной заброс.

Кто-то подсказал хариусам, что терпению может прийти конец. И началось! Едва блесна касалась воды, наблюдался резкий рывок. Главное, не давать ни себе, ни рыбе слабину. Кэп, решивший продолжить спектакль, первого хариуса отпустил. В награду пошли красавцы, прошедшие кастинг. Все были весом не менее семисот-восьмисот граммов. Поймал семь штук. Количество сорвавшихся не подсчитывал.

Тут же почистил, выпотрошил и посолил. Соли дал чуть больше, чем раньше, т. к. день тёплый. Ивняк приблизился к выполаживающейся реке. В тундре было понятно, куда идти и что делать, а здесь... Пришлось уйти в морошковые болота с многочисленными шаткими кочками. Морошка здесь почти созрела. Некоторые ягоды были жёлто-оранжевые. Съел неимоверное количество. Что-то взял с собой.

Чёрная сетка накомарника не давала возможности видеть этот мир в деталях. Дошёл до очередного морошкового болота и решил банку «Globus» заполнить до верха. Кэп аккуратно снял котомку (наклонять нельзя из-за хариусов) и стал на корточках пробираться от кочки к кочке. В какой-то момент ему послышалось хрюканье. Или это чавканье? Кэп приподнял глаза и начал, не приподнимаясь, пятиться назад. В противоположном конце болота, метрах в ста, находился медведь, который не обращал никакого внимания на конкурента с банкой.

Кэп добрался до весла, но звенеть не решился, а, прихватив рюкзак, стал осторожно втекать в ивняк. Даже пройдя назад метров сто, он не чувствовал себя в безопасности. Для него сейчас медведи были везде. Он вышел к берегу реки и решил, что необходимо оказаться на другом берегу. Сняв с себя всё, что ниже пояса (это медведю явно понравилось бы), он в сапогах на босу ногу перешёл реку. Здесь ему весло очередной раз помогло не упасть.

Если бы он уронил в воду штаны, пришлось бы ходить в ветровке, натянутой на ноги (с ним это уже когда-то подобное было). Комарам голые ноги (и всё, что выше) очень понравились. Быстро нацепил «спортивки» и брюки. Запасными портянками вытер внутреннюю часть сапог. Противоположный берег всё время держал в поле зрения. Решил быстрее уйти из этих «гиблых мест».

Влажные портянки развешиваются на лямках. Если войти в лес, то можно их потерять. Кэп не имел права на беспечность. Ускорил шаг, позванивая веслом. Могли бы помочь рыбацкие колокольчики, подшитые к рукавам и штанам или свисток в зубах. Много лет назад у него была на Приполярном Урале встреча, которую теперь можно считать забавной.

Кэп вышел из заброшенной штольни, где фотографировал кристаллы льда и вросшие в лёд вагонетки, и увидел, что начался дождь. Пересекать ледяную воду ручья Пелингичей под дождём не хотелось, потому что изрядно замёрз под землёй. Решил перейти перевал и, дождавшись окончания дождя, перейти холодную быстротoku. Спускаться с перевала пришлось по куруму с замшелыми шатающимися глыбами. Каждый шаг требовал внимания и осторожности. Подняв глаза, Кэп похолодел от ужаса – на него двигался медведь. Их отделяло метров 60. Что делать? Кэп перехватил молоток в правую руку и набросил темляк. Пытаться

отступать – ты жертва, которую необходимо догнать. Идти вперёд – ты агрессор, от которого нужно защищаться. Кэп продолжил движение, свернув слегка влево. Делал по возможности плавные движения. Медведь, нисколько не смутившись, тоже продолжал движение, приняв слегка влево. Когда они поравнялись друг с другом, сохранив всё те же шестьдесят метров, Кэп повернул голову к медведю и произнёс фразу, почерпнутую из Интернета: «Привет, медведь!» Затем каждый пошёл своим путём, поглядывая с уважением на случайного прохожего.

А вдруг здешние медведи не пользуются Интернетом? Кэп не винил себя в малодушии, а хвалил за благоразумие. Чтобы не гордиться благоразумием, нужно не терять бдительности, когда ветер дует тебе в лицо, и не забывать время от времени греметь веслом. Пока Кэп отходил от стресса, он обнаружил характерные следы. И они снова были не олени, хотя вчера и позавчера их было очень много. В случае встречи с медведем придётся отдать рюкзак с хариусами, закидушкой и паспортом. Спрятал подсушившиеся портянки. Пока медведь будет потрошить его рюкзак, Кэпу удастся показать и понять свою истинную скорость.

Лишившись снастей, он будет вынужден с рыбалки переключиться на охоту. Он знал, что все птицы съедобны, но одни пернатые вкусные, другие – не очень. К тому же на хищных птицах много паразитов. Приходилось ему в жизни есть и воробьёв, и ворон, и голубей. Когда-то мясо ворон, на которых Александр Грин вынужден был охотиться с помощью лука, спасло писателя от голодной смерти. Трудно даже припомнить, что приходилось Кэпу попробовать в жизни: конина и верблюжatina, собачatina и мясо ондатр, мясо дельфина и кита, улитки и змеи, белки и ёжики, сбитые машиной, жирные личинки жуков и саранча (а также кузнечики). Из невкусных продуктов стоит отметить земляных червей (земля землём), а из вкусных – мясо кабарги и кенгуру (съел с друзьями 7 штук). Иногда важно не что есть, а как приготовлено.

Своими воспоминаниями Кэп готовил себя к охоте, которую не любил. Он вспомнил, как в Заполярье (река Кара) друзья ежедневно возвращались с охоты, увешанные куропатками. Когда же его отправили на охоту в тундру с ружьём и двумя патронами, снабжёнными контейнерами (дают кучный вылет дробы), он вернулся ни с чем. Отойдя от лагеря метров четыреста, он спугнул стаю куропаток голов в четыреста. Отвернись и стреляй! А затем броди среди карликовых берёзок и собирай тушки. Для него это было равнозначно убийству. Разумеется, Кэп знает

много способов добывания дичи, но охота требует не только много знаний, но и много времени.

Японские нинзя имеют лук из выдержанного дуба длиной всего лишь 92 сантиметра. Тетиву делают из кишок мартышек. Перья к стреле берут из левого крыла сокола, что даёт стреле вращательный момент. Нет у Кэпа ни дубов, ни мартышек, хотя есть верёвка, поддерживающая штаны. Кэп раньше часто брал с собой обычную рогатку, которая позволяла добыть пернатую дичь. Однажды на Северном Урале (река Вишера) он попал на базу геологов, которые поинтересовались наличием оружия.

– А зачем возить оружие? – изобразив наивность, спросил Кэп.

– Зверь серьёзный, да и беглых хватает, – ответили ему.

– Есть у нас оружие, – ответил Кэп и достал из заднего кармана штанов рогатку. При этом рассказал, что утром застрелил пару рябчиков, а третий, подранок, сумел уйти.

Геологам особенно понравилось слово «подранок». Рыжий детина от хохота не удержался на лавке. Он отбежал в свою палатку и принёс свою «вертикалку». Дальше шли хвалебные характеристики оружия: «Зауэр, три кольца». Объявили соревнования охотников: Кэп против Рыжего. Ставка – три банки сгущёнки (от команды Кэпа) против огромного клубка вяленой оленины, которую мы первоначально приняли за сушёную восточную дыню (от геологов). Установили продолжительность состязания: ровно час.

– Я иду вниз по течению, – заявил Рыжий, когда все оказались на берегу.

– Я пойду вверх, но сначала наберу «патронов».

Кэп начал демонстративно на берегу выбирать камни любимого размера. Ему не очень-то хотелось идти вверх, откуда они только пришли на своём плоту и успели распугать всю дичь.

Отойдя от лагеря, Кэп стал прислушиваться к звукам выстрелов. Наверное, Рыжий зашёл в боковое ущелье, где палит в своё удовольствие, именно поэтому его не слышно. Услышав впереди знакомый свист, Кэп подошёл к выводку рябчиков и «снял» двоих. Он привязал их сзади к капюшону штормовки. Время поджимало, и Кэп поспешил к базе. Зрители уже толпились на берегу. Рыжий шёл в своих болотниках вдоль реки, широко расставив руки. В правой он держал свою «вертикалку». Кэп тут же распахнул свои руки, в правой он картинно держал своё оружие – рогатку.

– Ну что? – проорал Рыжий. – Боевая ничья?

– Да как бы не так, – воспротивился Кэп и медленно развернулся спиной к присутствующим. За спиной у него висело два «курчонка», являющихся посрамлением дорогому импортному оружию.

Их тогда не только кормили вяленой олениной, но и дали возможность обновить недостроенную баню, у которой ещё не было прихожей.

Брякая веслом, Кэп добрался до огромного галечника, на котором они когда-то ночевали. Увидел не только угли костра, но и огромные камни, которыми придавливали тент, чтобы спастись от сильного ветра. На этом галечнике напарник «продал» ему окаменелую раковину за две дневные конфеты. Каждый из участников сделки считал себя в выигрыше. Кэп поел промытой малосолки и забросил в себя несколько пригоршней вырванной из медвежьей пасти морошки. Это было некоторым преувеличением (каждый пасса на своём участке болота).

Новые медвежьи следы не появлялись, и Кэп решил, что он способен на большее, поэтому пожелал продолжить движение. Он прошёл ещё километра три-четыре. Ему нужно было вновь перебраться на правый берег. Достав «непромоканцы», он натянул их на снятые сапоги. Затем содрал с себя штаны и, опередив комаров, влез в «непромоканцы». Теперь он не торопился, поэтому всё упаковал в вещмешок. Обеими руками вцепился в весло и перешёл на другой берег, оставив ноги сухими. Комары с одного берега на другой тоже благополучно переместились сухие (некоторые даже верхом).

Едва он оказался на противоположном берегу, как силы его иссякли, и он начал искать место для стоянки. Скалы давно закончились. Нужен крутой продуваемый поворот с дровами. Минут через сорок ему нужны были только дрова (но чтобы в лес не заходить). Поиск увенчался успехом. Это был галечник – мысок, который не очень был чтим комарами. Сначала Кэп хорошо погремел веслом и даже для остротки свистнул. К счастью, никто не отозвался. Собираание дров хорошо снимает стресс. Сегодня он сделает лагерь по-новому. Костёр он разведёт возле земляного двухметрового обрыва, который будет отдавать всё тепло. В метре от костра будет располагаться навес-отбойник, закрывая его от ветра и росы и грея спину.

Нацепив на ноги «мокроступы», Кэп, отбиваясь от комаров, принялся за установку лагеря. Решив, что сегодня он это заслужил, достал запасную батарейку и кусок фольги, который бережно носил в нагрудном кармане рубахи. Отрезал ножом полоску фольги и аккуратно сделал сужение. Возле «плюса» на всякий случай ножом поцарапал корпус, резинкой (а мог бы и пластырем) закрепил один конец фольги. Когда запалочный материал и растопка были готовы, сунул узенькую часть фольги в запалочный материал и прислонил второй конец фольги к «минусу». Огонь разгорелся быстрее, чем иной раз вспыхивает от зажигалки.

Освободил банку от ягод, поставил её с водой на электроды, стоящие на двух камнях, и бросил несколько кусков рыбы. Ветрозащита в очередной раз позволяла экономить дрова, хотя это на сегодняшний день не актуально. Снова промыл несколько кусков рыбы и нанизал на проволоку. Когда угли были готовы, стал жарить рыбу. Чем меньше огонь, тем рыба вкуснее. Добавил дымка от веточки можжевельника. В меньшей банке сварил морошковый компот. С каждым разом компот всё слаще и слаще.

Вечный вопрос тундры и тайги, кто здесь страшнее, разрешить непросто. Медведь страшен, когда он рядом, а комар страшен, когда он есть. А его нет только тогда, когда температура не выше 7 градусов. О комарах и о медведях Кэп знает немало. Кусают только комарихи, которые чувствуют свою жертву за два километра. Пока они перелетают свои два километра, нужно оказаться в другом месте. Кэп вспомнил, как в районе Карского моря (реки Хальмер-Ю и Кара) в тундре он увидел, как к лагерю катятся три четырёхметровых тёмных шара. Когда шары приблизились, стало понятно, что возвращаются его друзья, вокруг каждого из которых был шар из «своих» комарих. Важно знать, что они, продегустировав одну

жертву, никогда не переключаются на другую. Когда друзья принесли своих комарих в лагерь, то кусать остальных принялись только те из них, которые не успели пробиться через толпу к жертве. Кэп многие годы не спешил заходить в палатку первым. Через двадцать минут после напарника он влезал в палатку, где покусанный сосед смотрел на него сквозь узкую амбразуру спальника. Кэп, объявив, что он невкусный, раздевался и укладывался поверх спальника. Так продолжалось много лет, пока однажды на Приполярном Урале (река Кожим) Кэп вымок и продрог после прохождения порога. Он впервые залез в палатку первым. Его постигла участь напарника. Дальше всё произошло так. Из амбразуры своего спальника он увидел, что соседа комары игнорируют.

– И ты это знал?! – взревел Старпом (это был именно он).

– Конечно, – признался Кэп.

Если бы медведи питались туристами, то их бы (медведей) не было, так как с туристами в этих краях совсем плохо. Плотоядность хозяев тайги и тундры известна из книг, но они всеядны и зачастую вынужденно становятся вегетарианцами, хотя зазевавшейся мышкой или леммингом не побрезгуют.

Кэп вспомнил давнюю историю, произошедшую на Кавказе. Его группа прошла Караугомский ледник и остановилась возле входа в Сказское ущелье, в котором носились мустанги (потомки колхозных лошадей, разбежавшихся ещё в годы войны) и рос высокий смородиновый лес. Высота смородины была в два человеческих роста.

В команде оказался Витя Кириллов из машиностроительного института. Кэпу он казался чужаком, но придраться было не к чему. Во время днёвки Кэп отпускал членов своей группы полакомиться ягодами. Во второй половине дня он и сам отправился в лес и услышал треск ломающихся верхушек. Он, поняв, что сейчас уличит Витю в варварском поведении в этом уникальном лесу, подкрался поближе, чтобы внезапность не позволила этому негоднику скрыться. Витя продолжал безобразничать.

– А-а-а! – заорал Кэп и подскочил к хищнически ломаемому дереву.

Перед ним на задних лапах стоял медведь, сделавший широкий замах лапой, сгребавшей в пасть ягоды вместе с ветками и листьями. Крик был так внезапен, что медведь, придя в ужас, пустился наутёк, хрустя ломающимися стволами и ветками. Кэп, пришедший в не меньший ужас, мчался так быстро, как будто он нёсся по дорожке олимпийского стадиона. Он вылетел из ущелья и категорически запретил в одиночку ходить за

смородиной. Кстати, Витя оказался прекрасным и надёжным другом. Когда при подъёме на перевал Гурдзивецк одна из участниц, оступившись, улетала по снежному цирку вниз, он рванулся за ней, обогнал и, зарубившись ледорубом, остановил её дальнейшее скольжение к пропасти.

Полкус комаров был найден в прошлом году. Это деревня Гусенцы. Кэп решил, что главный хищник тайги и тундры – комар. Страшнее комара может быть только мошкá, которая не пугается репеллента и выгрызает запястья, поясицу, шею – всё, куда она подло сможет заползти. Не случайно она получила прозвище «жрачи». К счастью, «жрачей» не было. Кэп знает простейшее средство отпугивания мошки и комаров, которое используют опытные таёжники. Нужны обычная (лучше «хэбэшная») сетка, прозываемая в народе «авоськой», и чуть-чуть солярки. В течение получаса необходимо «авоську» подержать в солярке и высушить. Надетая поверх панамы или бейсболки сетка держит «жрачей» в стороне. Правде, пахнет не фиалкой. Главное, что она очень долго сохраняет свои свойства, если не забывать паковать её в полиэтиленовый пакет. И видно через неё лучше, чем через накомарник, и лицо не потеет.

Было часов восемь, когда все работы были выполнены, бутылка с малосолкой висела на прибрежном дереве метрах в ста пятидесяти от лагеря, а кости все сожжены. Не помнится, чтобы медведи лъстились на компот. Поев «шашлык», он сварил ещё одну порцию компота (это он называл гидробудильником), поставил наклонный отбойник-навес и подбросил дрова в костёр. Весло положил рядышком. Спал не очень спокойно, т. к. не снял «мокроступы», которые шуршали, зато не проспал и в нужный момент подбросил дрова в костёр. Кстати, похолодало, и комары уgomонились. Но где-нибудь бродил рядом страдающий от бессонницы медведь. Между двумя отбойниками спалось комфортно, но избавляться от кроссвордов не сто́ит.

10. День кораблестроителя

Костёр дымился, и раздуть угли было делом нескольких минут. Завтрак радовал обилием рыбы, но не радовал многообразием меню. Подвяленная малосолка, промытая жареная рыба и компот. Грибы, которых в тундре было превеликое множество, исчезли. Вчера доел последние.

Кэп осмотрел весь свой скарб. Кроме доски-зажигалки, нашёл еще три дощечки от ящика. Две боковые дощечки он решил пустить в дело. Необходимо было придать им форму лодочек (стружки по возможности собирал). Аккуратно стуча по ножу обломком палки, он вырубил две одинаковые чурки длиной сантиметров 11-12. Бережно хранимыми гвоздиками от того ящика, который присмотрел на буровой, сбил конструкцию, чтобы она стала походить на катамаран. Он сделал то, что туристы-водники называют «корабликом». Осталось этот «кораблик» правильно оснастить. Пожертвовал частью верёвки, которой подвязывал штаны. Одинарную верёвку на штанах придётся завязывать теперь рифовым узлом (у него есть своё неоспоримое достоинство – моментально развязывается). Сбоку у «кораблика» появилась верёвка, к которой Кэп привязал схватывающим узлом закидушку, предварительно сняв с неё блесну.

Кэп знает более тридцати узлов, но последние годы он видел, что какие-то узлы дублируют друг друга, какие-то более надёжные, какие-то легче развязываются. И даже на спасработках он использовал в основном только следующие: грепвайн (компактный узел для связывания концов одинаковой толщины), брамшкотовый (для связывания концов разной толщины), булинь (для привязывания себя или предмета к верёвке), проводник-«восьмёрка» (для страховки и само страховки), австрийский проводник (позволяет вытащить пострадавшего из пещеры или трещины, «не размазывая его по стене»), стремя (не затягивается) и узел Пруссика (он же схватывающий), который нужно уметь вязать как двумя концами, так и одним концом. Этот узел не позволяет тонкой верёвке елозить по более толстой. К петле «кораблика» он привязал схватывающий одним концом, который позволяет менять в зависимости от скорости течения «угол атаки» воды. Принцип работы кораблика – это принцип работы воздушного змея, попавшего в водную стихию.

Кэп, передвигая схватывающий узел, добился того, чтобы «кораблик» (который пришлось слегка пригрузить, привязав сверху чурку) свободно пересекал реку, отодвигаясь от родного берега. После проведения судовых испытаний он, довольный результатом, приступил к главному – изготовлению «мушек». У него было две журнальные скрепки от кроссвордов. Он разогнул их и долго точил на песчанике. Получившиеся иголки он с помощью мультитула изогнул в два крючка. Потом вспомнил, что домофонный ключ висит на металлическом кольце. «Отпустил» на костре сталь кольца и стал делать третий крючок. Никакой шерсти у него

не было, поэтому он ножом отрезал часть своей бороды. Об эстетичности новоявленный цирюльник в этот момент не думал. Достал «бороду» из рыболовного шнура и вырезал вытянутые нити. Узлом «марка» он привязал волоски к крючкам. Привязал сверху цветные ниточки от своих портянок. Потребовалось много терпения, чтобы из «бороды» вытащить отрезки шнура не менее 45 сантиметров. Всё остальное он оставил на «долгие зимние вечера», которые хотелось бы провести не в этих местах. Схватывающим узлом разместил поводки с мушками на расстоянии более полуметра друг от друга.

Оснастив «кораблик», он пустил его в плавание.

Первый «кораблик» в действии он увидел много лет назад на Лене, где лесник, ворошивший сено, время от времени бегал к берегу, чтобы снять рыбу. Шнур был привязан к забору, примыкающему к реке. «Мушки» Кэпа были хороши, но крючки были без зазубрин, поэтому бегать ворошить сено нельзя – рыба соскочит. Да и не вся малосолка была съедена, просто нужно было проверить возможности этого способа лова.

Не дождавшись успеха, он стал собирать лагерь. «Кораблик» расположил сверху. Дал себе слово, что будет идти по правому берегу, каким бы соблазнительным ни казался противоположный. Оказывается, ивняк не страшнее зарослей можжевельника, который колол ноги сквозь плотные штаны. Шёл, как сдающийся в плен солдат, подняв обе руки вверх. Звонким веслом отодвигал колючие кусты. Временами поднимался над рекой метров на двадцать и более. Ни болот, ни морошки, ни грибов, ни медведей. Первое и последнее радовало. Часа через два дошёл до ключевого участка. Река поворачивает на триста градусов. Здесь он когда-то ночевал. На высоком противоположном берегу увидел последний раз тундру с карликовыми берёзами. Природа постригла деревья «под ноль». Здесь была в своё время сумасшедшая рыбалка. Стоит полновзвучная тишина, и река кажется абсолютно гладкой, но скорость течения велика.

Кэп достал «кораблик» и пустил в плавание. Тот отошёл от берега, «мушки» заплесали на воде. Хариусы целый месяц ждали этого момента. Они постоянно атаковали «мушки». Срывы отсутствовали. Кэп столкнулся с другой трудностью: жадная рыба глубоко заглатывала крючки. Мультитул с проблемой не справился – пришлось взяться за нож. Малосолка вытряхнута на весло. Кэп промыл бутылку и набил её освежёванными четвертинками рыбы. Подсолил пойманное. Рыбы столько, что хватит на два дня. Удастся даже кого-нибудь угостить. Было бы кого. Кстати, размер рыбы не всегда зависит от размеров крючка: на

большой крючок ловится только крупная рыба, а на маленький крючок – и маленькая, и большая. Именно здесь, в этом месте, маленькая рыба давно была съедена большой.

Промыл «обед» и запил его обычной водой. Воду пил из бутылочки, в которой раньше была соль, т. к. берёг губы. Если бы вчера кто-то сказал, что он будет скучать по болотам, Кэп бы удивился. Здесь и сейчас ему не хватало «болотной слякоти» (так один из приятелей называл морошку). Почему бы не обратить внимание на чахлую чернику?

Он пошёл по наклонному берегу, где высокая трава закрывала камни и выбоины. Появились известняковые скалы, на которые лезть не хотелось. Пришлось облачиться в «непромоканцы» и пересечь реку. Сегодня комары отдыхают. Нашёл место, где напротив плачущего грота когда-то безуспешно ловил рыбу. Он прекрасно знал: ловить рыбу нужно не там, где хочется, а там, где она есть. Увидел высокие берёзы и понял, что зря таскает с собой куски бересты. По левому берегу он уже ходил. Агатов давно не видел, но кораллы соблазнительно уговаривали взять их с собой.

Идти было достаточно легко. Весло позвякивало часто. Дошёл до места первой стоянки, которое узнал по углям костра. Нижние ветки сухих елей были спилены. Здесь когда-то сутки переждали дождь. Трава поднялась и скрыла место, где стояла палатка. Кэп принял решение дойти до водопада. Отсутствие морошковых болот заставило обратить внимание на чернику и голубику, которые отставали во вкусе от янтарных спелых ягод морошки. Температура не более 7-8 градусов, поэтому комаров не было. В этом году лето по-настоящему так и не стартовало.

И снова переход на другой берег. Когда на левом берегу показалась красная стена, сложенная из природных кирпичей, он понял, что от водопада его отделяет не более километра. Он последний раз перешёл на левый берег. У водопада замедлил движение. Этот грохот он хотел услышать все десять долгих дней.

До Сулы остаётся не более двух километров. Это сложные километры, потому что каньон в этом году непроходим. Он вдруг обратил внимание, что осень широкой кистью добавила желтизны в абсолютную зелень тайги.

Кэп перед маленьким водопадиком стал карабкаться на скалы левого берега. Этой тропинкой в этом году он уже пользовался. Спустился к реке. Перед ним изогнутая дуга ярко-красной стены. Между зарослями калужницы, трепещущей в воде, и стеной имеется проход из «кирпичей» известняка.

Кэп подобрал по дороге стволлик сорвавшегося с высоты сухого дерева. Перед ним метнулся всё тот же облезлый чёрный олень, которого он пугал своим появлением и ранее. Олень не побежал к Суле, а пересёк Щучью, разбившуюся на два рукава.

Это было хорошим признаком: на берегу кто-то есть. Было около семи вечера, когда Кэп вышел к берегу Сулы. Увы, его там никто не ждал. Первым делом метнулся к схрону с продуктами. Обломки прошлогодних кораллов (это его метка) лежали на своём месте.

Баночка с солью никому не понадобилась и стояла там, где её оставил Кэп. Хотелось верить, что люди бывают в этих сказочно красивых местах. Но когда они появятся здесь в следующий раз?

Кэп подавил в себе желание начать раскопки продуктов. Нужны дрова, много дров! Здесь они собраны на несколько лет вперёд. Кэп переоделся в грубые штаны, взял верёвку и, пройдя вниз по течению Сулы метров сто, полез по скалам в тайгу. Ему бы набрать дров только на эту ночь!

Стволики сушин у основания ломались не всегда, и приходилось искать следующие. Большие стволы он швырял со стены вниз, надеясь, что те во время падения обломают свои ветки. Верёвки оказались слабоватыми. Но дровами он себя обеспечил. Температура воздуха снизилась градусов до пяти. Даже в перчатках пальцам было холодно. Нужно было спешить и сделать всё правильно. Отбойник скальной стены будет отражать тепло к отбойнику-навесу, под которым расположится он. С помощью весла Кэп выровнял песчаную площадку для тела и завалил её в несколько слоёв сухой травой, которая лежала под чьей-то просторной палаткой.

Сегодня будет и сухо, и мягко. Боясь росы (а она здесь равнозначна ливню), он установил в двух с половиной метрах от стены свой наклонный отбойник тепла. Оттяжки закрепил камнями. Скалы противоположного берега Сулы ярко светятся от долгоиграющего заката. Если вдоль Щучьей

подняться метров пятьдесят, солнце ещё будет видно в проёме чёрного резного силуэта разновеликих елей. А потом в полнеба будет пылать долгий бронзовый закат. Здесь очень поздно умирают краски дня.

Осталось разжечь костёр самым простым способом. В ход пошёл обломок кремня, болт (спасибо заводу-производителю!) и кусок обуглившейся тряпки. Трут (запалочный материал) Кэп всегда доставал в самый последний момент, когда всё уже настроено. Тряпка прижата к кремню. Несколько ударов кресала (болта) – и огонь добыт. Точнее, тряпица тлеет. Как говаривал отец, «воздух под носом есть». Решил, что сегодня обойдётся тем, что есть. А значит снова уха, жареные на углях хариусы и чернично-голубичный компот без сахара, который всё ещё покоится на глубине не менее полуметра. Всё отработано до автоматизма: отбойник установлен, электроды стоят горизонтально, вода в банках закипает. Промытая рыба на согнутую вдвое проволоку-шампур нанизана и подсыхает.

Кэп во время ужина несколько раз поглядывал на противоположный берег Щучьей, где в лесу есть оборудованная стоянка. В прошлом году с нами поделились излишками продуктов ребята, которые пришли сюда «на моторах». Кроме того, он там нашёл бутылку сахара. А именно его требовал сегодняшний компот.

Решил спать без сапог, но в двух парах портянок. Кроссворды, вероятно, не понадобятся. Положив ствол на ствол три дерева, камнями прижал их, чтобы они ночью не вздумали перемещаться в его сторону. Весло по привычке поместил рядом, запасные дрова – тоже. Подумав, на портянки нацепил «мокроступы». Между двумя отбойниками, да на мягкой траве, да после такого длинного дня...

Кэп проспал своё счастье: огонь погас. Несколько дымков подсказывали, что всё исправимо. Он достал из вещмешка бересту, часть из которой он давно превратил в «скрижали», где в сокращении описывал главные события дня. Отрезал незаполненную часть бересты, раздул пламя, подбросил дрова и снова заснул.

11. Азарт сильнее обстоятельств

Проснувшись от холода, понял, что костёр догорел. Несмелое солнце пыталось согреть акварельное утро. Белёные стебли травы подсказывали, что ночью был заморозок. Сколько дней придётся провести среди этих безрадостных красот?

Раздул костёр и подбросил дрова. Почему-то не было особого желания раскапывать продукты. Чувство самодостаточности или апатия?

Он достиг цели, к которой стремился 10 дней. С любопытством стал вытряхивать на циновку всё, что у него было с собой, что ему не понадобилось до сегодняшнего дня. Он всегда исходил из принципа, что нужно брать с собой не то, что может пригодиться, а то, без чего нельзя обойтись. Он это называл принципом разумной достаточности.

В этот раз он понял, что без многого обойтись можно. Ему ежедневно не хватало только ножовки. На свет появились две проволоочки, три гвоздя (один из них большой), обрезанный фрагмент воротника рубахи, превратившейся в портянки, и «лишняя» консервная банка, в которой он при необходимости мог бы обуглить воротник.

В следующий раз он ни за что не откажется от сборника кроссвордов, который по ночам может давать тепло, а при необходимости – и рыболовную снасть. Желательно, чтобы кроссворды были неразгаданными. Это теперь обрывки верёвок были лишними, но ведь с их помощью он стачал вещмешок и крепил тент и ветрозащиту. У него была и ложка-самоделка, которой он практически не пользовался, а также два дежурных куска бересты, которыми он в одну из холодных ночей обжимал (притом, без всяких верёвок) своё тело. На одном он несколько дней вёл краткие дневниковые записи. Сегодня ночью фрагмент бересты помог развести огонь.

На камне стоял «кораблик». Снимать ли с него оснастку? Или пусть послужит кому-нибудь ещё? Он достал из кармана ветровки последний мусорный пакет и положил в него две дощечки (одна из них с готовой выемкой) и «морковку», кусок кремня и болт, презерватив и свёрнутую в кольцо проволоку, кусок фольги и батарейку. Туда же отправил мешок с запалочным материалом, кусками обожжённой ткани и сухими древесными угольками. Там же оказался и кусок бересты, на котором было написано: «Средства для разведения огня. Испытано на себе». Расшифруют ли его послание? Подумав, он изъясил из мешка проволоку и нанизал на неё промытые тушки хариусов.

– Электроды тоже нужны в нашем деле, – подумал Кэп, жаря шашлык из рыбы. Он отбежал в сторону и сорвал веточку можжевельника. Он всегда добавлял можжевельниковый аромат своему изысканному блюду.

– А компот кисловат, – решил он и после завтрака пошёл на раскопки.

Сначала он раскопал продукты, которые не спешил использовать. В полуметре от поверхности лежали в бутылках из-под молока рис и гречка,

сахар и соль, подсолнечное масло и конфеты – всё то, что могло бы скрасить не только одиночное существование. Под продуктами лежал и мешок с камнями, который он не пожелал таскать туда-сюда. Там же находился тщательно упакованный пакет с парадно-выходной одеждой. Главное, добраться до мест, где она может понадобиться.

Проволоку он вернул в мешок, который тщательно завязал и положил на самом видном месте. Рядом оказался вещмешок, от которого был отвязан ремень, сменивший верёвку.

Далее начал раскапывать вторую яму, из которой были извлечены два надувные кресла.

– Это, конечно, барство, – подумал Кэп, но тут же надул одно из них и, усевшись поудобнее, стал обозревать любимый пейзаж, который до завтрака считал безрадостным. Щучья мощной струёй впивалась в упругое тело Сулы. Справа рыжели скалы Больших Сульских Ворот.

– Если кто-то появится, – решил он, – понадобится несколько минут, чтобы собраться. Кэп стал развязывать повидавшую виды циновку, которая практически рассыпалась под его руками. Отбойник-навес он не посмел снять.

Маясь от вынужденного безделья, стал делать «балду», с помощью которой можно ловить хариусов в быстротоке Щучьей. Он обжёг две проволоочки и на свежевырезанной «морковке» «балды» (тяжёлого поплавка, который можно забросить на большое расстояние) сделал петельку. Отвязал шнур с «мушками» от «кораблика» и привязал к нему «балду».

Первый же заброс оказался результативным. Хариус был мельче всех предыдущих, но он был. Кэп аккуратно освободил рыбу и отправил в свою стихию. Шнур снова привязал схватывающим узлом к верёвке «кораблика». Распрощался с «мокроступами» (весь крепёж оставил на месте). Сходил за дровами, которых хватит и на обед, и на всю следующую ночь.

Дописал южную песню, которая давно крутилась в его голове. У неё даже появилось название:

Ручей моей памяти

Ладонью привычно прикрою луну.
Неполным затмением пользуясь,

По звёздам бреду напрямик в ту страну,
Которая с детства запомнилась.

Как древний пастух, я читаю траву,
Примолкших кузнечиков слушаю.
Живя на природе, я ею живу,
А может ли быть что-то лучшее?

Пугливой форелью играет луна,
Дробится в ручье звёздной россыпью,
И мелкий ручей оказался без дна,
К нему я припав, эти звёзды пью.

И сразу – порог, ясноглазая мать,
С работы отец возвращается.
Как славно, когда есть кого обнимать
И стрелки обратно вращаются.

Я с грядки созревший огурчик сорвал,
Хрустящей заел хлебной корочкой
И вмиг двухколёсного друга узнал,
С которым гонял в детстве с горочки.

Я к велолюбимцу всем телом приник
И жму на педали старательно,
Вдали меня ждёт повзрослевший двойник
Мы встретимся с ним обязательно.

Неизвестно, сколько дней ему суждено провести в этом месте. Чтобы чем-то себя ещё развлечь, решил перебраться через Щучью и осмотреть лесную стоянку напротив. В прошлом году он украсил её громадным белёсым черепом лося. От нечего делать (такого давно не было) он залез в «непромоканцы», взял в руки весло и в двухстах метрах от слияния перешёл реку.

Стоянка разочаровала: ни черепа лося, ни сахара. Правда, возле кострища стояла бутылка с крупной солью, которой у Кэпа было много. Если придётся остаться в этих краях на зиму, пригодится. Вернулся в лагерь тем же путём. Снял «непромоканцы» и решил, что часов одиннадцать, и пора приготовить какую-нибудь кашу.

– Где каша, там и компот, – подумал он и отправился за черникой, которую приметил, когда ходил в тайгу за дровами. Предварительно подбросил в костёр дрова.

Через двадцать минут он, возвращаясь, увидел в километре от себя жёлтую точку, которая по мере приближения всё больше напоминала ярко-жёлтый банан, на котором в Ялте катают отдыхающих. Да, это была лодка, на которой пришли напарники. Кэп сидел в кресле и наблюдал, как лодка делала дугу, обходя струю воды быстрого притока.

– Гречку или рис? – спросил Кэп буднично, как будто они и не расставались. Он взял в лодке котелок, бросил в него рис и, промыв, начал варить. Впервые он пользовался ложкой, а компот был с сахаром.

Напарники пытались рассказать, как они его искали (как они его потеряли, они не говорили). Кэп поблагодарил их за экстравагантный способ подарить ему творческий отпуск и практикум, на который самостоятельно он не решился бы.

Он обжёг консервные банки, расплющил их и спрятал в тайге под камнем. Как ни в чём не бывало сел в лодке на своё место. Всё остальное было весьма обычным. Через два дня оказались в Коткино, затем на Печоре, далее в Ростове-на-Дону и в Ялте. В пути не отягощали себя объяснениями и воспоминаниями. А зачем? Каждый получил свою порцию радости.

Дома, вытряхивая всё из карманов рубашки, чтобы отправить её в стиральную машину, обнаружил горсть пуговиц и вспомнил всё, что было. А, впрочем, и не забывал.

О себе без лирики

Вульфийус Игорь Гарьевич – учитель русского языка и литературы Ялтинского УВК «Школа-лицей № 9». Отличник образования. Ценю в людях профессионализм и преданность делу, жизнелюбие и оптимизм.

Учитель и путешественник, поэт и бард, один из организаторов скаутского движения в Украине, скаут-мастер, руководитель тренинговых и игровых программ Ассоциации скаутов Украины. Провёл десятки скаутских лагерей, авторских игровых, экологических, познавательных программ и эколого-краеведческих экспедиций. В течение 22 лет проводил Всеукраинский скаутский джембори «Су Учхан – Встреча друзей»,

на который ежегодно съезжалось от пятисот до полутора тысяч скаутов страны. С 2014 года провожу всекрымский джембори «Ак-Кая – Встреча друзей». Являюсь автором «Программы развития и саморазвития скаутов Украины». В 2012 году награждён Золотой медалью за значительный вклад в развитие скаутинга в Украине. В 2014 году за военно-патриотическую работу с молодёжью награждён юбилейной медалью «70 лет освобождения Ялты»

Написал десятки брошюр и справочников для молодёжи, а также книги «Движение и преодоление», «Игры для подростков, которым вместе быть интересно», сборник стихов и песен «Соранг», книги афоризмов «Всегда ли радуется гармония в природе?» и «Сентенции», «Тематический словарь-справочник по теории стихосложения», «Словарь топонимических основ Крыма», «С топонимическим словарём по ЮБК и Главной гряде Крымских гор», «Говорите и пишите по-русски правильно», «Слова-интервенты русского языка», «Игры наших детей». В настоящее время стал регулярно размещать свои материалы в Интернете. Разработал авторское оформление кабинета русского языка и литературы. Мои воспитанники

регулярно становятся призёрами олимпиад по русскому языку и литературе, краеведению.

Постоянно участвую в литературно-краеведческом проекте «Всё о Крыме». Собрал вместе с воспитанниками материалы для школьного краеведческого музея «Мир материальной культуры Крыма» (более полутора тысяч единиц хранения), где представлены палеолит и неолит, античность и средневековье, Крымская и Великая Отечественная война, история родного города. Читаю лекции для краеведов и экскурсоводов Ялты.

Неоднократно был руководителем международных экологических волонтерских лагерей в Крыму. 32 года был общественным горноспасателем, участвовал в тушении многих десятков горнолесных пожаров и снимал людей со скал. Будучи членом спелеосекции Ялтинского горного клуба им. Дмитриева, исследовал не одну сотню пещер, был неоднократным чемпионом Крыма по технике спелеотуризма («альпинизма наоборот»). Сейчас передаю свой опыт молодёжи.

Более 35 лет руковожу туристами-водниками Ялты, организовывая спортивные сплавы на плотах и катамаранах по горным, таёжным и тундровым рекам СНГ (Кавказ и Алтай, Саяны и Байкал, Южный, Северный и Полярный Урал, Карелия и Кольский полуостров).

Провёл 30 Фестивалей авторской песни памяти горноспасателя Артура Григоряна, с которым в 1987 году во время спасательных работ попал в лавину. За эти годы Фестиваль стал одним из значительных событий в культурной жизни Украины и Крыма и собирал ежегодно от 120 до 140 бардов СНГ. В этом году участниками фестиваля стали более 80 бардов от Москвы до Магадана.

Более 20 лет являюсь главным судьёй состязаний студентов и школьников Большой Ялты по игре «Что? Где? Когда?» в городском клубе «Интеллектуал». В течение 15 лет тренируемые мною команды «Братья по разуму», а затем «Шестое чувство» являются чемпионами города.

В 2022 году отметил 50-летие работы в школе-лицее № 9, а руководимый мною туристско-краеведческий скаутский клуб «Грифон» – своё 30-летие. В течение 15 лет ежегодно провожу авторскую туристско-краеведческую экологическую экспедицию для молодых выживальщиков – «Киммерия». Увлекаюсь минералогией, рисую, создаю нетрадиционные интеллектуальные и развивающие игры для молодёжи, в том числе и по русскому языку и литературе.

Близкий-далёкий друг Гарич (от редактора А. Беленко)

Близкий – ближе не бывает, настолько близок по духу, восприятию событий, отношению к миру и людям. Далёкий – дальше не бывает, потому что Гарич уже покинул этот мир.

С Игорем Вульфiusом я познакомилась в 2006 г., почти сразу после моего переезда в Ялту. Сперва воспринимала его как одного из многочисленных знакомцев-друзей моего мужа, Ефима Зайдмана. Но вскоре Игорь (он же Гарич, он же Кэп – для друзей) выделился из общей массы, благодаря книге «Ялта», где после исторических статей о городе, в последнем разделе под названием «Неординарные люди Ялты», сошлись на соседних страницах два старинных друга, мой Ефим и Гарич.

А потом были взаимные приглашения в гости, участие в фестивалях, встречи в Горном клубе, совместные походы. Именно Гарич заразил Ефима любовью к минералам, это он привёл своих школьников на закладку в ялтинском парке Аллеи Дружбы совместно с эсперантистами. Игорь со своей гитарой приходил на все мероприятия, которые устраивал Ефим.

Творческий человек! Он, решив вдруг изучать язык эсперанто, внёс своё в процесс обучения: домашние задания выполнял по-своему, вместо упражнений делал переводы поговорок со словарём, готовился петь эсперанто-песни. Ефим, учитель и друг, и злился, и восхищался одинаково бурно, когда Игорь приносил ему очередной ворох листов с текстами. Эти импровизированные спектакли надо было видеть!

Сотни, наверное, даже тысячи детей и взрослых, школьников и туристов, зрителей и участников бардовских фестивалей, спелеологов и горноспасателей, участников детского скаутского движения с незабываемыми походами и кострами, которые надо было зажигать одной спичкой, получили от него частичку душевного огня, который будет их согревать до конца дней.

И я среди них.

Очень сильно сблизила нас внезапная гибель моего мужа. Гарич был одним из последних, кто общался с ним, и первым, кто прислал свой рассказ о Ефиме Зайдмане для моей книги о нём.

После моего переезда в Израиль у нас возникла переписка, письма Гарича не были частыми, но они всегда были большими, подробными, иногда с продолжением.

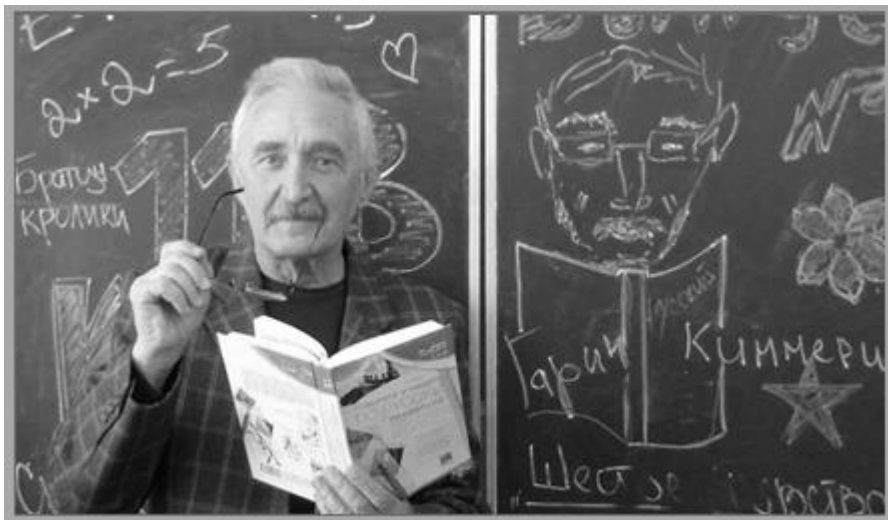
Изредка он присылал мне свои новые стихи и рассказывал о походах. Мы с ним обсуждали судьбу выставки минералов в Горном клубе, наследие Ефима. И от него самого я узнала, что его несправедливо уволили из школы, где он много лет преподавал русский язык и литературу. Через три месяца, 4 апреля 2024, его не стало. Два моих письма остались без ответа.

Очерк Гарича (Игоря Вульфюуса) «Здесь правят хищники» печатается с разрешения его семьи.

Фото – автора или из его архива.

Из официального сообщения на городском сайте Ялты:

«4 апреля 2024 года на 77-м году ушел из жизни известный и уважаемый ялтынец, Заслуженный учитель Республики Крым, *ИГОРЬ ГАРЬЕВИЧ ВУЛЬФИУС*.

Уникальный человек, талантливый и безгранично любящий своих учеников, прекрасный семьянин – таким Игоря Вульфюуса будут помнить ялтынцы разных поколений. Его по праву называли человеком-легендой.

Свыше полувека Игорь Вульфius отдал педагогической деятельности и воспитанию подрастающего поколения, долгие годы был учителем русского языка и литературы в школе-лицее №9, возглавлял кружок в Городском подростково-молодёжном центре, был одним из организаторов скаутского движения на территории бывшего СССР, свыше двух десятков лет был главным судьёй открытого чемпионата студентов и школьников Большой Ялты по игре «Что? Где? Когда?» в городском клубе «Интеллектуал».

Игорь Вульфius организовал десятки авторских игровых, экологических, познавательных программ и эколого-краеведческих экспедиций, спортивных сплавов по горным, таёжным, тундровым рекам Кавказа, Алтая и Карелии, был шестикратным чемпионом Крыма по технике спелеотуризма и бессменным организатором фестиваля авторской песни «Зимняя Ялта» памяти горноспасателя Артура Григоряна, с которым попал в лавину.

Игорь Вульфius написал десятки брошюр, справочников и книг для молодёжи и не только, а также сборник стихов и песен «Соранг», книги афоризмов «Всегда ли радует гармония в природе?», «Сентенции», «Ритм жизни», «Ум не в годах, а в нашей голове», «Тематический словарь-справочник по теории стихосложения», «Словарь топонимических основ Крыма», «Говорите и пишите по-русски правильно».

За добросовестное отношение к работе, активную общественную жизнь, педагогический талант Игорь Гарьевич Вульфius удостоен звания «Заслуженный учитель Республики Крым», отмечен медалями, благодарностями, Почётными грамотами, неоднократно заносился на городскую Доску почёта города Ялта...

Из обращения Игоря Вульфiusа к выпускникам ялтинской школы-гимназии №9 в 2022 г.:

- Оценки, которые вы получали в школе, не идут ни в какое сравнение с оценками, которые вам может выставить жизнь.
- Выбирайте любые дороги, но главное, чтобы это был путь добра, чести, справедливости!
- Каждый ваш день должен быть насыщен желанием постигать новое, великое, неизведанное!

– Пусть ваш жизненный путь сопровождается наличием большого количества настоящих друзей!

– Если вы перестанете грести вёслами, река жизни непременно вас будет сталкивать назад. Поэтому – гребите изо всех сил!

– Пусть ваши все желания сбудутся! И пусть ваши планы не будут нарушены какими-то обстоятельствами. Будьте счастливы!

<https://youtu.be/2WgDFPu4jlc?si=gFAr7Rkk13E3pPMU>

Сведения об Игоре Вульфиусе приведены также на сайте [bards.ru](http://www.bards.ru/person.php?id=2946):
<http://www.bards.ru/person.php?id=2946>

Любительская запись двух песен Гарича с бардовского фестиваля «Зимняя Ялта» 07.01.2015:

<https://www.youtube.com/watch?v=uySU2ApZbQY>

На надгробной плите Игоря Вульфиуса – два последних четверостишия из его песни «Ночные костры».

Ниже приводятся аккорды и полный текст этой песни.

Ночные костры	
h e f' g f' e d h' d h f' Em А я был стрелкой от песочных часов, Е E7 Am И сердце тикало, и сам был не стар, Сm G Свои песни пел друзьям у костров — А D7 G (H7) Струны рвал по ночам у гитар.	H7 Em И в языческом братстве ночном, Am D G Где ценили не вокал, а слова, Am H7 C Эти песни стали лучшим вином, Am H7 Em Согревали, как не греют дрова. h e f' g f' e d h' d h f' Em А я был стрелкой от песочных часов...

А я был стрелкой от песочных часов,
И сердце тикало, и сам был не стар,
Свои песни пел друзьям у костров —
Струны рвал по ночам у гитар.

И в языческом братстве ночном,
Где ценили не вокал, а слова,
Эти песни стали лучшим вином,
Согревали, как не греют дрова.
В песнях этих каждый смел и дерзал,
Расставался, чтобы встретиться вновь,
Совесть с памятью изрядно терзал
Ради чувства, что зовется любовь.
В опрокинутом небе ночном
Звезды нам рисовали судьбу,
И не верилось, что завтра ж начнём
Набивать себе шишки на лбу.
Я мечтал, чтобы каждый сберёг
На всю жизнь радость песен и встреч,
И романтикой дальних дорог
Хоть на миг всех пытался увлечь.
Но как искры от ночного костра
Разлетелись друзья в никуда.
Даже если кто-то скажет: «Пора!» –
Вместе нас не собрать никогда.

А я был стрелкой от песочных часов...

Пейте на здоровье!

Что, когда и сколько? А стаканчик с утра пораньше?

Для обеспечения физиологических процессов в организме мы пьем ежедневно. Одни предпочитают чай и кофе, другие соки и газированную воду. А некоторые, и особенно молодежь – так называемые энергетические напитки, не отказывая себе порой и в более крепких. Однако, чтобы они ни предпочитали, наиболее полезным и необходимым напитком всегда остается вода. Она обеспечивает жизнедеятельность организма и принимает участие в многочисленных процессах; обеспечивает транспортировку и доставку питательных веществ во все органы и ткани, растворяет минеральные соли, обеспечивает процессы терморегуляции, выводит продукты обмена.

Но чтобы организм функционировал нормально, следует соблюдать определенный питьевой режим, и тогда поступающая жидкость будет обеспечивать все физиологические процессы и способствовать здоровью. Израильская жара и порой изнуряющее лето провоцирует нас пить воду и напитки как можно более холодными. Но для организма это нежелательно.

Вода, охлажденная до температуры ниже 15 градусов С, не утоляет жажду. С такой пониженной температурой она, охлаждая слизистые желудка и кишечника, вызывает спастическую реакцию, что тормозит процессы пищеварения и всасывания. В связи с задержкой переработки пищи в желудке наступают процессы брожения, накопление шлаков и вредных токсинов, которые всасываются в организм, вызывая его интоксикацию. Одновременно из-за спазма желчного пузыря возникает и застой желчи.

От холодной воды организм не пробуждается, а испытывает шок, ответно-рефлекторная реакция которого сопровождается спазмом сосудов и слизистой желудка, тормозя выделение желудочного сока и переработку пищи. При этом включаются механизмы выработки и расходование энергии для нагревания холодной воды до температуры тела. Этих излишних энергозатрат организма вполне можно избежать при употреблении воды в подогретом виде.

И, как утверждает восточная медицина, худшее, что может сделать человек для своего организма – пить холодную воду или напитки со льдом. Народная медицина Востока утверждает, что, употребляя горячую воду, человек восстанавливает баланс энергий инь и янь в организме. Как считают ученые Китая и не только, секретом вечной молодости является горячая вода. Тибетские врачи уверены, что стакан горячей воды с утра натошак продлевает жизнь на 10 лет! В Китае с детства учат детей выпивать перед едой подогретую воду. Даже в самое жаркое время года они носят с собой в школу термос с горячей водой. В кафе и ресторане, прежде чем принести клиенту заказ, ему подают чашку горячей воды. Стакан такой воды уже с утра запускает пищеварительную систему очень мягко, без шока и перегрузок. Подогретая, она расслабит мускулатуру пищеварительных органов, очистит стенки желудка от остатков пищи, желудочного сока и нормализует кислотно-щелочной баланс. При этом налаживается обмен веществ, очищается кровь и усиливаются процессы детоксикации тела через кожные покровы, почки и лимфатическую систему. Улучшается отток желчи.

Следует выработать привычку пить горячую воду. Ученые – кстати, и не только китайские – считают весьма полезной воду, подогретую до температуры 40–45°C. Она улучшает перистальтику кишечника, расширяет сосуды, успокаивает нервы, умиряет головные боли, ускоряет обменные процессы, лучше выводит токсины, очищает кровь и способствует профилактике заболеваний, и конкурент на универсальное средство от недугов. Не размышляйте, зачем пить воду натошак, а действуйте! Не кипятите, а подогревайте каждое утро чашку (а можно и термос воды на день) и пейте медленно мелкими глотками. Не спешите завтракать, подождите с приемом пищи около 20 минут. А чтобы увидеть результат – попробуйте это сделать уже завтра.

Какую, обычную или подогретую, воду пить натошак – это ваш выбор. И, тем не менее, придерживайтесь настоящих рекомендаций. В каком количестве нужно пить воду – почти извечный вопрос, на который ответы неоднозначны. Широко распространено мнение, что нужно пить до 8 стаканов воды в день. Большинство экспертов сходится на том, что воды не нужно больше, чем просит наш организм. "Если вы прислушиваетесь к нему, он сам подаст вам сигнал о том, что надо пить", - отмечает Кортни Киппс, спортивный врач-консультант. В здоровом организме мозг засекает, когда тело начинает обезвоживаться, и создает ощущение жажды, чтобы мы начали пить.

В течение дня здоровому человеку следует пить чистую воду из расчета 30 г на килограмм массы тела, в среднем около 1,5–2 литров в сутки. К часто встречающимся рекомендациям пить ее более 2-х литров относитесь с определенной мерой осторожности, анализируя свое состояние здоровья. При наличии заболеваний почек, сердца и сосудов, повышенного давления и другой патологии этот важный вопрос о количестве употребляемой воды следует согласовать с лечащим врачом

Правильное время для употребления воды

Наиболее оптимально – за полчаса до еды и через час после.

– Утром – 1 стакан (подогретой) воды после пробуждения способствует активизации внутренних органов.

– За 20–30 минут до еды – 1 стакан воды улучшает пищеварение.

– Перед водными процедурами (ванна, баня, сауна).

– 1 стакан воды поможет снизить артериальное давление.

– Перед сном (желательно до 22.00 ч.).

– 1 стакан воды снизит вероятность развития инфаркта и инсульта.

– Не старайтесь утолять жажду охлажденной водой.

– Не отказывайте себе пить воду во время жары и при наступающей жажде.

Соблюдайте питьевой режим!

Это будет способствовать нормальным процессам обмена в организме, улучшению пищеварения и профилактике заболеваний. Пейте на здоровье!

С наилучшими пожеланиями.

Кандидат медицинских наук Семен Златин.

Сломать Систему

Яростно заметает метель, занося улицы высокими сугробами. Не хочется выходить из дома, тем более что занятия в универе перенесли на удаленку. ЕИС, Единая Имперская Сеть, сама включит вмонтированный в стену экран, заработают камеры и микрофоны. По ходу лекции умные устройства просканируют твой вид и состояние – внимательно ли слушаешь, спокоен или нервничаешь, не блуждают ли глаза, выдавая лишние мысли, не имеющие отношения к предмету.

Но до лекции еще полтора часа, и Альберт решил рискнуть. Семеро друзей – может быть, последних отчаянных в Империи – решили отметить приход Нового года. Да, они отмечают его каждый год, а не раз в пять лет, как положено, и не по Имперскому календарю, а по вражескому, убежавшему вперед от священного на 18 дней. Каждый покупает один необходимый для праздника предмет, но Альберт решился: сегодня он купит сразу два, чтобы не подвергать риску Алину. Шампанское и бенгальские огни... В разных магазинах, чтобы не привлекать к себе внимание. И завтра вечером они соберутся... Впрочем, никто из них не выдаст этого места и даже не назовет его, потому что уши есть не только у стен, но также у пола, потолка и фонарного столба.

Он попал! Вторая покупка была замечена вездесущей ЕИС. Идентификационная карта отвратительно запищала, и вспыхнуло сообщение. Завтра, в полдень, Альберту следовало явиться «на беседу». Не стоило себя обманывать. Сочувственный разговор быстро перейдет в допрос с пристрастием, а за этим последует либо добровольный самоотверженный труд по добыче стратегического сырья, либо героическая добровольная смерть в минутном эпизоде тысячелетней войны с «кругом врагами».

Оставалось последнее средство: уйти с радаров. Это была одна из стратегических заготовок их мятежной компании; рано или поздно следует пустить ее в ход. Считалось, что скрыться от Системы невозможно... Проверим! Титановый ключ мягко прикоснулся к трем точкам на

всевидающей ИК. Белый индикатор связи моргнул... и из белого стал зеленоватым. Пока всё, как описывал Валдер, электронщик с доступом к кое-каким возможностям системы. Но... кажется, что-то идет не по плану. На экране высветились личные данные Альберта, потом имена и фотографии родителей. ИК тихо зажужжала, и данные об отце погасли... Появился значок ожидания, а потом черная область на экране снова зажглась; на ней рядом с данными о матери появилось незнакомое лицо и надпись неизвестными Альберту буквами. Какая-то путаница в программе.

Впрочем, некогда разбираться. Надо быстрее продвигаться к Рваному Лесу. Странное место: вход в него строгойше запрещен, но отследить там человека, как ребята уже проверяли, невозможно! Лес наполнен пространственными парадоксами – непрерывными сбоями навигации, внезапными изменениями рельефа, температурными аномалиями... всего не перечислишь.

Пройдя многократно отработанным путем, странно искривленным, но позволяющим наверняка выйти к Убежищу, Альберт оказался на пороге небольшой пещеры, где друзья складывали припасы на трудное время. Для Альберта оно уже наступило. Он направился к густому кустарнику, который летом был увит плющом и колючими плетями ежевики, а сейчас – завален сугробом... Неожиданно поляна осветилась мягким, но ярким белым сиянием. Белый конус, выхвативший из мрака центр поляны, исходил от серебристой капсулы, зависшей в воздухе. Всё пропало! Фишка не сработала, его выследили. Ни оружия, ни яда у Альберта, само собой, не было. Там, внутри... но стоит ли выдавать тайну Убежища; может быть, ее еще не разгадали?

Капсула мягко опустилась, и из нее вышла высокая, очень высокая женщина в атласном розоватом платье, которое показалось Альберту слишком прохладным для такой погоды..., и оно никак не тянуло на форму копа.

– Так ты сын Джарва? Как я рада, что тебя нашла!

– Я... – Альберт тянул время, не зная, на пользу ему будет ошибка Системы или выйдет еще хуже.

– Я понимаю, о чем ты думаешь, – мягко произнесла леди в розовом. – Главное, не бойся, я не причиню тебе вреда. Ты, кажется, попал в непростую ситуацию...

Альберт внезапно решился – сам не понял, как это произошло.

– Это ошибка, – глухо сказал он. – Сбой ИК. Вдруг отказали и спутались сразу все функции.

Женщина рассмеялась.

– Отлично придумано! Но, кажется, не совсем случайный сбой. Ты отключился от Имперской Сети, и мы поймали сигнал...

Альберта осенило:

– ВЫ??? Вы... то есть, вы враги Империи и нашли меня здесь? Зачем?

– Ну, видишь ли, ты наполовину НАШ. Твой отец был из других мест, о которых ты, возможно, ничего толком не знаешь. Он погиб здесь, и другой человек пришел вам с матерью на помощь, дав свое имя.

– И вы за мной прилетели?

– Для этого были серьезные резоны. Не последний из них – ты мой внук. Я буду рада, если ты улетишь со мной, да и выбор у тебя не очень...

– Прямо сейчас? – Что-то мягко оборвалось у него в спине, ноги подкосились.

Вот так улететь в неизвестность, которой запугивали с рождения? «Кругом враги, они вообще не люди... Наше призвание и счастье – в борьбе с ними. Вы учитесь много лет техническим и военным наукам, чтобы обрести способность уничтожить Мировое Зло, которое всегда против нас».

Женщина посмотрела на него с сочувствием. Что-то такое было в ней, внушающее доверие... Но решиться непросто. Одним махом разорвать все связи, никого ни о чем не предупредить?

– Нет, – сказала она, как будто не заметив этого смятения и путаницы, – прямо сейчас это невозможно. Эта капсула может провезти через границу лишь одного человека. Я пришлю за тобой другую, которая

вмещает двоих-троих. Завтра, перед рассветом. В капсуле будет другой пилот, а я буду ждать на той стороне. Если решишься. Я буду ждать.

Она говорила спокойно, но он увидел и ее чувства тоже. Между ними так быстро установилась связь... Наверное, они и вправду близкие родственники.

– Мне надо снова прийти сюда?

– Мы найдем тебя в любом месте Леса. За его пределами – не сможем.
– Она посмотрела ему прямо в глаза. Мягко положила руку ему на лоб; рука была неожиданно теплой. Нет, она ничего ему не внушала, просто в голове у него прояснилось, и многое стало понятнее.

Капсула исчезла в темном небе. Альберт осознал, что идти в город невысказано. Он нарушил законы. Исчез из поля наблюдения ЕИС. Не явился на лекцию по Высшим Военным Технологическим. С ним всё ясно – он в бегах. Но рядом Убежище. Придется протоптать к нему небольшую тропку – и уже снова начинало мести, вряд ли его здесь так сразу найдут. Кроме тех, кто... тех, с кем он не мог бы не проститься; да он просто обязан сообщить обо всём хотя бы гению информатики, их неформальному вожаку.

Уютно устроившись в Убежище, Альберт набрал на ИК два кода, которые означали: «Я сломал Систему. Я в Убежище». Они были направлены Валдеру. Поколебался немного и послал второй код Алине. Последнее было полностью лишено логики. Раньше он долго доказывал себе, что Алина – самая молодая и самая хрупкая из всех, и именно из-за этого он решился взять на себя ее часть риска... Так неудачно. Или напротив, привалила неожиданная удача. Нет, рано расслабляться, до рассвета еще далеко, и он будет рисковать дальше, будет действовать. Ведь иначе друзья начнут его искать и тоже попадут в историю. И тут им может совсем не повезти. И еще – у него начали мелькать мысли, не были ли доступны и связи Валдера не совсем теми, на которые он обычно намекал (или как они понимали его намеки).

Как ни странно, первой прибежала Алина. Ее девичья интуиция часто схватывала краткие проходы в изменчивой топографии парадоксального, нелинейного Рваного Леса – и вот она уже здесь!

Его обожгли радость и отчаяние одновременно, он не знал, что сказать... Едва завязавшиеся, зеленые ещё чувства мгновенно созрели под жаром обстоятельств.

И тут вовремя подросел Валдер. Эмоции отступили; Альберт спокойно и кратко всё рассказал. Валдер, казалось, не удивился рассказу про летающие капсулы и не допустил никаких намеков насчет Алины. Он похлопал Альберта по плечу.

– Лети, старик! Уверен, что тебе повезет, да и нам когда-нибудь тоже. Я всех предупрежу. При первой возможности свяжусь и с твоей матерью.
– И повернулся к Алине: – Пойдем?

– Нет, я посижу еще немного, слишком быстро бежала сюда, и напугалась до темноты в глазах!

В эту ночь между ними как-то легко произошло то, о чем в Империи невозможно было и думать до заполнения десятка анкет, прохождения курсов по воспитанию будущих безупречных граждан, а также генетических тестов на совместную продуктивность.

За час до рассвета до него дошло, что они натворили.

– Я никак не могу теперь улететь, – воскликнул он в отчаянии, – что будет с тобой?

– Мы полетим вместе, – твердо сказала Алина. – Когда Валдер ушел, я тоже сломала свою ИК.

Пилот не удивился, что их двое. В капсуле не было иллюминаторов, лишь экран монитора, на котором кормчий направлял движение по сложным силовым линиям, иногда совершая резкие до головокружения маневры.

После приземления люди в форме увели их в разные стороны. Были вопросы, медицинские обследования, краткая беседа с новообретенной бабушкой. Здесь она держалась намного суше и формальнее, чем наедине с ним в лесу, обстановочка казенная не располагала к

родственным нежностям. Или заманила, и можно больше не усердствовать? Альберт постарался прогнать дурацкие мысли.

Алину он увидел лишь вечером. Она была, похоже, основательно напугана и перенервничала за день. Но вот они оба свободны, вместе в комнате просторного дома, где когда-то вырос его отец. Кто его знает, что будет завтра. А сегодня можно просто пройтись по улице, хотя бы вон до того угла – авось не заблудятся.

За углом оказалась городская площадь, от которой лучами расходились старомодные улочки с невысокими домами. А посреди площади сверкала и искрилась, гордо расправив ветки, пушистая наряженная ёлка.

Александр Крамер

Фрагменты немецкой жизни⁶

Жизнь — это множество разнообразных фрагментов. Жизнь в эмиграции — ещё более фрагментарна потому, что полна неизвестности. Мы внимательно и настороженно вглядывались в новую нашу реальность. Все очень сильно с тех пор изменилось в Германии. Но и сегодня я бы не выбросил из этих заметок ни единого эпизода. Таким было для нас начало. Потому ничего не хочу менять. Пусть будет так, как было тогда, когда я начинал писать эти фрагменты.

1

Немки-старушки, в большинстве своем, невысокого роста, худенькие и хрупкие; за покупками они ходят в старомодных причудливых шляпках, строгих темных платьях, кружевных перчатках и низких туфельках с тупыми носами... Увидишь — невольно улыбнешься их милому, отжившему век свой аристократизму. А поглядишь, как такая старушечка, в чем только душа держится, бодро крутит педали велосипеда, — и только диву даешься, да завидуешь по-хорошему. А как они доброжелательны и любезны, отзывчивы и деликатны... Прелесть просто, какие старушки.

Однажды стою я на остановке, жду автобуса, а рядом со мной стоит типичная такая, преклонного возраста изящная фрау; она только что вышла из универсама напротив и держит в руках небольшую стопку баночек с «Педигрипалом», кормом собачьим. Стоим мы себе совсем рядышком, солнышко весеннее светит, птички чирикают... Благодать! И оттого мы не просто стоим, а переглядываемся и изредка улыбаемся друг другу, делясь таким образом весенним своим настроением.

Тут подходит, не торопясь, к остановке матрона вальяжная — кустодиевских габаритов, широко за бальзаковский возраст шагнувшая — останавливается с нами рядом, видит, как мы замечательно улыбаемся, и становится ей, вероятно, завидно. Но вместо того, чтобы вместе с нами поулыбаться и не портить словесами пустыми тишину весеннего утра, поворачивается она к старой женщине и с нашим акцентом, который ни с каким другим нельзя перепутать, важно так спрашивает:

— Haben Sie Hunger? (Вы голодны?)

⁶ Рассказ печатается в авторской редакции.

Дело в том, что в немецком языке слова Hunger – голод и Hund – собака – немного похожи; и вопрос о том, есть ли у вас собака, звучит так:

– Haben Sie einen Hund?

Видите, как похоже! Особенно если учесть, что артикли (einen) наши не произносят совсем – непривычно.

Несчастливая бабушка, услышав столь странное предположение, просто подпрыгивает на месте, на лице у нее появляется выражение странно-обиженное, просто непередаваемое... Матрона же, не дождавшись ответа (нет бы увидеть, что что-то не так происходит), вопрос свой опять повторяет, да с напором, погромче (старуха же, может, не слышит):

– Haben Sie Hunger?

У старушки на глазах от обиды появляются слезы, и она, не в силах выслушивать дальше подобные инсинуации, торопливо семенит прочь от болтливой нахалки, а кустодиевский персонаж недоуменно разводит руками и в порыве простодушно-равнодушного негодования восклицает в пространство: «Вот ведь дура какая!»

2

Пришло и для нас в Германии время купить первый в жизни автомобиль. Мы с женой долго бродили по многочисленным автосалонам и автоплощадкам, примериваясь и прицениваясь, выбирая форму и цвет, мощность и возраст... Это было что-то вроде игры, развлечения, имевшего совершенно особенный привкус причастности к этому миру, и мы его, развлечение, длили и длили, не спеша превращать в реальность чудесное удовольствие; исполнявшаяся мечта не обладает такими многочисленными оттенками.

Наконец, на окраине города увидели в крошечном автосалоне ярко-красный фольксваген, который обоим мгновенно понравился и одновременно подходил по всем характеристикам и параметрам. Вот только цена была несколько высоковата, и, хоть и понятно было уже: нашли то, что нужно, жена предложила сначала зайти в салон и немного поторгаться.

Хозяин, среднего возраста немец огромного роста, бегал вокруг машины, открывая ее и закрывая, показывая и объясняя, расхваливая и уговаривая... Моя жена пустила в ход все свои женские чары, и хозяин – нормальный мужик – через короткое время, что и требовалось, «поплыл». Результатом «заплыва» стала приличная скидка, после чего мы пошли подписывать договор. Впрочем, пошли не мы, а жена, потому что хозяин

меня игнорировал и разговаривал обо всем исключительно с ней, будто бы я внезапно испарился из магазина.

Через несколько дней, оформив страховку (без нее вам машину не отдадут из салона) и получив номера, я, в условленный день и час, приехал забирать свой замечательный автомобиль. Герберт, хозяина звали Герберт, тут же вышел навстречу, сияя и восклицая непрерывно: «Как я рад! Как я рад!» Потом, заметив, что я один, он как-то странно посмотрел на меня и вдруг спрашивает: «А где же ваша жена? Почему вы ее не позвали? Она возле машины?» «Да нет, – говорю, – она на работе, у нее сегодня вторая смена».

Герберт внезапно ужасно расстроился, просто ужасно, мне даже неловко стало, будто я совершил какой-то проступок. «Ну ладно, идемте, – сказал Герберт, потускнев совершенно, – машина готова, вот ваши ключи, документы... Только, пожалуйста, зайдите ко мне в кабинет, всего на одну минуту». «Конечно, – согласился я, – конечно, идемте».

В маленьком кабинетике, где Герберт занимал почти все оставшееся от письменного стола и книжного шкафа пространство, он поднял руку и снял со шкафа... Только теперь стало понятно, почему он так сильно расстроился: он снял со шкафа роскошный, изумительный просто букет белых роз:

– Это вашей очаровательной жене. Обязательно передайте ей от меня привет. Обязательно. Счастливого вам пути.

3

Сегодня ей во что бы то ни стало надо было отметиться на бирже труда! Иначе плакала четверть пособия, и так не слишком большого. Однажды она уже это проходила, и наступать снова на те же грабли никакого желания не было. Вот только куда же девать малыша, ведь там часами можно сидеть. Ведь часами!

Ну что ж, придется на этот раз взять Женьку с собой. Другого выхода нет.

Она оторвала талончик и в ожидании, когда на табло над дверью загорится их номер, посадила малыша на колени и стала читать ему книжку.

Женька вначале вел себя смирно, слушал внимательно сказки, играл с газетами, разложенными на низком столике... Но чем больше времени проходило, тем раздраженной и неуправляемей становился мальчишка. К

середине второго часа он уже очень сильно устал и начал, как говорят у нас на Украине, казиться.

Чиновнице не повезло. Пик раздражения малыша совпал с вызовом мамы к ней в кабинет. Ребенок уже ни минуты не мог усидеть на месте, хныкал, злился, вырывался из рук, не давал разговаривать... Мама, увы, еще понимала немецкий неважно, а малыш ужасно мешал, все внимание уходило на то, чтобы как-то с ним сладить, какое уж тут понимание!

Обычно в заведении этом изумительно тихо, а тут безобразие такое творится! Чиновница – тощая белобрысая дама лет сорока – раздражалась все больше и больше, и от раздражения лицо ее становилось все краснее, а речь все громче, быстрее и непонятнее, и несчастная мама в конце концов вообще перестала что-либо соображать и, естественно, отвечать, сосредоточившись полностью на неугомонном ребенке. А тот гибким движением выкрутился внезапно из рук, соскочил с колен и стал носиться, как ненормальный, вокруг стола, вопя и сбрасывая попеременно на пол то письмо, то ручку, то папку...

И тут произошло нечто неправдоподобное! Чиновница, поняв, вероятно, что дальше будет лишь хуже, внезапно взяла себя в руки, успокоилась и... перешла на вполне удобоваримый... русский язык. После чего все уладилось в считанные минуты.

4

Начну с того, что за маленькую зарплату работать в Германии сегодня не выгодно. Выгодно в этом случае не работать совсем. Если зарплаты на полноценную (по здешним понятиям) жизнь не хватает, то соответствующие государственные органы до уровня полноценной жизни доплачивают (оставляя вам, впрочем, скромный приварок, чтобы не было окончательно несправедливо), а если вы совсем не работаете, то просто платят за все: квартиру, медицинскую страховку, лекарства, карманные расходы... Даже ежемесячный поход в кино и подарок близкому родственнику пособие социальное учитывает. И это – до конца вашей жизни. Впрочем, желающих разлюли-малиной немецкой полакомиться немного совсем. Соблазнов здесь предостаточно, а пособие – все же только пособие, да и статус социальный, честно сказать, не очень приятный.

Мы живем возле самого Балтийского моря. Совсем рядом – знаменитый немецкий курорт Травемюнде: тридцать минут на электричке или в автобусе – и вы на пляже. Однако, пляжи все платные, и дорогие

отменно. Неважно. В конце замечательной набережной есть местечко под солнцем для тех, у кого денег не густо. Мы между собой называем это место «русской поляной». Нет, здесь, конечно, не только «русские», но их всегда много, отсюда название.

А поляна роскошная, огромная, на зеленой подстриженной травке можно в мяч или в бадминтон поиграть на солнышке, а под старыми липами от того же солнца укрыться. Через набережную скоренько перебежали – и бултых с пирса в балтийские волны... Благодарь.

Однажды корреспондент местной газеты приехал на эту поляну в разгар рабочего дня и стал с простодушным видом подходить к отдыхающему народу и спрашивать, где народ шляпы такие оригинальные, необыкновенные покупает. Оказалось, что шляпки купили: на Канарах, Сицилии, в Тунисе, Египте, Израиле... Один безработный даже на Кубе панаму себе приобрел. Замечательный репортаж получился, без комментариев. И я их давать не стану.

5

Немцы учебу, которая меньше года длится, за учебу вообще не считают. А без свидетельства о специальном образовании – даже улицу убирать не доверят, не говоря уж о большем. Чтoб городской автобус водить, три года учиться нужно. Понятно! (?)

Так получилось, что в компьютерной школе, где я год целый конструкторские программы штудировал, рождественские каникулы совпадали с окончанием курса. После праздников экзамены оставались только – и все; и решили две эти даты совместить (немного досрочно) и пышно отметить, потому как три группы, по шесть-восемь человек в каждой, – механиков, архитекторов и дизайнеров – не совсем одновременно заканчивали, и другого такого случая – всем вместе собраться – больше не выпадало. А компания славная подобралась, все друг друга, как могли, поддерживали, разъясняли, показывали, группами, чтoб бензин лишний не тратить, в школу ездили, документы составлять помогали... Я один там был иностранец, так меня человек пять опекали, потому что компьютер совсем в то время не знал, а язык понимал еще очень и очень плохо, не говоря уже о терминологии – технической и компьютерной. Чудесный народ подобрался, честное слово.

А за праздничный стол садились мы всегда вместе – студенты и преподаватели, ведь разницы в возрасте и образовании между нами почти не существовало, да и обстановка в школе была домашняя, добрая.

Ну вот, составили списки, кому что купить, и 29 декабря, пустив все занятия побоку, с утра самого стали украшать свои классы и на стол накрывать, чтоб в 10 часов, когда по всей Германии наступает перерыв на завтрак, за стол можно было сесть и в компании теплой год грядущий отпраздновать.

Обычно на столе у нас было все магазинное, а тут, только мы за стол приземлились, входит Бернд Гродтке (он у нас Эксель и Аксес преподавал) и вносит на блюде огромный роскошный домашний торт. Но только мои однокурсники на торт никак почти не отреагировали, будто так и надо, будто им торты ежедневно пекут. Мало того, все знали, что Берндт не женат и живет со старенькой мамой и, значит, это не просто торт, а мамин...

Публика с удовольствием ела все покупное, а мамин торт лишь несколько человек попробовали. Так он почти весь на столе и остался, и Бернд его с грустной миной обратно в машину унес.

В общем, странная это история, но поскольку я подобное еще несколько раз потом видел, то понимаю, что есть в ней нечто закономерное. А вы понимайте, как знаете.

6

Гольфстрим проходит здесь совсем рядом. Оттого в местах наших всегда очень влажно, зим настоящих, морозных никогда не бывает; минус пять по Цельсию – почти что предел, но зато и лето часто холодное и сырое, ведь до родины Андерсена – чуть больше ста километров.

Когда зимним утром на улице минус и влажность процентов семьдесят, а то и все восемьдесят – караул просто, особенно если ночью еще и дождик прошел, тогда все вокруг покрывается толстой, прочной ледяной коркой, в том числе и машины.

Об этих природных фокусах нужно знать и заранее к ним готовиться. Я, разумеется, видел, как граждане по утрам стекла машин скребками дерут и бутылки со всякими жидкостями и аэрозолями на капот выставляют, но как-то значения особого этому не придавал. О, мне многому пришлось научиться в свою первую автомобильную зиму!

Зима началась только, когда в одну из ночей, при минусовой температуре, долго шел дождь; с неба просто тек жидкий лед, и наутро моя машина покрылась толстой, крепчайшей ледяною броней. Чтоб до замка добраться, да к тому же открыть – и думать нечего было. Побегал я в полной растерянности вокруг ледяного чуда и вдруг обнаружил, что над

замком багажника есть крошечный козырек, который... В общем, багажник мой, после некоторой маеты, взял, да открылся; обрадованный – несказанно, забрался через багажник – с помощью акробатических трюков – на место водителя и помчался скорей в мастерскую, благо маленькая мастерская находится недалеко совсем от нашего дома.

В мастерской, о которой сказано выше, одна стена полностью стеклянная, и можно сквозь стену видеть, как люди работают. Как я задним ходом из багажника вылезал, тоже хорошо видно было: работяги дела свои побросали, у стенки собрались, и им, в отличие от меня, очень весело было.

Не успело моё акробатическое представление закончиться, выходит ко мне толстый мастер с седоватой шкиперской бородищей и говорит, улыбаясь:

– Вам повезло с комплекцией, интересно, что б я делать стал. Ладно, давайте ваш автомобиль, минут через двадцать все будет в порядке.

И правда, через короткое время вывели мою машину - теплую и сухую.

– Сколько я должен? – спрашиваю у мастера

– Да ничего, – смеется, – горячий воздух денег не стоит. Мне приятно вам было помочь. Езжайте. Осторожно только. Счастливого вам пути.

Черт его знает, а только у меня весь день замечательное настроение было. Хотя, собственно, что особенного.

7

Урбанизация – это когда те, кто живёт в городах, в деревне ни разу не были, вишню от груши отличают по плодам только, а как выглядит, например, корова или овца – знают лишь по картинкам, да кино про животных (зоопарк не считается). Есть даже теперь в учебных планах некоторых немецких школ экскурсии на крестьянский двор, чтоб хоть так детишки о сельском мире узнали.

Пирушка в маленьком, всего человек на двадцать, студенческом общежитии подходила к концу. Было уже далеко за полночь, все были немного навеселе и поэтому позже вспомнить, как тема возникла, не могли совершенно. А разговорились о том, кто и когда был в деревне, и каких сельскохозяйственных животных хоть раз живьем видел. Оказалось, что никто, ни один человек, не был, не видел и не представляет, кто вообще там живет, что и как делает. Вот дожили!

Разговор этот странный всех так разбудоражил, что и после сна не забылся, и утром, за завтраком, решили, что в ближайшее воскресенье

соберутся компанией, кто будет свободен, поедут в деревню, проведут там весь день и купят какое-нибудь животное: какое понравится и нареканий властей общежитских вызвать не сможет.

Сказано – сделано! Всем вместе, разумеется, поехать не удалось. Кто работал, кто «хвосты» университетские подбирал, кто просто поленился неизвестно куда, неизвестно зачем тащиться... В общем, сообща не смогли, но человек пять-шесть желающих набралось, и они здорово повеселились в тот день: по полям побродили, воздухом замечательным надышались, даже немного, с разрешения и под присмотром дядежного фермера, на скотном дворе поработали, а жена его их за это накормила вкуснейшей домашней ливерной колбасой и яичницей, прямо на воздухе... Расчудесное приключение получилось!

А под вечер, когда стали уже с семьей радушной прощаться, купили они петуха-барневельдера – большого, перламутрово-черного, с ярко-красным резным гребешком и алой, круглой бородкой, сильного, важного... Очень он им понравился, просто необычайно!

Целый месяц по коридорам и комнатам расхаживал гордый красавец-петух, а потом двое самых нервных свезли его обратно, в деревню. И если б сказали, что за возврат заплатить надо, то заплатили б, потому что урбанизированная общежитская публика до истерики доходить уже стала, когда ежедневно, без праздников и выходных, ранешенько-ранешенько утром в гулком пустом коридоре вдруг раздавался истошный, оглушительный вопль петуха.

8

В голове иногда сохраняются странные какие-то, причудливые картинки. Событие мимолетное, сиюминутное, ни о чем совершенно – засядет вдруг в памяти, да так прочно, как если бы это было зачем-нибудь необходимо. Мне хочется поделиться с вами одной из таких картинок, чтобы, раз уж она угнездилась намертво, хоть так оправдать ее присутствие в голове.

С утра было жарко, безветренно, на небе ни облачка, необычно даже для здешнего позднеосеннего времени; и, казалось, ошиблись метеорологи, обещавшие на сегодня «временами шквалистый ветер и ливень»; прогноз этот выглядел полностью неправдоподобно. Увы, на немецком севере резкая смена погоды – не редкость, и я привык доверять таким нелогичным прогнозам: слишком часто оправдываются; да и все доверяют, и если сказано: «Ливень», – без зонта из дома никто не выходит.

Мне нужно было к родителям, на другой конец города, без малого, час целый ехать. Я сел в автобус, полупустой в субботнее утро, и принялся от нечего делать разглядывать пассажиров. Впереди, немного наискосок, возле прохода сидел старик с массивной, совершенно не соответствующей тщедушному телосложению, головой. В автобусе было жарко, и старик специально сел поближе к проходу, так, чтобы воздух из открытого люка освежал хоть немного; теперь, опершись на внушительный ярко-красный зонт-трость, опустив подбородок на руки, духотой разморенный, он спокойно дремал.

Мы успели проехать всего минут двадцать, когда внезапно все вокруг потемнело, налетел ветер, а вскорости и дождь хлынул. Да какой!.. Через мгновение струи воды уже текли по дорогам рек, низвергались водопадами из водостоков, заливали стекла машин так, что дворники еле справлялись...

Через открытый люк ветер задувал струи неистового дождя и в салон. Старик сидел слишком близко к люку, и россыпь капель летела на него веером; от этого он проснулся, поглядел вверх, абсолютно спокойно открыл огромный свой яркий зонт и продолжал – как ни в чем не бывало – сидеть на выбранном месте, глядя в окно на творящееся безобразие.

Люди на остановках входили и выходили, и никого нисколько не волновало, что, для того, чтоб пройти, нужно непременно попросить старика убрать зонт. «Пожалуйста, – говорили ему с улыбкой, – разрешите пройти». «Пожалуйста, – отвечал старик, – будьте любезны», – наклонял торжественно к окну купол зонта и улыбался в ответ.

Ливень бесился недолго, а когда я подъезжал к своей остановке, почти прекратился, и показался уже вдалеке кусочек синего неба. А хорошее настроение косохлест никому не испортил.

9

Господин Шнайдер господином не всегда назывался. Еще недавно совсем звался он просто Шнайдером Вячеславом Борисовичем. Внезапное превращение в господина так сильно на него повлияло, что он еще в общежитии, где, пока не подыщут квартиру, живут эмигранты, в очередь с остальными мыть полы в коридорах наотрез отказался, равно как и от другой какой деятельности, не подобающей его новому статусу; даже общаться со своими соземцами бывшими стал через губу, не считаясь с тем даже, что они теперь тоже вроде бы господа и ему, Шнайдеру, таким образом, ровня.

Впрочем, довольно быстро внутреннего ощущения оказалось Шнайдеру недостаточно совершенно, и новоиспеченный барин начал настойчиво изыскивать средства внешнего воплощения своих притязаний, для чего стал одеваться хоть и на блошином рынке (фломаркте), но зато в одежду исключительно от лучших, знаменитейших фирм, купил себе хоть и старючий, потрепанный, но мерседес и так далее, и так далее.

Правда, очень скоро выяснилось, что и это не совсем то, что требовалось. Теперь ему сделалось крайне необходимым подтверждение окружающими его господинства, но именно это и оказалось задачей практически неразрешимой для безработного эмигранта, чьи амбиции многократно превышают трудолюбие, терпение и способности. Но ни на что не взирая, Шнайдер, с упорством, достойным лучшего применения, искал выход из ситуации, казалось бы, тупиковой, безнадёжной, бесперспективной и... НАШЕЛ!

К тому времени, когда найденный теоретический выход смог воплотиться на практике, прошло, примерно, лет пять эмигрантской жизни. Именно через это время Шнайдер и смог купить (не в сезон, а потому и, по меркам немецким, не дорогую) путевку на крымский курорт. Он купил ее не как большинство отдыхающих на полуострове, а за валюту, получил номер люкс в очень простеньком пансионате, явился при всем блошином параде пред очи пансионатской obsługi и стал ждать почитания и подобо́бращения.

Обслуга эта была еще при старом, советском режиме воспитана и господином Шнайдером совершенно манкировала. Однако Шнайдер, у которого времени для осуществления плана было совсем, совсем мало, развил просто бешеную активность... и много чего за короткое время достиг. Вот только свежий сок перед завтраком ему подавать отказывались. Наотрез. Потому что его просто не было. Шнайдер же понимать ничего не желал, махал кулаками в кабинете директора, топал ногами перед шеф-поваром... и добился и этого. Наконец-то у него – одного единственного – утром стоял на столе апельсиновый свежий сок. Но, вот безобразие, теплый! «Ну теплый же! Должен! Холодный быть! Очень холодный! Со льдом!», – он чуть не растерзал несчастную официантку и пить сок не стал, демонстративно, не притронулся даже.

На следующее утро, только успел господин сесть за стол, из раздаточной показалась торжественная процессия: к его столику шли, разодетые в ресторанный пух и прах, три официантки цугом; каждая несла перед собой на подносе серебряном апельсиновый сок в высоком

прозрачном стакане; подойдя к господскому столу, подавальщицы низко Вячеславу Борисовичу поклонились и... грохнули перед ним на стол три стакана... с кусками апельсинового льда, в который сок превратился в холодильнике за ночь. Вы бы слышали хохот, сотрясший стены столовой.

10

В общежитии изредка собирались мы небольшими компаниями – человек по шесть-семь – поужинать, поболтать, выпить по капельке. За спиной у всех был недавний совсем переезд: невероятная нервотрепка, бесконечные унижения, горькие расставания... Нам хотелось от всей этой переездной дряни как-то освободиться, расслабиться... Вот мы от стрессов недавнего времени посиделками этими пустопорожними и избавлялись.

Так мы однажды сидели, кутили, в сотый раз делились друг с другом приснопамятными впечатлениями... И вдруг Леночка – симпатичная маленькая толстушка среднего возраста – и говорит: «Ребята, мы что, здесь все и... умрем?»

У меня кусок в горле застрял... Смотрю, а все тоже притихли, друг на друга оглядываются. Секунды всего и висела напряженность печальная в воздухе, а потом в шутку как-то все обратили, растормошились, забалагурили – и кутеж дальше пошел. А во мне вопрос этот почему-то с тех пор засел и всплывает время от времени:

«Ребята, мы что, здесь все и... умрем?»

11

Они приехали из глухой казахстанской деревни – муж с женой и мальчик с синдромом Дауна. Муж в совхозе трактористом работал, а жена бухгалтером там же; и когда у них такой необычный, с азиатским разрезом глаз, ребенок родился, решил тракторист почему-то, что жена с председателем совхоза – казахом – ему изменила, со всеми вытекающими из этого для жены последствиями.

Доказательств неверности женой не было, разумеется, никаких, но так мужика нелепое предположение проняло, что уже ничьи доводы на беднягу не действовали. Даже когда местный фельдшер ему объяснил, что ребенок родился у них, к сожалению, больной, неполноценный, и болезнь эта лечению сегодня не поддается, что в нормальную школу ходить никогда не будет, что долго с болезнью такой не живут и разрез глаз у ребенка – тоже от этой болезни, из-за чего она раньше «монголизм» называлась, даже тогда ревнивец-тракторист не поверил, решил, что

председатель с фельдшером сговорились и хотят вокруг пальца его обвести. Но кое-что важное для себя он из беседы с медиком вынес: в школу ходить не надо, жить долго не будет. На основании этих сведений и принял решение дикое, невероятное просто: непонятно чьего ребенка (кому охота, чтоб в деревне над тобой насмеялись) из дома больше не выпускать, в дом посторонних тоже не пускать никого, ничему пацана не учить, ждать, когда очокурится. Точка.

Когда эта семья эмигрировала из Казахстана в Германию, мальчик-даун совсем большой уже был – лет четырнадцати-пятнадцати. Разговаривать он не умел, мычал только. Ел руками. Вместо зубов изо рта черные пеньки торчали. На улице у него начиналась истерика, и он только в каком-нибудь замкнутом, не слишком освещенном пространстве успокаивался. На незнакомых людей, точно зверь, набрасывался, мог покусать, исцарапать. При виде машин впадал в ярость неопишемую. В общем, был чем-то вроде Маугли, превратившегося в звереныша среди человеческих особей.

В Германии не учить ребенка в школе запрещено. Даже если ребенок неполноценный. Даже если неполноценный, слепой и полностью парализованный. Нет никаких исключений! Во-первых, вы не будете получать от государства пособие – «детские деньги», а во-вторых, вас накажут, согласно гражданскому законодательству.

Поэтому, после приезда, дикий подросток-даун попал, наконец, в специальное учебное заведение. Каждый день за ним домой приезжал микроавтобус и забирал его в школу, а вечером привозил обратно. Дело это было не простое и даже опасное. Пока его заводили, как быка упирающегося, брыкающегося и ревущего, в автобус и там ремнями безопасности к креслу пристегивали, семь потов сходило с шофера и помощника, много чего повидавших и умевших. К непростой этой операции хотели даже привлечь родного отца. Его, безработного, в штат обещали зачислить и зарплату платить, да он отказался.

С тех пор, как я об истории этой узнал, три года прошло, и событие среди прочих в памяти затерялось. А недавно гуляли мы в парке, который находится на территории заведения для душевнобольных и одновременно городу принадлежит, и встретили сильно повзрослевшего, растолстевшего больше прежнего дауна-переселенца – его нетрудно узнать было по длинному тонкому шраму на правой щеке. Он катил важно на взрослом трехколесном велосипеде с толстой сумкой через плечо; я окликнул его, поздоровался. Он остановился, осклабился в фарфоровой

улыбке и произнес важно и вполне членораздельно: «Их бин Зергей. Их арбайте хир. (Я работаю здесь)», – и покатиł себе дальше.

К слову сказать, дауны до семидесяти лет теперь запросто доживают.

12

У них были такие разные лица, характеры, судьбы... А потом их, шесть миллионов, превратили в одинаковый дым и пепел, развеяли по ветру, смешали с землею... Даже праху их некуда прийти поклониться.

Его зовут Гюнтер Демних. Герр Демних отливає плитки из бронзы, гравировает на них имена тех, кто стал дымом и пеплом, и вмуровывает плитки в асфальт узких, сходящих к воде улочек старого города, где они жили когда-то.

Сейчас этих скорбных памятных знаков уже почти двести, и я много раз видел, как их, даже в толпе, осторожно обходят, и стараются не наступить.

13

Месяца через три-четыре после приезда в Германию заболело у меня горло. Сначала слегка болело, и я пытался самолечением заниматься. Дальше – больше, пока я уже не выпил все лекарства, с собой привезенные, в медикаменты соседей по общежитию тоже успел солидно забраться и, наконец, не понял, что без врача мне обойтись не удастся. Нет, бог ты мой, я – не неандерталец, но с языком было жуткое дело – во-первых, а во-вторых, ни разу мы здесь у врача еще не были, и что и как это будет – совершенно не представляли. Трусоват оказался то есть, вот и тянул, в надежде, что ситуация как-нибудь сама рассосется. Не рассосалась.

Мы с женой поначалу все наши бытовые и языковые проблемы вместе решали, складывая наше знание и понимание, умножая его двукратно, поэтому вдвоем приехали в центр города, нашли на одном из зданий табличку «лора», зашли и заготовленными заранее фразами объяснили, что нужно.

Оказавшись в заведении просто роскошном: на столе под окном – воды в цветных бутылках, на стенах – картины в тяжелых рамах, чудесная мебель, растения, вьющиеся по огромным окнам... мы обалдели просто, рты открыли (благо, кроме нас никого в помещении не было) и стали с открытыми ртами врача дожидаться.

Врач оказался таким, какой только и должен был быть в этом дворце – импозантным, высоким, одетым с иголочки... «Идемте со мной», – сказал он, важно подавая мне руку с высоты своей импозантности. В большом,

установленном разнообразной аппаратурой кабинете меня осмотрели тщательно, многословно поясняя каждое действие, выписали аэрозоль и сосательные таблетки от боли и предложил непременно прийти с утра, натощак, тогда и возможно будет окончательно поставить диагноз.

Мы, конечно, пришли. Смотреть меня больше не стали. Зато сделали тридцать шесть проб на аллергию и внушительно сообщили, что аллергии, к счастью, у меня нет, а есть простой ларингит, который вскоре должен пройти.

Оставалось только посмеяться, вздохнуть разочаровано и уйти. Но горло-то болело все так же, и что-то нужно же было делать! И тут жене в голову пришла, как потом оказалось, очень удачная мысль: мы просто зашли в первую же аптеку и попросили подсказать, где здесь недалеко принимает хороший отоларинголог. Аптекарь – как повезло – оказался чудесно любезен. Он не только написал адрес и нарисовал расположение, но даже вышел с нами на улицу и показал, как добраться до дома с высоким крыльцом, рядышком с кирхой, сказав на прощание, что теперь я обязательно скоро выздоровею... Так мы попали к Барбаре, замечательной Барбаре!

Здесь было все совершенно обыкновенно, зато народу было – не протолкнуться, детей маленьких множество; нас поначалу даже принимать не хотели, сказали в регистратуре, что только через неделю, но потом сжалились, и часа три пришлось провести в ожидании своей очереди.

Небольшого росточка, пожилая, слегка полноватая женщина выпорхнула сияя, радуясь нам, точно близким родственникам, протянула руки сразу обоим и кивнула, приглашая идти за собой в кабинет. Легко двигаясь по маленькому кабинету, и непринужденно болтая, расспрашивала о том, что болит, и занималась попутно какими-то подготовительными делами. Наконец, подошла ко мне, наклонилась с улыбкой над креслом, сказала: «Откройте, пожалуйста, рот...»

Она вдруг удивительно переменилась, как подменили. Улыбка исчезла, лицо стало жестким, замкнутым, серые глаза потемнели, все движения стали собранными и экономными... Я потом все это видел множество раз, и каждый раз заново поражался мгновенной и полной ее отрешенности, этому необычайному умению сосредоточить молниеносно свои мысли, волю и чувства на пациенте. Будто в этой скромной комнатке, волшебным образом, оказывался в мгновение ока один из Асклепиад.

– Вы сказали, что были уже у врача. У кого?

– Я не помню.

– Очень жаль. У вас горло здоровое, а вот корень языка воспален сильно. Я выпишу антибиотики, но и после того, как пройдет воспаление, болеть еще будет долго, нерв задело.

Она отклонилась и тут же вспыхнула ослепительная улыбка:

– Приходите ко мне через три недели. Я буду рада вас видеть здоровым.

Десять лет минуло с тех пор. Наша добрая Барбара засобиралась на пенсию. Жаль, просто невероятно жаль, что я больше никогда не увижу, как налетает внезапно исцеляющий ветер с острова Кос.

14

Мне почему-то кажется, что общие недостатки сближают людей гораздо легче, чем их достоинства. Найдя в ком-либо кучу не присущих мне достоинств, я начинаю комплексовать и растерянно озираться. Я чувствую себя так, как должен себя, наверное, чувствовать дистрофик в компании борцов сумо.

Задолго еще до приезда в Германию я был уже наслышан о врожденной немецкой пунктуальности, напуган необычайной немецкой аккуратностью и педантичностью, а знаменитыми немецкими дорогами бредили все знакомые автомобилисты. «Никогда, – думалось, – никогда не удастся стать естественной частью этого отточенного мира». Поэтому, когда на третий день по приезде автобус опоздал на 10(!) минут, я гордо поднял голову и подумал, что все еще, может быть, не так плохо. А когда увидел, как местные жители бросают окурки не в урну, а прямо на тротуар, понял, что все еще даже(!) может быть хорошо.

Я, конечно, скучаю. И, как водится, недостатки прошлой жизни помню лучше достоинств. Наверное, для того и оставлен кусок исконной ухабистой русской дороги на самом подъезде к нашему дому почти на окраине города. Вечером, поздно, когда не видать уже из окна опрятных немецких домишек, я закрываю глаза, откидываюсь на спинку сиденья... Мое тело трясет, громыхая по кочкам, немецкий автобус, и кажется, что я – дома! И душа – отдыхает...

А недавно я ждал жену возле выхода из универсама и вдруг обнаружил дыру у себя на штанине. Бог весть, откуда взялась! Я присел на корточки и стал ее пристально разглядывать.

– Was ist? (Что случилось?) – раздалось неожиданно рядом, и худой темноглазый старик навис надо мною.

– Hier ist ein Loch (Здесь дырка), – заявил я печально, подняв к нему голову.

– Das ist ja toll! (это же классно!), – расцвел вдруг в щербатой улыбке старик, и, салютуя оттопыренным большим пальцем, нетвердо ступая, отправился прочь.

Еврейские мотивы «Старика Хоттабыча»

В конце 1938 года увидела свет повесть-сказка Л. Лагина «Старик Хоттабыч». Она была опубликована в ежемесячном журнале «Пионер» №10, 11 и 12 (всего 20 глав). Затем, без перерыва, в начале 1939 г. (с 18 января по 26 февраля) она была продублирована с некоторыми изменениями в газете «Пионерская правда» (№9, 10, 12, 13, 14, 17, 18, 20, 22, 24, 26 и 28) как «юмористическая повесть» (всего 22 главы: пропущено десять глав из журнала «Пионер», но о них упомянуто, одна глава разделена на две, одна переставлена, девять добавлены и анонсировано еще около шести новых сюжетов). В следующем, 1940 г., «Старик Хоттабыч» издан книгой (57 глав), но она ошибочно помечается как редакция 1938 г. Начиная с 1951 г. книга переиздавалась, но с существенными изменениями. Однако, то, что нас больше всего интересует, есть в тексте только первых трех изданий. Цитаты будут, как правило, из самого первого (если иное не оговорено).

В конце главы «Старик Хоттабыч и Мей Лань-чжи», возвращая зрителей и работников цирка на свои места, Хоттабыч «выкрикнул какое-то странное слово, вроде «лехододиликраскало»». Это есть и в журнале «Пионер», №12, 1938 г., и в газете «Пионерская правда» №14 (28.01.1939 г.), и в книге 1940 г. (но без слова «вроде»). А в последующих изданиях это место выглядит совсем по-другому: «выкрикнул какое-то странное и очень длинное слово». Да и глава называется немного иначе: «Старик Хоттабыч и Сидорелли».

Это «странное слово» является, во-первых, одним словом, и во-вторых, странным – для услышавших его от Хоттабыча советских пионеров Вольки Костылькова, Жени Богорада и Сережи Кружкина, родившихся после революции, но отнюдь не для автора повести Лазаря Иосифовича Гинзбурга (псевдоним – Лагин, от начальных слогов имени и фамилии), родившегося в 1903 г. в Витебске. Любой дореволюционный еврей, будучи даже подростком (а с тринадцати лет еврей считается взрослым), не мог не знать еврейский гимн субботе, который издавна поют на иврите во всех синагогах мира: «Лехо доди ликрас кало» (в ашкеназском произношении). А Лазарь Гинзбург с 4 лет получал еврейское образование в хедере в Минске...

— Еще бы! А ты мог бы вернуть всех на прежние места, чтобы все было так, как было раньше? Это, наверное, очень трудно?

— Нет, нетрудно. То есть для меня, конечно, нетрудно,—горделиво отвечал еле слышным голосом Хоттабыч, поблескивая золотыми зубами.

Из уст ребят вырвался вздох облегчения.

— А мне почему-то кажется, что тебе это чудо не под силу,—коварно сказал Волька, явно подзадоривая старика.

— Под силу, но я что-то очень устал.

— Ну вот, я и говорил, что тебе не под силу.

Вместо ответа Хоттабыч приподнялся на ноги, вырвал у себя из бороды тринадцать волосков, мелко их изорвал, выкрикнул какое-то странное слово, вроде «лехододиликраскало», и, обессиленный, опустился прямо на опилки, покрывающие арену.

Тотчас же из-под купола со свистом примчались и расселись согласно купленным билетом беспредельно счастливые зрители. На манеже как из-под земли выросли Мей Лань-чжи со своим ассистентом и реквизитом и униформисты во главе со своим бравым шпрыхсталмейстером.

Оркестр горошинкой выкатился из правого уха Хоттабыча, быстро вырос в огромный ком человеческих тел, сам по себе, вопреки закону земного притяжения, покатился наверх, на свою площадку, рассыпался там на тридцать три отдельных человека, расселся по своим местам и грянул туш.

Рис. 1. Страница журнала «Пионер» с «лехододиликраскало»

Эти слова означают, в переводе с иврита: «выйди, мой друг, навстречу невесте» (вариант: «выйди, возлюбленный, встретить невесту»). Под невестой подразумевается суббота, и гимн посвящен исполнению четвертой (из десяти) заповеди – чтить субботу.

Поскольку здесь исследуется еврейская тема, то отметим в связи с этим очевидное. Использование джинном из арабской мифологии еврейского религиозного гимна означает, что он фактически еврей, причем религиозный, то есть иудей. Впрочем, не стоит придавать этому особое значение, поскольку Хоттабыч в принципе не мог знать данный гимн, так как был отрезан от внешнего мира в кувшине со времен царя Соломона, который правил в X в. до н. э., а гимн «Лехо доди» написан лишь в XVI в. н. э. Но это ведь сказка, а не научный трактат... Тем не менее, возьмем на заметку, что Л. Лагин пожертвовал логикой и историчностью ради еврейской темы.

В связи с чем Хоттабыч произнес «лехододиликраскало», «выйди, мой друг, навстречу невесте»?

Апогеем чудес, которые продемонстрировал джинн в цирке зрителям под их непрекращающиеся рукоплескания, стало исчезновение самих зрителей: «все зрители, один за другим, стали со свистом срываться со своих мест и пропадать где-то далеко под куполом». А когда Хоттабыч произнес «выйди, мой друг, навстречу невесте», «тотчас же из-под купола со свистом примчались и расселись согласно купленным билетам беспредельно счастливые зрители».

Таким образом, какой бы тайный смысл ни был скрыт в «лехододиликраскало», у него есть очевидное, прямое назначение, соответствующее сюжету – Хоттабыч призвал зрителей «выйди», и они появились. Всё логично.

Но для чего потребовалось писателю-еврею вставлять в произведение столь явный и яркий еврейский, да еще религиозный, «след»? Ведь его могли увидеть не только религиозные, но и нерелигиозные евреи (их к 1938 г. было большинство, о чем – ниже), лояльные советской власти, и главное, распознать цензоры?

А в те времена любая печатная продукция проходила проверку цензурой. На последней странице издания отмечалось, что оно одобрено цензурой. Например, в журнале «Пионер» №12 с «лехододиликраскало» указано – «Уполномоченный Главлита № Б-58179».

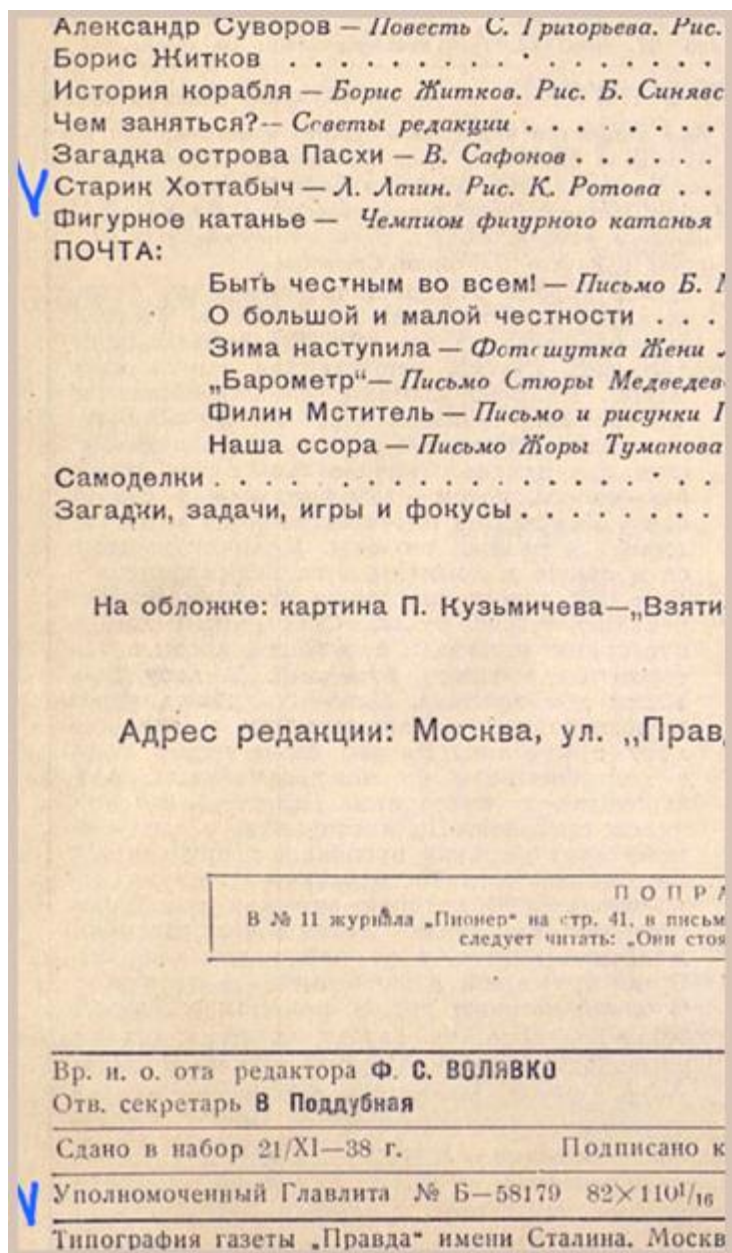

Рис. 2. Последняя страница журнала «Пионер» с «лехододиликраскало»

Рассмотрим прежде всего исторический фон, на котором стало необходимым для автора и возможным для цензуры появление религиозного «лехододиликраскало» в атеистическом СССР.

Большевики, захватившие власть в бывшей Российской империи в 1917 г., практически сразу начали непримиримую борьбу с религией, а затем и с национализмом. Вера в бога препятствовала бы вере в светлое коммунистическое будущее, а пролетарии всех стран не смогли бы объединиться для победы мировой революции, будучи разделенными национальным самосознанием.

В отношении евреев это вылилось в закрытие синагог и религиозных и общественных еврейских организаций, искоренение языка иврит (на нем написана Тора и ведется богослужение), запрет религиозного воспитания.

В 1919 г. был запрещен иврит, в 1921 г. – все еврейские религиозные учебные заведения (хедеры и иешивы). Закрывались синагоги. Преследовались раввины и другие служители культа. Их арестовывали, приговаривали к различным срокам лишения свободы, ссылали, лишали гражданских прав, выдворяли из страны. То же касалось и активистов, и последователей сионизма. А в 1932 г. была объявлена антирелигиозная пятилетка с тем, чтобы «изгнать само понятие Бога», и к концу следующего года были закрыты 57% синагог, существовавших на начало советской власти (за это же время – 28% церквей и 45% мечетей). В результате происходил массовый отход евреев от религии. В 1937 г. во время переписи назвали себя верующими лишь 17,4% евреев (из наций христианской веры – 54,5%, мусульманских – 66,2%)⁷.

И вот на этом фоне, да еще в разгар сталинского Большого террора (1937–1938 гг.), появляется откровенно религиозное «лехододиликраскало», да и фамилия одного из главных героев Богорад (повторяется в журнале – 13 раз, в книге – 15 раз) содержит запретное слово «бог», которому, к тому же, он «рад». И все это в издании для советских детей, для пионеров!

Не правда ли, кажется очень странным то, во-первых, что коммунист (с 1920 г.), достаточно опытный в издательской деятельности, работавший заместителем заведующего отделом в редакции газеты «Правда» (с 1933 г.), затем заместителем главного редактора журнала «Крокодил» (с 1934 г.), вставил в свое произведение явно контрреволюционное

⁷ Электронная еврейская энциклопедия <https://eleven.co.il/jews-of-russia/history-in-ussr/15416/#07>

«лехододиликраскало», а во-вторых, что ему за это ничего не было.

В 1937 и 1938 годах в стране осуществлялся так называемый Большой террор, в результате которого, согласно документам, было арестовано более 1,5 млн. человек, из них убито 681692 человека. Репрессировали – по статье 58 «за контрреволюционную деятельность». В частности, статья 58-10 гласила: «Пропаганда или агитация... с использованием религиозных или национальных предрассудков масс...» Организованный террор был прекращен также организованно – неопубликованным Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17.11.1938 г. «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия», и в декабре 1938 г. начались массовые освобождения арестованных, которые продолжались в 1939 и 1940 годах (освобождено, по разным оценкам, от 100 до 200 тысяч человек).

Если сравнить сроки окончания Большого террора и публикации «лехододиликраскало» в журнале «Пионер» №12, то можно решить, что Л. Лагин либо воспользовался ситуацией и, «проскочив между струек», смело поприветствовал своих еврейских читателей, либо еще более смело спародировал эти политические события.

Действительно, текст позволяет предположить даже последнее. Все зрители Хоттабыча в цирке ему горячо аплодируют, а он их – аннигилирует, причем они пропадают «где-то далеко под куполом». Намек на то, что советских людей, преданных советской власти, массово репрессируют по указанию с самого верха? А потом вершитель судеб смилостивился, прекратил массовые репрессии и массово же вернул «зрителей» на свои места? И те продолжили аплодировать своему повелителю?

Красивая версия... Но это была бы слишком прямолинейная пародия, чтобы прошла мимо цензуры, да и сроки совпадают лишь формально. Месяц, указанный на обложке журнала не соответствует реальным срокам выхода журнала. Так, в журнале «Пионер» за декабрь 1938 г. с «лехододиликраскало» указано: «сдано в набор 21.11.1938 г., подписано к печати 03.01.1939 г.». Это значит, что Л. Лагин не успел бы учесть в эпизоде с цирком начавшиеся послабления в репрессиях и уж тем более массовые освобождения арестованных.

Кроме того, еще 13.12.1938 г. был арестован (заметим, через месяц после указанного Постановления) прямо в редакции газеты «Правда» самый известный советский журналист М. Е. Кольцов (Моисей Хаимович Фридлянд), работавший главным редактором журнала «Крокодил»,

являвшийся на тот момент начальником автора «Старика Хоттабыча» (М. Е. Кольцов был расстрелян 02.02.1940 г. по списку, подписанному Сталиным). Так что в декабрьском номере «Пионера» Л. Лагин мог бы только мечтать о прекращении репрессий, но, безусловно, не отразил в нем реальность.

Под пытками М. Е. Кольцов оговорил более семидесяти знакомых, многие из которых были затем репрессированы. Автора «Хоттабыча» буквально спас председатель Союза писателей СССР А. А. Фадеев, который тут же, в декабре, отправил его и брата М. Е. Кольцова, художника Б. Е. Ефимова (Бориса Хаимовича Фридлянда), в длительную (на два года) творческую командировку на ледоколе на остров Шпицберген. В это время ежедневно приходили по адресу проживания Л.И. Лагина с ордером на его арест (по воспоминаниям жены писателя). А он слал с Севера очередные главы «Хоттабыча». Так, 22 и 26 февраля 1939 г. в «Пионерской правде» №26 и №28 публикуются три главы о путешествии Хоттабыча на ледоколе в Арктику.

Таким образом, автор «Старика Хоттабыча» чуть было не был репрессирован совсем не за религиозное «лехододиликраскало».

Если бы угроза ареста Л. Лагина была связана с «лехододиликраскало», то уже в «Пионерской правде» за 26.01.1939 г. не то что цензура это бы вырезала, но и сам писатель удалил бы. Не говоря уж о книге на следующий год. Наоборот, если в журнале и газете Хоттабыч «выкрикнул какое-то странное слово, вроде «лехододиликраскало»», то уже в книге «выкрикнул какое-то странное слово «лехододиликраскало»». Без неопределенного «вроде», а вполне точно и конкретно – «лехододиликраскало»!

Подчеркнем этот момент. Под угрозой ареста Л. Лагин обязательно подчистил бы все сомнительные места в «Старике Хоттабыче». А коль он оставил «лехододиликраскало» и в «Пионерской правде», и в книге, то, следовательно, не считал его предосудительным и опасным для себя. И это значит, что он не вкладывал в это «лехододиликраскало» никакого тайного антисоветского смысла. Подчеркнем – антисоветского.

Нереально также предположить, что три раза (в журнале «Пионер», в газете «Пионерская правда» и в книге) цензура попросту не заметила «лехододиликраскало».

Возможная разгадка содержится в статье Михаила Горелика с говорящим названием «Дедушка из Касриловки» («Лехаим» №2, 2013),

под которым подразумевается Хоттабыч. Она основана, прежде всего, на личности автора «Старика Хоттабыча».

Лазарь Иосифович Гинзбург с юности был искренне предан делу пролетарской революции, большевистской партии и советской власти. Окончив среднюю школу, в 16 лет пошел добровольцем на Гражданскую войну защищать власть большевиков. В 17 лет вступил в партию большевиков. Работал инструктором центра печати Западного фронта, инструктором агитпропа ЦБ КП Белоруссии, секретарем управления при Совнарком БССР. Принимал активное участие в организации комсомола Белоруссии, руководил еврейским бюро белорусского комсомола...

Особенно последнее для нас имеет значение, так как еврейские бюро занимались, в частности, антирелигиозной деятельностью в еврейской среде. И это дает ключ к разгадке «лехододиликраскало».

А вот и ключ для этого замочка – заклинание Хоттабыча как раз имеет исключительно религиозно-национальный характер.

Всё понятно?

Нет? Тогда вставим ключик в замочек – религиозный гимн был опубликован в пропагандистско-воспитательных изданиях «Пионер» и «Пионерская правда».

И вот что открывается. «Лехододиликраскало» предназначалось для воспитания и пропаганды, но, естественно, как было показано выше, не для религиозно-националистической пропаганды, а, значит, наоборот – для антирелигиозной и антинационалистической пропаганды.

Ведь само по себе отдельное слово, или даже фраза ни о чем не говорят – важен контекст. Например, такое, куда уж более, религиозное слово «бог» в словосочетаниях «слава Богу!» и «Бога нет» несет противоположные смыслы. Так и «лехододиликраскало»...

Вообще, вся повесть активно пропагандирует советский образ жизни, красной линией идет тема преимущества социалистических ценностей перед капиталистическими.

Старик Хоттабыч со всеми своими сверхвозможностями безнадежно отстал от жизни, его чудеса ни к чему хорошему не приводят, да они и не нужны в советской стране, где «мы рождены, чтоб сказку сделать былью» (фраза известна с 1923 г.) и «не можем ждать милостей от природы» (с 1934 г.). Из-за этого джинн постоянно испытывает душевные страдания, стресс... В конце концов, в завершающих строках повести, старик и сам приходит к этому выводу, и стремится стать достойным советским человеком, живя «без малейшего обмана», то есть отказавшись от

применения чудес. В первой версии повести, в журнале «Пионер», это перерождение джинна происходит сразу после «лехододиликраскало». Таким образом, все старинные духовные ценности, пронесенные сквозь тысячелетия со времен премудрого еврейского царя Соломона (об этом – ниже), с которыми Хоттабыч пришел в «прекрасный новый мир» (с 1932 г.), он отбросил, как хлам.⁸

И еврейский читатель, который не мог не заметить знакомое ему с детства «лехододиликраскало», должен был бы перевоспитаться и признать это хламом вместе с симпатичным «дедушкой из Касриловки».

Была ли поставлена Л. Лагиным цель дискредитации «лехододиликраскало», или ему удалось убедить в этом цензуру – без специального исследования сказать невозможно (оно – далее). Но что несомненно – только под таким соусом «лехододиликраскало» могло увидеть свет в СССР в 1938 году.

Почему же «лехододиликраскало» было удалено в последующих изданиях, после 1951 г.?

Вероятнее всего, сказалась борьба с «безродными космополитами», связанная с образованием еврейского государства Израиль, проводившаяся в СССР с 1949 по 1953 г. Тогда любая еврейская тема, тем более религиозная, была табу, да и перевоспитание оставшихся после Холокоста «хоттабычей», в силу их немногочисленности, было уже неактуально.

Несмотря на кажущуюся логическую безупречность выводов М. Горелика, они все же представляют лишь одну сторону медали, да и то – формальную. Чтобы увидеть вторую, отметим, прежде всего, что Л. Лагин отнюдь не был против еврейской идентичности, еврейской культуры вообще, как раз – наоборот.

Так, в 1947 г. Л. Лагин издал книгу на еврейском языке идиш «Мои друзья бойцы-черноморцы (Фронтовые записки)» (ОГИЗ, Гос. изд. «Дэр Эмэс», Москва). К тому времени идиш был уже в опале: были закрыты все школы на идиш, а в конце 1948 г. были арестованы все писатели на идиш и упомянутое издательство «Дэр Эмэс» закрыто. Представляется, что Л. Лагин, безусловно понимая, что рискует, не мог не написать эту книгу на идиш, на родном языке погибших героев-евреев, тем самым отдав им последний долг уважения: они с ним при жизни говорили на идиш, и он

⁸ Фразы, взятые здесь в кавычки, воспринимались Л. Лагиным при написании повести, судя по ее содержанию, буквально.

написал о них книгу тоже на идиш.

Кроме того, в том же «Старике Хоттабыче» наше «лехододиликраскало» – не единственная известная еврейская нотка. Есть, по крайней мере, еще две хорошо известные, пусть и не такие звучные. И хотя они не имеют такого же самостоятельного значения, как «лехододиликраскало», но их наличие не просто ценно само по себе, но вынуждает взглянуть и на «лехододиликраскало» совершенно по-другому.

Прежде всего, это многочисленные упоминания Хоттабычем «Сулеймана ибн Дауда», то есть Соломона сына Давида. В журнале на 20 глав – 8 раз, в книге 1940 года на 57 глав – 29 раз, то есть частота упоминания Сулеймана ибн Дауда увеличилась: в «Пионере» – в среднем каждые 2,5 главы, в книге – 2.

Давид и Соломон – самые почитаемые евреями цари древнего государства Израиль. Давид – за величие государства и приверженность иудаизму (псалмы Давида общеизвестны), Соломон – за мудрость (притчи Соломона). И Хоттабыч с величайшим почтением произносит эти имена.

И, наконец, – «балда». Волька, раздосадованный тем, что Хоттабыч весьма неудачно наколдовал, называет джинна балдой. В журнале и первом издании книги эта сцена происходит в парикмахерской, в последующем издании – сразу после парикмахерской, в фильме 1956 г. – в самолете. На вопрос, что означает «балда», не желая обидеть старика, пионер находчиво отвечает, что это слово означает «мудрец». Так вот, на иврите «муж (хозяин, владелец, господин) знания» звучит как «баал даат», а в ашкеназском произношении – «балдос».

Ни «Сулейман ибн Дауд», ни «балда» не только не несут антииудейского, антиеврейского подтекста в повести, но наоборот.

«Сулейман ибн Дауд» имеет очевидный арабский колорит. Но это лишь видимость, так как речь идет о Соломоне сыне Давида, а это еврейские цари. Для массового советского читателя джинн из арабских сказок и должен говорить на арабский лад. Но еврейскому читателю «Сулейман ибн Дауд» напоминают о Соломоне и Давиде, о героической национальной истории. Л. Лагин не мог этого не понимать.

Также и с «балдой». Для массового читателя «балда» и «мудрец» – просто юмор, обыгрывание противоположного смысла слов. А для еврейского читателя, знающего иврит, – никакого юмора нет, зато это прямое напоминание о запрещенном в СССР языке, на котором написана Тора.

Но если совершенно безобидные с позиции религиозности «Сулейман ибн Дауд» и «балда» со всей очевидностью предназначены для напоминания евреям о их еврейских духовных ценностях (истории и языке), то почему религиозный гимн субботе «лехододиликраскало» – не для того же?

В «Старике Хоттабыче» имеются и другие еврейские мотивы, но и приведенных вполне достаточно, чтобы сделать данный вывод.

Впрочем, кашу маслом не испортишь. Все следующие примеры касаются чисел, причем из одной главы – той самой, с «лехододиликраскало».

Приведем наконец полную цитату с «лехододиликраскало»: «Вместо ответа Хоттабыч приподнялся на ноги, вырвал у себя из бороды тринадцать волосков, мелко их изорвал, выкрикнул какое-то странное слово, вроде «лехододиликраскало», и, обессиленный, опустился прямо на опилки, покрывающие арену».

В привычном нам христианском окружении написанное Л. Лагиным число «тринадцать» является несчастливym. А в иудаизме – нет. В иудаизме это число – одно из основополагающих, так как число «принципов веры» иудаизма – тринадцать (в христианстве же – двенадцатичленный «символ веры»). Неудивительно, что Хоттабыч воспользовался этим числом волосков, выполняя очень сложное заклинание – воскрешение (возвращение зрителей и артистов из небытия), тем более, что вера в него является как раз тринадцатым по счету «принципом веры».

В этой же главе с цирком имеется еще более прозрачный намек на еврейские духовные ценности, но его могут понять уже более продвинутые иудеи, так как он связан с каббалой.

Одним из первых чудес, которые сделал Хоттабыч на арене, было разделение фокусника Мей Лань-чжи на части. В первом и втором изданиях это было простое раздирание «пополам вдоль туловища», причем обе половины проскакали по арене и воссоединились. А вот в книге 1940 г. разделение произошло на семьдесят две части, представляющие собой уменьшенные копии оригинала, которые также затем воссоединились. Почему – семьдесят две? Да и кто в цирке стал бы пересчитывать с такой точностью семь десятков несчастных маленьких фокусников? А вот в иудаизме давно все сосчитано: согласно каббале, есть как семидесятидвухбуквенное имя Бога, так и семьдесят два имени Бога. Таким образом, Л. Лагин в третьем издании сказки еще раз

существенно усилил еврейскую составляющую по сравнению с двумя первыми. Логика использования этого каббалистического символизма заключается, очевидно, в наглядной демонстрации Хоттабычем превосходства истинного Бога, на которого указывает число семьдесят два, над язычеством, ярким представителем которого был китайский фокусник.

Следующий пример – для любителей математики и головоломок. Вот незабываемая сцена поедания Хоттабычем целого подноса мороженого, все в том же цирке: «Хоттабыч попробовал, и ему понравилось. Он угостил ребят (их было трое – Б. Л.) и купил себе еще одну порцию, потом еще одну и наконец, разохотившись, откупил у обомлевшей продавщицы сразу все наличие эскимо – сорок три кругленьких, покрытых нежной изморозью пакетика с мороженым».

Итого порций мороженого $1 + 3 + 1 + 1 + 43 = 49$.

Сорок девять – знаковое в иудаизме число, также хорошо известное и в христианстве как «семь седмин» (семь недель). В иудаизме это число связано с праздником Шавуот, в православии – Троица, который также восходит к Шавуоту⁹. И тот, и другой празднуются на пятидесятый день после Пасхи. Шавуот – это день дарования Торы (заповедей) евреям на горе Синай, которое произошло по прошествии сорока девяти дней после исхода евреев из Египта, то есть через семь недель после праздника Песах (Пасха)¹⁰. Но эти сорок девять дней – не механические семь недель, а имеют для евреев глубокий духовный смысл. Считается, что в Египте евреи отошли от своего Бога и поклонялись местным богам, из-за чего стояли на сорок девятой ступени духовной нечистоты. Отсчитывая от дня исхода день за днем сорок девять дней и производя определенные религиозные действия (счет омера), еврей поднимается ежедневно на ступень выше и наконец готов принять Тору в праздник Шавуот. Именно в этот еврейский праздник положено есть молочные продукты, в том числе – на десерт – мороженое. Так что, связывая воедино поедание мороженого и примечательное число «сорок девять», Л. Лагин, несомненно, прозрачно намекает на еврейскую традицию.

В 1938 г. практически каждый еврей еще знал всё про Шавуот. Поэтому тот, кто подсчитал бы сумму порций, обязательно понял бы намек автора-

⁹ Левин Б.Х. Шавуот http://samlib.ru/editors/l/lewin_b_h/shavuot.shtml.

¹⁰ Левин Б.Х. Пасха и Песах http://samlib.ru/editors/l/lewin_b_h/pasha-i-pesah.shtml.

еврея на Шавуот, счет омера и, в итоге, на опасность ассимиляции, ведущей на самое дно духовной нечистоты.

Вообще, число «сорок девять» (так же, как и упомянутое «семьдесят два»), использованное Хоттабычем, указывает на его приверженность иудейским ценностям, что и позволяет ему быть успешным чудотворцем.

Упоминание Шавуота имеет еще и прикладную ценность. Благодаря ему можно вычислить точную дату посещения цирка Хоттабычем с друзьями.

В отличие от субботы с ее еженедельным «лехододиликраскало», этот праздник отмечается один раз в году – 6 числа месяца сивана по еврейскому календарю. В 1938 г. 6 сивана пришлось на 5 июня, воскресенье. Согласно иудаизму, день заканчивается с заходом солнца, и начинается следующий. Поэтому Шавуот 6 сивана фактически начался 4 июня в субботу вечером в 21.05, то есть по завершению шаббата. Однако, гимн субботе «Лехо доди ликрас кало» произносят, встречая субботу, то есть в пятницу после захода солнца. В другое время произносить его бессмысленно – это было бы то же самое, как поздороваться с кем-то после часа беседы с ним или до встречи, в пустоту. Следовательно, Хоттабыч с друзьями был в цирке и произнес свое знаменитое «лехододиликраскало» не в саму субботу 4 июня 1938 г., а в пятницу 3 июня после девяти часов вечера, когда наступил шаббат.

Действительно, согласно объявлению на 4-й странице газеты «Вечерняя Москва» от 20 мая 1938 г., в ЦПКиО им. Горького 23 мая было открытие сезона цирка «Шапито» с двумя ежедневными представлениями в 18.30 и 21.00. Вот, друзья и пошли на второе представление, на 9 часов вечера. В повести как раз упоминается именно цирк «Шапито» в парке культуры и отдыха, а не какой-то другой цирк.

Кроме того, в главах «Опять все хорошо» и «Старик Хоттабыч и Мей Лань-чжи» отмечено, что после экзамена по географии и до посещения цирка прошло «три дня», плюс «несколько суток». А школьные экзамены (тогда это называлось «испытания») в СССР в 1938 г. проходили с 20 мая по 9 июня («Пионерская правда», 1938, №68 и №78). Если отсчитать от начала экзаменов эти три дня и еще несколько суток, то 3 июня вполне удовлетворяет данным условиям. Речь о 1938 г., так как повесть опубликована в конце этого года, а Л. Лагин творил очень быстро и не тянул с публикацией. Напомним, в декабре 1938 г. писатель путешествовал на ледоколе в Арктике, а в следующем месяце уже были опубликованы три главы о путешествии Хоттабыча на ледоколе.

ТЕМП Арбат, 2. Телеф.
К-1-89-88. Начало
сеансов в 11 час. утра.

В

Ц. П. К. и О.

им. Горького, Т. В-1-90-80,
доб. 1-57, 1-82.

ВЫ

ЦПКиО им. ГОРЬКОГО
ЦИРК «ШАПИТО»
23 МАЯ ОТКРЫТИЕ
ЛЕТНЕГО СЕЗОНА
ЕЖЕДНЕВНО
1 БОЛЬШИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ.
Начало в 6 ч. 30 м. и 9 ч.
ВЕЧЕРА, 1026

МОСКОВСКИЙ ДРАМАТИЧЕСКИЙ Т-Р
В помещ. Госцентюза (Мамоновский
пер., 10) 21/V ДРУЖБА. 22/V НА
ВСЯКОГО МУДРЕЦА ДОВОЛЬНО
ПРОСТОТЫ.

ТЕАТР
ЛЕНСОВЕТА
В Ордынка, 69.
Тел. В-3-13-14.

21/V ОЧНАЯ СТАВ-
КА. 22/V премьера
БЛАГОЧЕСТИВАЯ
МАРТА.

Рис. 3. Объявление в газете о цирке

Вероятность того, что Л. Лагин с помощью «лехододиликраскало» и Шавуота указал на конкретную дату, весьма велика, так как в повести достаточно примеров привязки сюжета к реальным событиям. На это указывает уже самое начало повести – буквально в третьем абзаце акцентируется внимание читателя на предстоящем школьном экзамене. Главы о путешествии на ледоколе, как только что показано, навеяны реальной жизнью писателя. Также в одном из номеров «Пионерской правды» экзаменационного периода, которую не мог не просматривать и Л. Лагин, вникая в интересы своих героев-пионеров, обнаружен еще один эпизод, взятый писателем из реальной жизни. В газете «Пионерская правда» №65 за 14 мая 1938 г. рассказано, как школьники, готовясь к экзаменам, решили передохнуть и пошли к реке, где увидели выходящего из нее водолаза и беседовали с ним. А в главе «Интервью с легким водолазом» в ноябрьском номере «Пионера» 1938 г. написано, как на следующий день после экзамена Волька и Хоттабыч прогуливались вдоль реки, и Хоттабыч разговаривал с водолазом, вышедшим на берег. И, наконец, собственно главный герой повести Волька, со своим необычным именем и даже отчеством, взят писателем из реальной жизни¹¹...

Как увидим, но в самом конце, скрупулезное выяснение нами точной даты произнесения «лехододиликраскало» было не только не напрасным, но, пожалуй, является определяющим для раскрытия темы еврейских мотивов, причем не только в «Старике Хоттабыче», но в советском искусстве вообще¹².

Вернемся к нашим непростым числам. Следующий пример – такого же порядка, как и предыдущий.

Самые дотошные читатели, наверняка, задались вопросом о числе 43, фигурирующем в сумме мороженого, съеденного Хоттабычем. Если все рассмотренные числа из одной главы имеют смысл, то, очевидно, и сорок три из этой же главы – не с потолка взяты писателем? Ведь требуемую сумму 49 можно было получить любым другим сочетанием слагаемых...

Обратимся к личности «идеологического противника» нашего еврейского джинна. Прототипом литературного китайского фокусника Мей Лань-чжи был, без всякого сомнения, знаменитый китайский исполнитель женских ролей пекинской оперы Мэй Лань, известный как Мэй Ланьфан.

¹¹ Володин М. Я. Воскрешение Лазаря, или Историйка о джинне из черты оседлости <https://blog.t-s.by/minskie-istorijki/2016/12/voskreshenie-lazarya-ili-istorijka-o-dzhinne-iz-cherty-osedlosti/> .

¹² Левин Б. Х. Еврейские мотивы в советском киноискусстве.

Весной 1935 г. Мэй Ланьфан был с гастрольями в СССР, встречался с великими советскими театральными деятелями, спектакль в Ленинграде посетил сам Сталин... Будучи журналистом, Л. Лагин, безусловно, не мог не знать о знаменитом Мэй Ланьфане и связанных с ним этих незаурядных событиях.

Сравним даты. Мэй Ланьфан родился 22.10.1894 г. А в 1938 г. школьные экзамены проходили с 20 мая по 9 июня. Да и выше было показано, что посещение цирка Хоттабычем с друзьями-пионерами было в начале июня 1938 г. Но даже просто ко времени первого выхода в свет «Старика Хоттабыча» в октябре 1938 г. прототипу Мей Лань-чжи было полных 43 года.

Получается, отдельно упомянутые сорок три порции мороженого, съеденные Хоттабычем, символизировали собой сорок три года жизни китайского фокусника. Таким незамысловатым способом Хоттабыч продемонстрировал свою власть над фокусником: не только над его фокусами, но и над самой его жизнью. Это действие очень похоже на ветхозаветные притчи, сопровождающиеся символическими действиями пророков. Например, пророк Иезекииль съел свиток с написанными на нем словами «плач, и стон, и горе» (Иез. 2, 8 – 10), тем самым их в конечном итоге уничтожив.

Победа монотеизма в лице Хоттабыча над язычеством в лице Мей Лань-чжи приобретает большее значение, если учесть, что часть имени китайского фокусника «чжи» представляет собой категорию китайской философии, выражающую в целом мудрость (включающую хитрость, в том числе военную). Если предположить, что и этот намек Л. Лагина касается еврейской темы, то тогда соревнование между Хоттабычем, произносящим иудейское «заклинание», и китайским мудрецом аналогично схватке Моисея с египетскими мудрецами-волхвами, которая проявилась десятью казнями египетскими. Стоит также вспомнить, под каким лозунгом выступал перед фараоном Моисей: «Так говорит Господь, Бог Израилев: отпусти народ мой, чтобы он совершил Мне праздник» (Исх. 5, 1). Вот такой ассоциативный ряд, тонко и аккуратно выстроенный Л. Лагиным: чжи-мудрость, мудрецы-волхвы, праздник еврейскому Богу, Шавуот, шаббат, «леходоиликраскало».

И всё это, весь этот неуловимый еврейско-иудейский дух – далеко не всё, что есть в повести, а только в одной ее главе, и только обнаруженное и расшифрованное. Вот вам и «леходоиликраскало»!

Причем, в отличие от этого знаменитого заклинания, практически вся рассмотренная здесь неприметная цифирь осталась в последующих изданиях и благополучно дошла до наших дней.

Уменьшилось лишь число порций мороженого до 48 из-за того, что число юных друзей Хоттабыча сократилось после 1951 г. с трех до двух, да и число 43 потеряло свое значение, так как фамилия фокусника изменилась с Мей Лань-чжи на Сидорелли (очевидно, после прихода коммунистов к власти в Китае нельзя было выставлять китайского фокусника в невыгодном свете).

Зато в изданиях после 1955 г. появился еще один еврейский мотив – наказание одноклассника Вольки лаем за злословие.

На основании текста Танаха выводится, что за злословие человек наказывается тяжелой болезнью – проказой. Основа лечения – изоляция больного от общества и его отказ от злословия. Л. Лагин взял более доступное для понимания каждого, не требующее доказательств, наказание – собачий лай. Собачий лай, он же – брех, а брехня – это ложь. За брехню Гога Пилюкин (Пилюля) был наказан брехом. Простенько и со вкусом – для массового советского читателя. Но для внимательного еврейского глаза – это намек на традиционный еврейский комментарий: наказание тяжелой болезнью за злословие. Лечение Гоги состояло в его изоляции, а излечение наступило только после его отказа от злословия – в полном соответствии с еврейской традицией.

Тем не менее, после Великой Отечественной войны, уравнившей соотечественников в несчастье, проблема национальной идентификации, очевидно, уже не была для Л. Лагина столь важной, как при написании повести в 1938 г. А после создания еврейского государства Израиль в 1948 г. и доказательства его жизнеспособности в последующих за тем войнах можно было перевести дух и не упорствовать в рискованных усилиях по сохранению еврейского менталитета в «самой справедливой стране мира». Так в откровенной беседе с писателем Михаилом Леонидовичем Лезинским 25 июня 1974 г.¹³ Л. Лагин признался, что именно в книге, изданной в 1972 г. (где уже давным-давно не было ни «лехододиликраскало», ни намек на Шавуот), он «восстановил свои собственные слова и всё-таки воткнул в неё недостающие главы». Приоритеты поменялись...

¹³ Лезинский М. Л. Встречи со стариком Хоттабычем
http://zhurnal.lib.ru/l/lezinskij_m_l/wstreachasostarikomhottabychem.shtml.

К слову, в той же беседе Л. Лагин признался, что «писал памфлет на книжки подобного рода (волшебные сказки – Б. Л.), а Хоттабыча изувечили, выбросили из книги несколько глав и так отредактировали, что памфлет превратился в волшебную сказку».

В любом случае, Л. Лагин вкладывал в «Старика Хоттабыча» определенный подтекст, а не просто развлекал читателя.

Минский писатель Михаил Яковлевич Володин, глубоко исследуя в 2016 г. еврейский феномен «Старика Хоттабыча» своего земляка Л. Лагина, упоминает также об именах и названиях из повести, связанных с ивритом, но, к сожалению, не приводит примеры¹⁴.

Интересен вывод М. Я. Володина о причине появления еврейских мотивов в «Старике Хоттабыче». Работа над сказкой для детей невольно напоминала Л. Лагину о своем собственном детстве, проведенном в черте оседлости, и эти еврейские воспоминания он, повинаясь зову сердца, вставил в повесть, но, руководствуясь голосом разума, тщательно их зашифровал.

Судя по словам самого Л. Лагина, записанных М. Л. Лезинским, автор «Старика Хоттабыча» именно так и творил. «Страсти не должны нас подавлять, надо давать им выход», – это обращенное к нему дружеское напутствие поэта В. Маяковского запомнил Л. Лагин с 28 ноября 1926 г. на всю жизнь (Л. Лагин дожил до 16 июня 1979 г.).

Здесь можно предложить небольшое, но все же существенное дополнение. Кроме значительной причины всегда есть и малозаметный повод к творчеству, последняя капля, переполняющая чашу терпения, в общем, то, что дает импульс творческому процессу.

Представляется, что таким поводом, вынудившим еврейское сердце Л. Лагина биться сильнее, стало письмо учеников 4 класса 61-й школы Москвы о прошедших 28 мая 1938 г. испытаниях (экзамене) по истории нашей родины, опубликованное в газете «Пионерская правда» №74 от 2 июня 1938 г., на первой странице: «Мы очень полюбили историю нашей родины. За этот год мы узнали, как много храбрых и умных людей было на русской земле. Мы знаем теперь, откуда произошел наш великий народ, как он боролся и как завоевал свою свободу. Нам было бы очень стыдно, если бы мы не сумели сдать на «отлично» историю нашей родины».

¹⁴ Володин М. Я. Воскрешение Лазаря, или Историйка о джинне из черты оседлости <https://blog.t-s.by/minskie-istorijki/2016/12/voskreshenie-lazarya-ili-istorijka-o-dzhinne-iz-cherty-osedlosti/>.

О НАШЕЙ РОДИНЫ МЫ УЧИЛИ И СДАЛИ НА «ОТЛИЧНО»

«А вы знаете, почему нам всем так весело сегодня? Мы сдали испытания по истории нашей родины так, как их и должен был сдать каждый школьник: мы все получили «отлично»! Ну как же тут не радоваться?»

Слева направо: в первом ряду — СОНЯ РИВКИНА, ВАСЯ ЖЕЛУДКОВ, ЮРА КАЗАНСКИЙ, МАНЯ НОЖНИЦКАЯ; во втором ряду — СЛАВА КУЗНЕЦОВ, ЖЕНЯ КУРЫШКИН, ЛЕНА ПЕВЗНЕР.

Фото С. ВАСИНА

Очень интересный предмет

Мы иногда слышали, как некоторые ребята говорят:

— Ничего, что...

ржавого!.. А потом вдруг подумаешь: а как же выглядело все

вообще, когда этот изобретение было...

Мои любимые страницы

Я очень люблю историю

Рис. 5. Отличники истории нашей родины

Не потому ли придуманные Л. Лагиным события в цирке произошли накануне Шавуота, 3 июня 1938 г., и до отказа напичканы еврейскими мотивами, что в эти же дни, 2 июня 1938 г., в советской реальности было опубликовано письмо об идентификации себя с русским народом, подписанное детьми, добрая половина из которых — евреи?

По прошествии столетия жесткой советской ассимиляции это режет глаз. Насколько же больно это было читать тогда еврею, еще не оторванному от своих корней!

Если это действительно так, и еврейские мотивы в «Старике Хоттабыче» появились в ответ на ассимиляторскую государственную политику в СССР, то вывод М. Я. Володина о ностальгии придется отодвинуть на второй план. Главным тогда следует признать защиту Л. Лагиным еврейской идентичности.

Рис. 6. «Мы очень полюбили историю нашей родины...»

Определяющим признаком еврейской идентичности является не форма носа, цвет глаз, или форма головы, а еврейское мировоззрение. Основными особенностями его можно считать строго исходящие из абсолютного единобожия: ощущение цельности мира, ответственность, ценность жизни, любовь к ближнему¹⁵... И это мировоззрение зафиксировано, кодифицировано в священной книге иудаизма, Торе. Поэтому-то, не будучи религиозным, Л. Лагин вынужден был апеллировать к религиозным понятиям.

Итак, отбросив частности, подчеркнем главное в «лехододиликраскало» и иже с ним. Использование в советском литературном произведении узнаваемых евреями специфических еврейских слов, выражений и даже чисел вольно или невольно, какую бы цель ни постулировал и ни преследовал автор, поддерживало еврейскую идентичность, не позволяя окончательно раствориться в понятии «советский человек» одной из самых древних наций.

¹⁵ Поскольку в массовом сознании постулат о любви к ближнему ассоциируется исключительно с христианством, то утверждение о принадлежности его иудаизму требует доказательств, они здесь: Левин Б. Х. Возлюби ближнего, как самого себя http://samlib.ru/l/lewin_b_h/vozlubi-bliznego-kak-samogo-sebya.shtml.

Игорь ЛеШ

Не говори «не могу»

Не говори «не могу», и сможешь,
И не в загул, а сдирая кожу
Песней с треснувших губ – не раньше, но и не позже
Услышишь Вселенной гул, лёжа в винтовочном ложе.

Не кормите ножом тело тысяч проекций,
Не корите, прожжён вальсом сказочно-венским,
Он – полёт и тоска в берегах без оправы,
И не надо о том, прав он или не прав он!

Озарением слуг и прозрением стансов,
Бунтом ласковых губ и смертельностью танцев
Мы спешим в никуда по дороге надежды,
Светлый вечер – слуга, слишком прежде и между.

Говори: «я могу» в ослепление потешном,
И на том берегу безнадёжная нежность
Нам поставит прогул. Слишком прежде и между –
Как тебя я найду, жизни выстрел и стержень?!

Исанна Лихтенштейн

Из далекого прошлого в жуткое настоящее

В тысячелетней истории Киеву довелось пережить много испытаний. Фундамент разрушенной еще татаро-монголами Десятинной церкви бережно сохраняется как символ города. На этом фундаменте построен Исторический музей.

24 февраля 2022 года Россия напала на Украину...

Вспомнить хочу о другом. О Холокосте.

22 июня 1941 года Германия напала на СССР. В 11 утра Молотов объявил о вероломном нападении Германии.

Хорошо запомнился этот день.

19 сентября 1941 года немцы захватили Киев. 29–30 сентября 1941 года начались расстрелы в Бабьем Яру. Шли по улице Большая Житомирская. Торопились!

Евреям было велено покинуть дома и направиться к урочищу на Лукьяновке, так называемому Бабьему Яру. Что и как происходило, многократно описано, не стану повторяться. Достаточно прочитать «Бабий Яр» Феликса Кузнецова.

Нам повезло избежать трагедии, эвакуировались 7 июля 1941-го в Харьков, потом в Сталинград. В октябре, под начавшимися бомбежками, отец, майор медицинской службы, служивший начальником эвакуотдела ФЭП 75 Сталинградского фронта, помог нам, с только что родившимся Виктором (от слова виктуар – победа) выехать на Урал, где к тому времени уже были мамы родители.

В 1944 году вернулись в Киев. Крещатик лежал в развалинах, как и частично улица Прорезная. Упоминаю только центральные улицы.

Было не до Бабьего Яра.

Прошли годы, много лет о трагедии не вспоминали, в редких публикациях звучало «советский народ».

Нашлись неравнодушные!

Илья Эренбург первым (1944 год) написал стихотворение о Бабьем Яре. Писатели – Виктор Некрасов и Микола Бажан, врач академик Исаак Трахтенберг и другие в годовщину Бабьего Яра выступали на месте расстрела.

Власти в это время занимались созданием парка, «удобрения» позволяли.

Помню, как в Доме архитектора на улице Прорезной была выставка проектов памятника Бабьего Яра. Выбрали не лучший. В конечном итоге что-то менялось. Возникали памятники на месте расстрела – один, другой. Значительно позже художник Аким Левич поставил Менору. На домашних чаепитиях рассказывал о сложностях в процессе работы, не профессиональных, а – преодоления чиновничьих советов.

Время шло. Острота уходила в прошлое.

Я работала участковым педиатром на Куреневке. Участок примыкал к месту трагедии. Не раз и не два натыкалась на торчащие из земли не убранные кости. Всегда жутко, а в молодости?!

13 марта 1961 года у меня, врача-педиатра, было суточное дежурство в больнице на улице Петропавловской (Куреневка). Утром позвонил муж, ехавший на работу в Пущу-Водицу. Он оказался свидетелем катастрофы, и только опоздание на предыдущий трамвай спасло ему жизнь. Он видел молодого человека, в охватившем его безумии хохотавшего и что-то кричащего. Трамвай упал на пути, пошел счет погибшим. Полностью снесло здание трамвайного парка. Служащие погибли. В их числе была мать моего пациента, которой накануне давала бюллетень по уходу за больным ребенком. Отказалась, не желая увеличивать число больничных листов по уходу. Как бы не уволили! Не пришлось! Ребенок осиротел. Отец передвигался на костылях.

Муж велел дожидаться его, не уходить из дому. До дежурства оставалось несколько часов. Ситуация осложнялась расположением больницы, в 50–100 метрах от потока.

Что произошло? Недалеко от Бабьего Яра построили кирпичный завод. Селевой поток¹⁶, тысячи тонн пульпы из Бабьего Яра из-за размыва дамбы ринулся на город, смывая все на своем пути. В потоке выплывали кости убиенных, корни деревьев и многое другое.

¹⁶ Из нескольких вариантов сброса непроизводственных грунтов из карьеров кирпичного завода был выбран наиболее экономичный – в отроги Бабьего Яра. Решалось сразу несколько городских задач. Вопрос памяти жертв массовых казней в Бабьем Яру не рассматривался. Подробнее смотрите в Википедии – «Куреневская трагедия».

Поток прошел по территории психиатрической лечебницы, впавшие в панику пациенты метались вокруг корпусов по территории больницы. Их с трудом вернули в отделения. Здания пострадали, но не рухнули.

Поехала на работу. Частично транспортом, долго шла пешком, увязая в глине, покрывшей и трамвайные пути. Приняла дежурство. На улице было шумно, прислали солдат, много техники.

Поздно вечером из горздрава получила приказ эвакуировать больницу, куда, как? Два отделения, включая неврологическое с лежащими детьми.

Не скрою, испугалась не на шутку. Звонила старшим по должности коллегам, главному врачу. Через короткое время приказ отменили.

Потом пошла обычная рутина: скрывали число пострадавших, виновных в произошедшем – «кого-то не разбудили, не предупредили». Ничего неожиданного.

На самом деле тревожные предупреждения были, проигнорировали, пронесет. Не пронесло!

«...Мы поднатужимся и встанем,
Костями застучим. Туда,
Где дышат хлебом и духами
Ещё живые города.
Задуйте свет. Спустите флаги.
Мы к вам пришли. Не мы – ОБРАГИ».
Илья Эренбург, «БАБИЙ ЯР», 1944 г.

Доживем до лучших времен?!

Гелена Степура

Голубой вагон

Израильский поезд. Неисчерпаемый источник эмоций и историй. Передвижная сцена театра нашей жизни. Ежедневный экзамен на выдержку и чувство юмора. Два часа моей жизни, когда я могу никуда не торопиться, поскольку от меня это уже не зависит. Сидеть, наблюдать и слушать.

Операция «Цук Эйтан» («Нерушимая скала») в самом разгаре. Нещадно обстреливается юг. Голос из динамиков на станции, невозмутимо объявляет:

– Уважаемые пассажиры! Поезд на Тель Авив, Хайфу и Нагарию отправляется с платформы номер один. Поезда в аэропорт Бен Гурион и Иерусалим отправляются с платформы номер четыре. Пассажиров, направляющихся на юг страны, убедительно просим заново взвесить своё решение, стоит ли вам туда ехать.

Зима. Первый дождь, он же апокалипсис, он же всемирный потоп. Наш поезд вплыл в устье прекрасного города Лода и вспомнил, что он поезд и плавать не умеет. Пассажиров, уверенных, что доедут домой в тепле и сухости, выкинули на перрон, под ливень. Через десять минут толкотни и возмущения, голос диспетчера задорно завопил, что сейчас с пятой, самой дальней платформы, уедет поезд домой, и кто не успел, тот опоздал. Что сказать... Люди у нас в исключительной спортивной форме, возраст, болезни и вес чемоданов. Препятствия брали легко, на кураже. Успели все. Практически уверена, что станционные работники, глядевшие на этот забег из застекленной будки, делали ставки.

Еду с работы. Рядом сидит мужчина средних лет. Галстук, очки. Читает книгу «Игра в бисер». Звонит телефон. Мужчина прикладывает мобильник к уху и тоном учителя физики произносит:

– Добрый день. Я хотел тебе сказать, что ты, к сожалению, вырос идиотом. И нет, не в меня. Если ты такой взрослый, что купил бутылку водки, так поставь её в мой бар, а не прячь за диваном. Барсик её вчера нашёл и гонял по всей квартире. Хорошо, что я пришел домой раньше мамы!

Станция «Тель-Авив аШалом». В вагон заходит и садится напротив меня очаровательная старушка божий одуванчик. Она в желтом мини-

платье и изящной шляпе. Волосы, естественно, огненно-рыжие. Тель-авивский шик. Она достает телефон и включает кино. Ну как кино... порно. Причём с синхронным переводом на русский. Звук на максимум, поскольку старая карга глухая как пень, слуховым аппаратом пренебрегает, а про наушники не подумала. Вагон в восторге. Наконец кто-то ей замечает, перекивая стонущую актрису, что, мол, мешает. Старушенция закрывает телефон и, радостно улыбаясь, сообщает публике:

– Такая передача интересная... я аж заслушалась.

Иду на поезд. Вдоль станционного ограждения снаружи длинная полоса разноцветных кустов. Наблюдаю, как один из охранников ходит вдоль этой эстетики, периодически нагибаясь и заглядывая в кусты. «Молодец, – думаю, – бдительный. Ответственно к работе подходит». Свое восхищение я немедленно озвучила. Оказалось, все намного интересней. Недалеко от станции расположена местная психиатрическая клиника. У них лечится женщина, которую на выходные отпускают домой. Врачи постановили, что ей не требуется сопровождение, и она идет на станцию сама. Но иногда, по дороге, на нее находит приступ паники. И тогда она прячется в этих самых кустах и сидит и плачет, пока её не находят. Медсестры из клиники придумали решение: когда пациентка выходит за ворота, они звонят на станцию и сообщают. И если в течение 10 минут она не появляется, то один из охранников идёт её искать. Я ее потом видела. Маленькая блондинка средних лет. Как она его благодарила...

Семь вечера. Еду домой. Голодная, как собака, не успела пообедать... И в ближайший час еды не будет. Передо мной садится мужик с огромным картоном свежих горячих бурекасов. Запах... сейчас умру. Надо запретить заходить в поезда с чем-то вкусно пахнущим. Это же оружие массового поражения. Пассажиры глотают слюни и усиленно копаются в смартфонах. Счастливый обладатель картона интересуется:

– Господа, кому бурекас? Я бы и сам съел, но я на них уже смотреть не могу.

С этого момента атмосфера в вагоне меняется кардинально. Люди жуют, улыбаются, разговаривают. Бурекасы однозначно сближают.

Август 2024. Утро. В вагоне едут двое солдат бригады «Гивати». Лица у обоих уставшие донельзя. Вопросы, откуда они едут, не возникает. Один мальчик восточный, смуглый, с кипой. Второй – ярко выраженной славянской внешности. На очередной станции в вагон заходит юноша-ортодокс и предлагает пассажирам возложить тфилин и помолиться. Кто-

то отворачивается, кто-то отрицательно крутит головой. Он доходит до солдат и радостно обращается к тому, что с кипой:

– Ах шели (братишка)! Тфилин? Помолиться?

Реакция быстрая и неожиданная.

– За себя помолись, сука! Какой ты мне брат?

Ортодокс пугается и отступает. Славянский мальчик обнимает своего друга и успокаивающе говорит:

– Тихо, тихо... все хорошо. Давай помолимся. Ты сам меня учил, что помогает.

И обращаясь к обалдевшему ортодоксу:

– Давай сюда тфилин. Как он крепится?

Тот, что с кипой, отбирает у приятеля ремешки.

– Не так. Всему вас, русских, учить надо.

Снимает свою кипу, надевает на белобрысую круглую голову. Заплетает ремни. И внятно артикулируя, произносит слова, которые за ним повторяет русский мальчик:

– Благословен Ты, Господь, Бог наш, Царь мира, который освятил нас Своими заповедями и повелел нам возлагать тфилин.

Пять часов вечера. Час пик. Вагон полон. Люди сидят молча, читают новости, слушают музыку в наушниках, переписываются. У всех в руках смартфоны. В вагон заходит дедок. Он без смартфона. Ему скучно. Хочется общения. Наконец он выдаёт в пространство мысль.

– Вот вы говорите, демократия.

Пауза в надежде на реакцию. Люди молчат. Дедок продолжает:

– А я говорю, без сильного лидера ваша демократия – это бардак. Эти ваши левые... что они сделали для страны? Все что они умеют – это ходить на демонстрации, когда нормальные люди работают.

Люди молчат. Переглядываются. Понимают, что любая реакция выльется в скандал. Но дедок не унимается:

– А эти ваши правые... они же скоро превратят нас в Северную Корею!

В ответ тишина с легким оттенком недоумения. Дедок не тормозит:

– А эти досы! Которым все положено! Они верят в бога и швыряют камнями в наших солдат! Ещё хуже арабов.

В ответ ни звука.

– А этих новоприбывших вы видели? Сколько среди них гоев! Скоро наши дети будут учить в школе русский.

Наконец кто-то сдаётся:

– Уважаемый, мы уже все поняли, что мы тебе не нравимся. А теперь заткнись, пожалуйста, и дай людям спокойно доехать.

Реакция не заставляет себя ждать:

– А вот не заткнусь! Я, слава богу, живу в демократической стране! Имею право высказываться!

Катится себе фургончик площадного театра, со всеми декорациями. Из Тель Авива в Модииин, из Хайфы в Беер Шеву. Пропахший бурекасами, набитый актерами. Два часа представления ежедневно. Трагифарс. Ну а если этот жанр вас раздражает, то убедительно прошу заново взвесить своё решение, стоит ли вам ехать.

Сновидения Андрея Софьина¹⁷

Мы привыкли замечать только то, что научились видеть, и только так, как нас этому обучили. Привычка анализировать предметный мир с помощью органически усвоенных законов оптики, наверное, досталась нам от диких животных, для которых зрение есть только функция инстинкта выживания. Однако история изобразительного искусства, восходящая к эпохе Палеолита, имеет под собою иную основу и может быть представлена как долгое и непоследовательное развитие не обременённых прагматическими целями способов визуального воспроизведения материи.

Картины Андрея Софьина, исполненные в основном в технике масляной пастели, воспринимаются не как нечто, фиксирующее изображения материального мира, но, скорее, как спонтанная запись умственной и эмоциональной реакции художника на видимые или, скорее, сно/видимые образы.

Основой иконографического лексикона его сюжетных картин становятся почти ирреальные персонажи с детскими пропорциями и детскими же чертами лиц, весело играющие друг с другом, прогуливающиеся по улице, грустящие в одиночестве или входящие в нежные лирические объяснения. Утончённый лиризм, подчёркнутый традиционным для романтиков всех времён контрастным противопоставлением сине-голубого, сиреневого, золотисто-жёлтого и изумрудно-зелёного цветов, с редким обращением к красному, пронизывает всё творчество этого художника.

Образная система Андрея Софьина родственна символизму эпохи *fin de siècle*, выросшему из интеллектуального протеста против позитивистского мировоззрения и материалистического понимания мира. Художник Одилон Редон, одна из ключевых фигур той отдалённой эпохи, в своём дневнике под названием «Себе самому» («*A soi-même*»), который вёл почти полвека, неоднократно подчёркивал значимость воображения в искусстве, опираясь на принцип «главного глазами не увидишь». Он писал: «<...> Некоторые люди решительно хотят свести работу художника к

¹⁷ Работы Андрея Софьина представлены в картинной галерее этого номера.

изображению того, что он видит. Те, кто остаются в пределах этих узких рамок, ставят перед собой невысокую цель. Старые мастера доказали, что художник, выработавший собственный язык, и заимствовавший у природы необходимые средства выражения, – обретает свободу и законное право черпать свои сюжеты из истории, из поэзии, из своего собственного воображения». Думается, что под этими словами вполне может подписаться и Андрей Софьин.

Академическая формула рисования у Андрея Софьина безраздельно приносится в жертву экспрессивному выражению некоей экзистенциальной идеи, связанной с неопределённым страхом или тревогой. Тревожная интонация, как ни странно (возможно, по инерции зрительского восприятия), звучит, и в его «несюжетных» картинах, отображающих природу, – будь то сирень, цветущий барбарис или тюльпаны. В некоторых картинах последнего времени («Движение», 2021, и др.) Андрей Софьин отдаёт дань невзыскательным «мелочам», составляющим звенья периферийной городской жизни. Но и здесь тепло лирической чувственности торжествует победу над прозой обыденного сознания, сновидения – над навязчивой банальностью материального мира.

Сведения об авторах

Татьяна Андреева. Родилась и живет в Москве. Закончила Финансовый университет при Правительстве РФ. Выпускница литературных курсов Creative Writing School и Band. Участница семинаров Школы писательского мастерства «Пишем на крыше», организованных редакцией журнала «Вопросы литературы». Публиковалась в журналах «Пашня» и «Урал», в сборнике рассказов издательства «Альпина». Рассказы входили в длинные и короткие списки различных конкурсов.

Владимир Арцис. Родился в Москве в 1930 г. После окончания химического института в 1953 г. работал в оборонной промышленности. В 1972 защитил кандидатскую диссертацию. Более 40 лет был членом общества «Знания» и прочитал около 1000 лекций на различные темы. В 1995 г., уже будучи пенсионером, приехал «как турист» в Израиль к детям, репатриировавшимся ранее, и остался на ПМЖ. В Израиле продолжал лекционную работу в рамках Дома ученых Хайфы. Является руководителем Дискуссионного Клуба. Выпустил два сборника стихов.

Эли Бар-Яалом. Израильский бродячий сочинитель (и исполнитель) стихов и песен, иногда переходящий на прозу. В прошлом – университетский преподаватель, работавший также в школе для одарённых. Популяризатор лингвистики. Периодически вместо концертов устраивает лекции на разные темы (обычно о языках). всю жизнь живёт в Хайфе, хотя родился всё-таки в Питере (1968). Воспитывает двух взрослых дочерей, воспитывается сыном-подростком и кошками. Остальные подробности его биографии либо столь невероятны, что никто в них не поверит, либо столь тривиальны, что никто ими не заинтересуется. Дважды лауреат (2024 и 2025) международной премии имени Л. Духовного (США) в области авторской песни, а также премии Ури-Цви Гринберга (2009),

"Олива Иерусалима" (2007), "Песня года (БардЮга)" (2001), "Лучший автор (Дуговка)" (1996) и чего-то там ещё. Член жюри различных литературных конкурсов. Вышла книга стихов "Котёнок русского языка" (2023).

Анжела Беленко. Родилась в Одессе в 1955 году. По профессии – воспитатель детского сада, педагог дополнительного образования. Организатор, руководитель детских мультипликационных студий в Крыму и Фестиваля детского анимационного творчества «Чудо-остров». Писать стихи и сказки начала в 45 лет, публиковалась в ялтинском литературном альманахе, в сборнике крымских авторов, участвовала в литературных конкурсах. Автор нескольких книг. Член редколлегии СОНАРа.

Арина Браги. Писательница, скалолазка и профессор нейробиологии. Я легко совмещаю эти роли, так как живу и работаю в университетском городке у подножия Скалистых гор в Америке. В своих произведениях я опираюсь на то, что мне хорошо знакомо: университетскую среду, а также жизнь и быт аспирантов. Я обожаю гулять по улицам любимых городов – Нью-Йорка и Санкт-Петербурга, позволяя своему воображению путешествовать сквозь прозрачные слои времени этих мегаполисов.

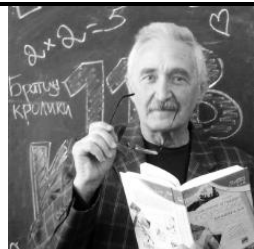

Константин Вихляев. Родился в 1954 г. Живет в Санкт-Петербурге. Историк, краевед, публицист, автор ряда научно-популярных изданий, а также стихотворных сборников "Тетради Авроры" и "Безветрие". Организатор ежегодного фестиваля поэзии и песни "Осенняя Ялта". Автор 7 стихотворных сборников, 2-х сборников короткой прозы, 14 монографий по истории отечественной ботаники, истории театра и немного кино, истории белой эмиграции. Член Российского Союза профессиональных литераторов. Лауреат премии им. А. П. Чехова (2012). Лауреат премии им. С. Есенина (2019). Дипломант фестиваля «Императорские сады России – 2013» (Санкт-Петербург) в номинации «Литература».

Лауреат Международного литературного конкурса им. И. Царева «Пятая стихия» (2019). Лауреат (Гран-при) фестиваля «Покровский собор» (Москва) в номинации «Поэзия» (2021). Лауреат литературного конкурса «Русский Гофман» (г. Калининград, 2023) в номинации «Поэзия». Шорт-лист Международного Волошинского конкурса (2023). Лауреат Международного литературного конкурса «Лебеди над Челнами» (г. Набережные Челны, 2023). Дипломант Всероссийской поэтической премии имени Анны Ахматовой (г. Санкт-Петербург, 2025).

Оля Вольгин. Родилась в Москве в 1977 году, образование – психологическое и искусствоведческое. В 2025 году вышла дебютная книга «При перемене мест» в издательстве «Делаландия». Живет в Кирьят-Моцкин, Израиль.

Игорь Гариевич Вульфийус (Гарич). Заслуженный учитель республики Крым. Преподаватель русского языка с полувековым стажем, легенда Ялты. Автор справочников по горному туризму для молодежи. Профессиональный спелеолог и горноспасатель, путешественник, краевед, минералог, поэт, бард, исследователь Крыма и Севера.

Семен Златин. Доктор медицины. В 1967 году с отличием закончил Крымский медицинский институт. Работал участковым врачом в г. Кустанае Казахской ССР, а затем заместителем заведующего горздравотдела. По возвращении в Евпаторию работал ревматологом этого курорта, затем руководителем отделения курортной реабилитации Института ревматизма АМН СССР. Имеет авторские свидетельства на изобретения. Награжден государственными наградами, знаком Отличник здравоохранения СССР и золотой медалью Международной ассоциации «Знание». Автор книг и более 100 научных статей. С 1998 года живет в Израиле. Член Совета Дома ученых Хайфы.

Светлана Зобнина. Математик, психолог, поэт, религиозный философ. Родилась в 1956 г. в Москве. В Израиле с 2023 г. Член Союза писателей России. Стихи опубликованы в литературно-публицистических журналах «Российский колокол», «Лехаим» и в различных поэтических сборниках. Издала в России 2 книги стихов: «Птица-остров» в 2002 г. и «Невидимого пламени

ожог» в 2021 г., а также эзотерическую книгу «Новейшая история Творца». В 2025 г. опубликовала в Интернете философское исследование экзистенциального характера «Развенчать непостижимое», совместившее философские размышления, математические построения и личный духовный опыт.

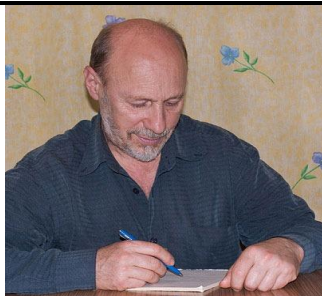

Александр Крамер. Родился в Харькове. Окончил харьковский политехнический институт, заводской инженер. Участвовал в ликвидации последствий чернойбыльской катастрофы. Получить филологическое образование не удалось, о чем и сегодня жалею. Впрочем, инженерная жизнь позволила поехать по бывшему Советскому Союзу, увидеть множество городов, пообщаться со множеством разных людей...

Пишет давно. Ещё со школьных времен. Начинал со стихов, но приходилось писать "в стол". Возможность печататься появилась только за несколько лет до переезда с семьёй в Германию в 1998 году. Уже в Германии стал писать прозу и публиковаться в детских и взрослых периодических изданиях России, Украины, Канады, Германии, США, Болгарии и других стран. В 2009 году несколько рассказов вошли в «Антологию российских писателей Европы» (Москва), в 2013 – в сборник рассказов «Десять домиков» (Израиль), в 2020 – в «Антологию русской литературы XXI века» (Волгоград), а в 2024 – в сборник фантастики "Формула XXI" (Волгоград).

Борис Левин (1955 г.), образование высшее техническое, работал в НИИ стройматериалов (Минск), после сорока потянуло на литературное творчество (стихи, рассказы, статьи...), а затем от простого наблюдения над людьми плавно перешел к исследованию их движущей силы – религии в библейском исполнении (несмотря на свой атеизм). Библеистика, иудаизм и христианство, еврейские вопросы – нынешние интересы. Кое-что напечатано в газетах, сборниках, отдельной книгой, многое из написанного опубликовано на сайте «Самиздат», публикуется на порталах «Заметки по еврейской истории» и «Круг интересов».

Игорь ЛеШ (Игорь Леонидович Шмеркович). Родился 02.04.1949 г. в Харькове. Окончил харьковскую 27 физ-мат. школу и ХИРЭ. Работал в СССР инженером и еще много где и кем. Имеет двух детей – сына и дочь, 1975 и 1979 г. р. Репатриировался в Израиль в 2019 году. Живет в Хайфе. С 1982 года начал писать, автор стихов и рассказов. Публикуется в журнале

«Сонар», на сайтах «Проза.ру», «Стихи.ру» и в других изданиях.

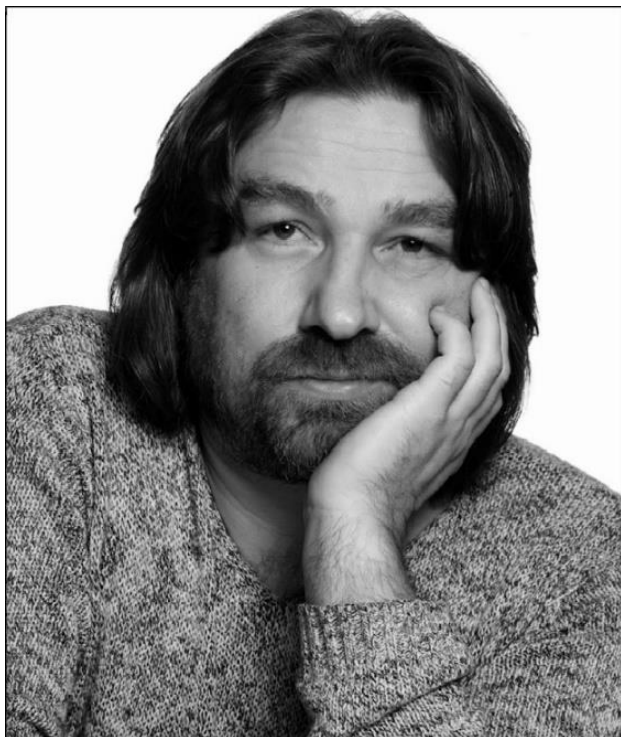
Дмитрий Северухин. Родился 13 февраля 1954 г. в Ленинграде. Историк русского искусства и литературы. Доктор искусствоведения, профессор петербургских вузов. Член Союза художников России, Международной ассоциации искусствоведов и критиков (AIS) и Санкт-Петербургского союза писателей. Окончил электромеханический факультет Ленинградского Политехнического института. Работал инженером-технологом, научным сотрудником в НИИ. С конца 1970-х гг. параллельно с инженерной практикой занимался искусствоведением и литературоведением, сначала как любитель, затем профессионально. Автор более 400 научных публикаций, в том числе монографий и справочных изданий, восьми книг прозы и поэзии. В разные годы выступал также как куратор

художественных проектов и художник-живописец, график, иллюстратор. С 2022 года живет в Хайфе.

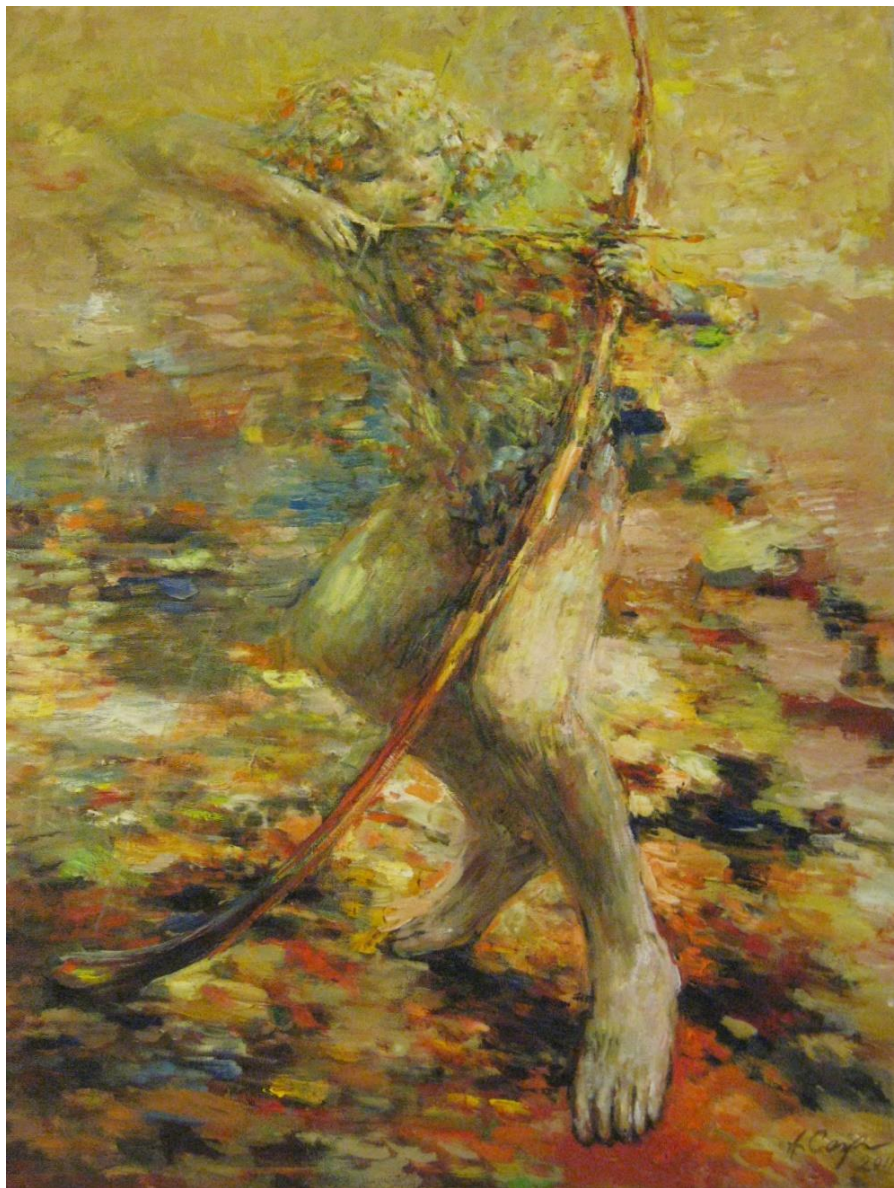
Гелена Степура. Родилась в Кишиневе в 1980 г. Репатриировалась в Израиль 1990 г. Доктор технических наук. Училась в Технионе на факультете авиации. Работает по профессии. В свободное время пишет прозу и играет в театральной студии.

Картинная галерея

Картинная галерея номера представляет работы Андрея Софьина.

Художник Андрей Софьин родился в 1962 г. в Перми. В 1981 г. окончил художественно-графический факультет Пермского педагогического училища. Член Союза художников России, один из организаторов и член правления Петербургского Общества пастелистов, член Объединения профессиональных художников Израиля. Участник 40 тематических выставок и 30 персональных. Автор более 3500 живописных, графических и монументальных работ. Работы находятся в музеях России и в корпоративных и частных коллекциях России, Израиля, Польши, Англии, Франции, Канады, Австралии и Германии.

Лучник. Холст, масло. 90х70.

Притча. Бумага, пастель. 50х30, 2021 г.

Зимородки. Холст, масло. 20х30, 2014 г.

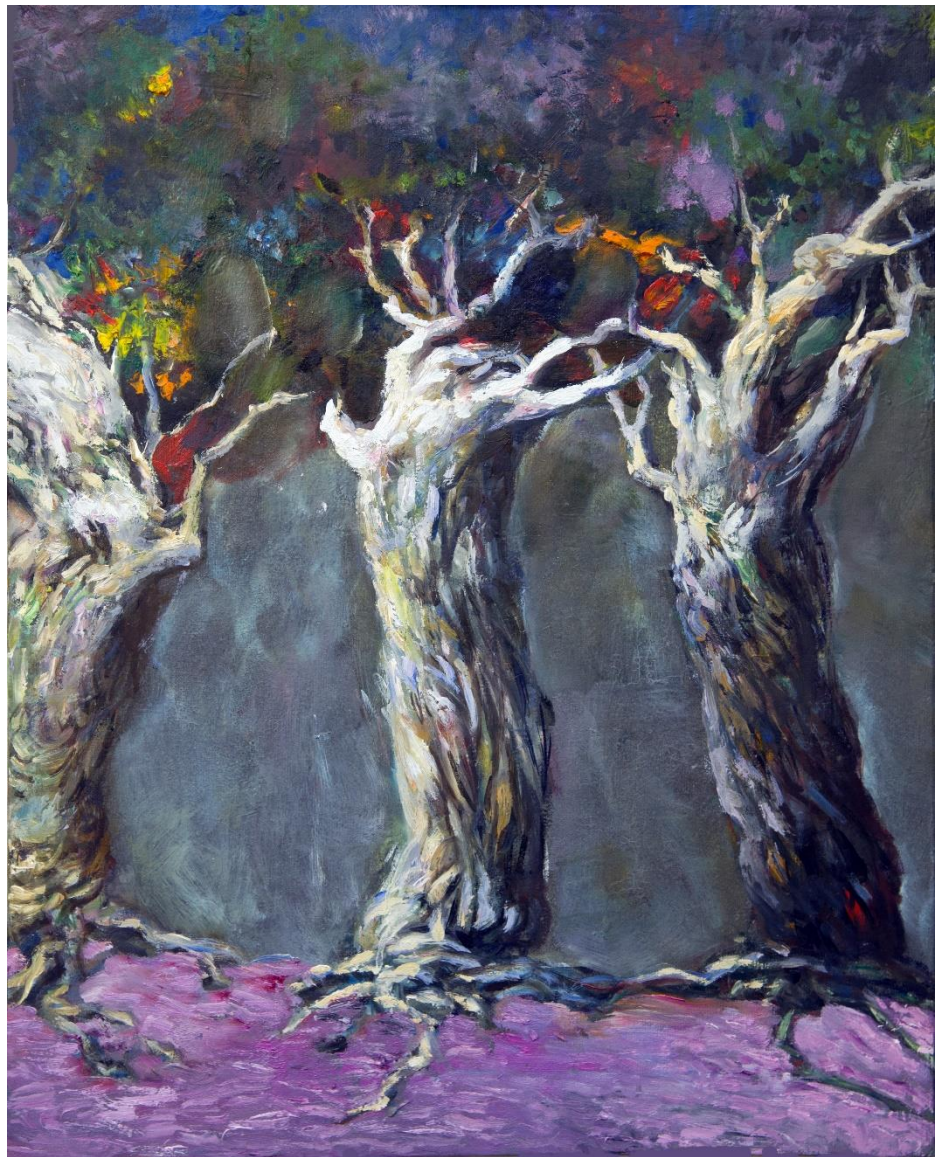
Стая. Бумага, пастель. 30х50.

Дерево. Холст, масло. 80х140.

Наблюдатель. Холст, масло. 40х50.

Деревья. Холст, масло. 50х40.

Сон 1. Холст, масло. 80x100.

Подсолнухи. Бумага, пастель. 70x100, 2013 г.

Радуга. Бумага, пастель. 60x50, 2012 г.

Дочки-матери. Холст, масло. 80х60, 2007 г.

Литературно-публицистический журнал, (((СОНАР)))
№ 20, 2026 г. Редакция СОНАР, Хайфа, Израиль